18+

Александр Сих

ЖИВЯ В АДУ, НЕ ЗАБЫВАЙТЕ УЛЫБАТЬСЯ ЛЮДЯМ

Александр Сих

Живя в аду, не забывайте улыбаться людям

«Издательские решения»

Сих А. С.

Живя в аду, не забывайте улыбаться людям / А. С. Сих — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935402-0

Данная книга представляет собой сборник повестей, рассказов, монологов, сценок и зарисовок. Многообразие жанров, от социальной фантастики и мистики до смешных жизненных ситуаций, позволит каждому читателю найти что-то своё. Многие произведения написаны с гротеском и аллегорией, и почти все — с юмором. Смеясь, не насмехаться — улыбаясь, не злорадствовать. Таков девиз автора.

ISBN 978-5-44-935402-0

© Сих А. С.
© Издательские решения

Содержание

Повести 6
Тайны планеты Фантом 6
Харон 49
Рассказы 76
На повестке времени – Любовь 76
Мемуары чиновника во фрагментах 84
Иммунитет души 89
Конец ознакомительного фрагмента. 94

Живя в аду, не забывайте улыбаться людям

Александр Станиславович Сих

© Александр Станиславович Сих, 2019

ISBN 978-5-4493-5402-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Повести

Тайны планеты Фантом

Уж если решил – иди до конца,
А дойдёшь – всё поймёшь.
Когда сердце не из свинца,
То счастье своё обретёшь.

Не всякое преступление – грех,
Не всякий грех – преступление.

ПРОЛОГ

Рейсы на планету Фантом носили крайне нерегулярный характер, но всегда сопровождались ажиотажем, волнением и страхом. И если ажиотажу и волнению были подвержены абсолютно все, включая представителей Великого Императора, учёных, в наименьшей степени – астронавтов, в наибольшей – пассажиров-колонизаторов, то страх довлел исключительно над последними. А всё потому, что именно им предстояло изучать и осваивать данную планету. И всё бы ничего, если бы не два фактора, определяющие и характеризующие планету и пассажиров. Фактор первый – с планеты ещё никто не вернулся и даже не пробыл на связи более минуты, после чего бесследно исчезал. Фактор второй – уже год, как пассажирами на Фантом являлись исключительно преступники, да и тех на Земле становилось всё меньше и меньше. А преступников, обладающих умом, волей и смелостью, находилось и того меньше. На Земле царили Порядок, Дисциплина и Субординация, где каждый добропорядочный, то есть – послушный и исполнительный, гражданин имел персональный идентификационный номер, личное право на буквенное обозначение, а также обязательное право на труд.

ГЛАВА 1

– Ну что ж, подлые отщепенцы нашего счастливого общества, – сказал главный надсмотрщик Южного округа Восточной сатрапии Великой Империи, – вам повезло. Некоторым образом. Вместо позорной казни через ежедневное порицание на главной площади, вам, ублюдкам человеческой расы, предоставляется шанс либо умереть незаметно и неизвестно как, либо совершить героический поступок, реабилитирующий ваши гнусные натуры.

Он умолк и колючим взглядом обвёл трёх человек, сидящих в клетке. Насладившись трепетом, как ему казалось, заключённых от затянувшейся паузы, закончил речь условием реабилитации:

– Вы, хоть и выродки, но, полагаю, слышали о планете Фантом? Да? – трое угрюмо и равнодушно молчали, что, впрочем, всегда воспринималось, как утвердительный ответ. – Тем лучше, это избавит меня от унизительной процедуры вам растолковывать, что и как. – Стражник бесстыдно врал. Ему не то что не следовало что-то объяснять, а запрещалось обсуждать подобную тему. Но человек слаб. – Короче, для полной очистки вашей поганой совести, от вас требуется всего-навсего вернуться с планеты на корабль, который будет ждать на орбите ровно сутки. Задача очень проста, если учесть, что этого сделать ещё никому не удавалось.

Надзиратель тупо заржал, считая циничную шутку верхом остроумия.

– Но мы же не можем знать, как движется время на этой планете? – возразил один из преступников, мужчина лет сорока, блондин среднего роста в очках. – Нам…

Высокий тюремщик, с ядовитым прищуром маленьких глаз, отреагировал мгновенно:

– По мне, так лучше, чтобы оно для таких подонков остановилось вовсе! А лучше всего, если оно будет останавливаться в страшных для вас мучениях! Мучительная и медленная смерть.

– Человек часто получает то, что желает другим, – улыбнувшись, иронично сказал второй заключённый, мужчина лет пятидесяти, с длинными чёрными волосами и с открытым, добродушным взглядом сине-зелёных глаз. – Придёт время и твои слова сбудутся – ты это почувствуешь на себе. Мне тебя жаль, глупца.

Надсмотрщик здорово обозлился.

– Заткнись, ублюдок! – рявкнул он, подскочив к клетке. – Будь моя воля, ты бы это почувствовал на себе прямо сейчас!

Тут вмешался в разговор и третий преступник:

– Твоя воля, как и вся никчемная жизнь, и даже твои примитивные мысли, всё подчинено строжайшему и беспрекословному исполнению приказов, инструкций и директив. – Шатен средних лет, с короткой стрижкой, острым взглядом и смуглым лицом, выждав паузу, заключил. – Ты пресмыкающееся. Причём, не только не ядовитое, но и беззубое. Ты – хамелеон!

– У хамелеона есть зубы, – скромно поправил блондин.

Шатен ядовито ухмыльнулся:

– Это у настоящего хамелеона есть зубы, а у нашего – только длинный язык со стекающей слюной вожделения и подхалимства.

Длинноволосый смягчил удар:

– Он просто несчастный, одурманенный человек. Впрочем, как и большинство на этой прекрасной, но проклятой планете. Бедные люди. Они живут в окружении ложных представлений о мире. Лживые догмы пропитали их плоть и кровь. Насаждаемые коварные и хитрые иллюзии, в красивой упаковке, безоговорочно принимаются за справедливость и добродетель. Людьми примитивными движут инстинкты и эмоции, а людьми интеллектуальными – амбиции и алчность. Все истинно духовные ценности ловко подменены ушлыми, умными, но циничными и коварными идеологическими фокусниками.

Стражник с силой вцепился в железные прутья клетки и, глядя в глаза коротко стриженному, крикнул:

– Вы, жалкие отбросы, смеете меня, счастливейшего подданного Великого Императора, обзывать животным?! Я свободный гражданин свободной и благодатной Империи! Я счастливый человек! А кто же вы? Кто вы, сидящие в клетке под замком? Вы свободны? Так кто же из нас животное?

Все удивились поведению стражника, не обратившего внимания на не совсем, может быть, понятные слова длинноволосого, но цепко поймавшего суть сказанного коротко стриженным, а так как о хамелеоне сказал именно он, и взгляд вопрошающего был обращён к нему, то и отвечать взялся шатен со смуглым лицом:

– Я потому и в клетке, что хотел быть свободным человеком, а не пронумерованным скотом, живущим на короткой привязи.

– А я и сейчас свободен, – высказался длинноволосый. – Никакой клеткой невозможно удержать полёт души, свободу мысли и неукротимость духа.

– Красиво сказано, коллега, – поддержал коротко стриженный. – И главное – верно!

– А я всего лишь занимался наукой, – заговорил блондин в очках, устремив взор на лоскуток неба в решётчатом окне. – И раньше моей клеткой была лаборатория, которая, честно признаюсь, нравилась мне гораздо больше, чем клетка данной конструкции. – Помолчав и опустив глаза, добавил. – И мне немножко страшновато.

Тюремщик хищно оскалился.

– Тебе и должно быть страшно, лабораторная крыса! – прошипел он. – Вам всем должно быть страшно, потому что впереди вас ждёт то, чего все больше всего боятся и перед чем все в страхе трепещут. Каждого из вас ждёт смерть под страшной маской неизвестности!

Коротко стриженный тут же поймал того на слове:

– Разве не перед именем Великого Императора все должны в страхе трепетать? И разве не самое страшное в жизни, как нарушение хоть одного пунктика инструкции? Я уже не говорю про нарушение закона. А может ты притворяешься, а вовсе не трепещешь при виде статуи или портрета, или при упоминании имени Великого Инквизитора? Может ты кланяешься перед его каменным истуканом, а в мыслях обзываешь душегубом? Так ты и вправду хамелеон?

На лице несчастного тюремного чиновника отобразилась целая гамма чувств: растерянность, испуг, злоба, перерастающая в бессильную ненависть к преступникам, которые имели смелость сказать то, о чём он страшился и подумать. От волнения, страха и противоречивых чувств проступил пот и лицо покрылось красными пятнами, через секунду-другую меняющими окрас на бордовый, а потом на тёмно-коричневый. Заключённые дружно засмеялись.

– Я приказываю всем замолчать! – истошно заорал он. – Я всем приказываю не произносить священное имя Великого Инквизи… – надзиратель испугался ещё больше. – Чтоб вы сдохли в этой клетке прямо сейчас, выродки!

Все по-разному смотрели на этого человека, нелепо зависящего от чьей-то глупой прихоти и боящегося даже своих мыслей. Длинноволосому было его жаль, блондину было за него стыдно, а коротко стриженный утешил, чтобы потом уничтожить окончательно:

– Что, бедолага, испугался собственных мыслей? Страшно стало? Не бойся, мы тебя не выдадим. Правда, ребята? Запомни, мы своих не выдаём. А нам свой человек в таком учреждении пригодится. – Страж побелел до мелового цвета, провокатор рассмеялся. – Эх, ты, рабская твоя душонка, мы сидим в клетке сейчас, а ты в ней живёшь всю жизнь. Таких как ты надо кастрировать при первых признаках эрекции, чтобы не плодили на Земле трусость, раболепие, лесть и угодничество!

Вспотевший и вновь побагровевший страж зло плюнул в их сторону и отошёл к своему столу. Длинноволосый с тоской посмотрел ему вослед и обратился к собратьям по несчастью, если, конечно, можно назвать несчастьем твёрдо выбранную в жизни идейную стезю:

– А знаете, что самое страшное в жизни? Самое страшное, друзья, это быть похожим на него. Стать рабом и не замечать этого. Но мы не должны его осуждать, а обязаны пожалеть, ибо когда в человеке убивают совесть, то душа постепенно умирает сама. А человек без души, уже совсем не человек – лишь биологическая субстанция, живущая низменными инстинктами, но обладающая разным потенциалом интеллекта. Вот этот самый потенциал интеллекта, в совокупности с уровнем хитрости и коварства, и определяет социальный статус современной особи, что для них является не просто приоритетом, а доминантой и смыслом жизни. Ибо, друзья мои, только душа и совесть наши могут подсказать правильные поступки и дать верную оценку словам, а ещё указать единственно истинный жизненный ориентир. А эти бедняги живут в мире, где даже при солнечном свете царит непроглядный мрак.

Надзиратель раскрыл было рот, чтобы достойно ответить этим клеветникам, но вдруг передумал и только устало махнул рукой. Коротко стриженный посмотрел на говорившего, чуть помедлил, а потом всё-таки спросил:

– Так вы что, из этих… из мирных проповедников? За нравственное возрождение человечества? К всеобщей гармонии через духовное воскрешение каждого? За возвращение Земле статуса Рая путём всемирного покаяния?

Длинноволосый выразил удивление, больше, конечно, наигранное:

– А почему вы об этом говорите с таким пренебрежением? Разве ваша организация не стремится в общих чертах к тому же? По-моему, наши цели совпадают?!

– Тут вы правы, – усмехнулся оппонент, – цели наши схожи, но и только. А вот методы и средства их достижения различны. Мы люди дела, а вы лишь слова. Вы чистые теоретики, а мы к теории прилагаем практику. Мы действуем!

Теперь усмехнулся длинноволосый.

– Ваши действия, – сказал он, – больше напоминают озорные шалости подростков, упивающихся собственной дерзостью, нежели действия мужей, осознающих их воздействие на человека.

– Вы что, призываете к насилию через террор?

– Ни в коем случае. Я призываю к приобщению людей к Слову Божьему, а не к лживой идеологии Империи. Я призываю словом стучать в сердце каждого отдельного человека. Это намного действеннее, чем громить золотые истуканы и жечь на площади портреты, а потом разбегаться в разные стороны.

Вмешался стражник, не в силах их больше слушать:

– Я уже прошу вас, прекратите ваши крамольные и противные речи, посидите молча и подождите, когда за вами прилетят. – И, зло зыркнув в сторону клетки, прошипел. – Если бы не строгий запрет, то вы у меня болтали бы с пеной у рта, когда я дал бы вам жару в двести вольт. Посмотрел бы тогда, какие вы храбрецы и смельчаки?!

Оспорить скромное желание стража никто не успел. Над дверью загорелась красная лампочка, что было сигналом тревоги. Нет, это не был побег, и даже не попытка побега, потому что, если и удалось бы убежать, то вырваться из метрополии в глушь и там затеряться – никогда! В поимке участвовали бы не только специальные службы, но и почти каждый прохожий и проезжий, видя в этом свой гражданский долг, который вдалбливали с младенчества, едва отрывали от материнской груди.

Это был сигнал тревоги для старшего тюремщика, который ему подали из КПП, чтобы уведомить о прибытии высоких чинов.

ГЛАВА 2

Стражник тотчас вскочил, преисполненный служебного рвения и исполнительного благоговения, выбежал за дверь, оставив её открытой, и нетерпеливо стал ожидать гостей. Те, в свою очередь, не заставили себя ждать. Точнее, не заставили его ждать, хотя об этом они заботились меньше всего. Делегация из пяти человек приближалась быстрым шагом, а старший надзиратель, в глубочайшем почтении, склонил голову чуть ли не до уровня живота, прижав обе руки к груди, и замер.

– Прошу, господин помощник сатрапа, бунтари находятся здесь, – промурлыкал начальник муниципальной тюрьмы Южного округа Восточной сатрапии, или метрополии, Великой Империи. И слегка наклонил голову, пропуская вперёд мужчину среднего роста, с надменным взглядом острых и холодных глаз. Тот, дойдя до середины помещения, остановился и молча принялся рассматривать сидящих в клетке. Двое из вошедших встали по обе стороны двери, один скромно пристроился за спиной помощника, а начальник тюрьмы, зайдя чуть вперёд и в сторону, безукоризненно выполняя свои обязанности, попытался представить информацию о заключённых, но в первых же словах был грубо остановлен:

– Мне на это совершенно наплевать, – монотонно, без малейшего проявления хоть какой-нибудь эмоции, произнёс высокий чин. – Моя забота заключается в том, чтобы доставить эти экземпляры в целости и сохранности по назначению. Ха Би эР, – обратился он к стоящему за спиной, – наденьте на этих самоубийц электрические браслеты и растолкуйте им преимущества безропотного повиновения.

Старший надзиратель нажал кнопку и электрический замок клетки, издав характерный щелчок, разблокировался. Ха Би эР, человек с повадками и лицом робота, смело вошёл в неё и властно скомандовал, глядя на сидящих преступников, но не видя в них людей:

– Встать! – преступники подчинились. – Протяните правые руки. – С ловкостью фокусника он извлёк из бокового кармана пиджака тонкие металлические браслеты и защёлкнул их на протянутых запястьях. После этого достал из внутреннего кармана крохотное электронное устройство и, показывая его преступникам, дал краткий инструктаж:

– Я нажимаю вот эту кнопочку, загорается красная лампочка и с этой секунды активированный механизм контролирует ваши движения. Вы теперь держите на руках мощный электрический заряд, который в радиусе пяти метров от этой штуки находится на нулевой величине, но с увеличением расстояния мощность будет возрастать в геометрической прогрессии. Так что, если кому вздумается бежать в сторону, противоположную моему движению, то через метров сто мы обнаружим наши браслеты рядом с горсткой праха. Всё понятно? Вперёд!

После этих слов, Ха Би эР вышел из клетки и приблизился к своему хозяину, сделав при этом семь шагов. Бунтари дёрнулись и непроизвольно схватились левыми ладонями за запястья правых рук. Устройство функционировало исправно. Они понуро последовали к своему мучителю, на лице которого по этому поводу не отразилось ни радости, ни огорчения – только холодная удовлетворённость.

– И не советую, – добавил он, – допускать даже мысли о применении примитивной физической силы в попытке завладеть пультом. Механизм настроен таким образом, что при сближении приёмника и передатчика от метра и ближе вы мгновенно получите не смертельный, но довольно потрясающий удар. – При этом всем показалось, что глаза человека-робота усмехнулись, хотя наверняка никто точно сказать не рискнул бы. – К тому же, чтобы разблокировать цепь, нужен код, а его не знаю даже я.

– Хватит болтать! – нетерпеливо вмешался помощник сатрапа Га Хо Са. – Нас ждут во дворце. И теории достаточно, всё остальное, при желании, могут попытаться узнать на практике.

Сказав это, он повернулся и направился к выходу. Все остальные автоматически пришли в движение, исключая старшего надзирателя, оставшегося на своём рабочем месте. Его верный слуга Ха Би эР шёл в шаге позади, за ним следовали заключённые, помня о дистанции, а замыкали шествие двое охранников. На всякий случай. А упитанный начальник тюрьмы поспешил обогнать всех, чтобы услужливо открывать двери перед, не замечающим его, большим боссом. Выйдя из помещения в тюремный двор, без проволочек погрузились в аэрозак и без лишних сантиментов взлетели, не проронив на прощание ни слова. Начальник смиренно, с низко опущенной головой и сложенными на груди руками, ждал, пока они не отлетели подальше. Затем выпрямился, горестно вздохнул и поплёлся обратно в свой второй дом.

Через полчаса аэрозак приземлился в столице Восточной метрополии, на личный аэродром самого сатрапа, расположенный напротив великолепнейшего дворцового ансамбля, окружённого множеством фонтанов, бассейнов и парков. На площади, перед входом во дворец, стояла огромная скульптура Великого Императора во весь рост, и проходящие мимо неё подданные обязаны были преклонить колено. Подобные монументы разных модификаций и размеров имелись в каждом городе, городишке и селе, а портреты Единого Правителя Земли должны были украшать каждый дом, квартиру или лачугу, не говоря, естественно, об учреждениях и организациях.

Сопровождающие арестантов благоговейно выполнили ритуал, не принуждая, впрочем, тех следовать их примеру. Преступники же с любопытством рассматривали окружающую роскошь.

– История имеет свойство регулярно повторяться, – сказал коротко стриженный. – У меня такое ощущение, что мы вернулись в эпоху Дария или Александра Македонского,

только с современными технологиями и после того, как они, точнее, любой из них, завоевал мир и установил через железную дисциплину педантичный, иерархический порядок. Кто-то купается в злате, а кто-то тонет в нищете.

– С таким же успехом, – возразил длинноволосый, – можно вспомнить и Цинь Ши хуанди, и Цезаря, и Карла Великого, и Фридриха Барбароссу, и Наполеона, и, наконец, Гитлера, который переплюнул всех открытостью жестокости и насилия, даже монгольских покорителей мира – Чингисхана, Батыя, Тамерлана, о которых, кстати, сложили больше небылиц, чем они того заслуживали. Впрочем, человеческий пласт всегда был многослойным, и все цари, короли и президенты во все времена так жили, всеми догмами и законами обосновывая на это своё право. А все попытки установить справедливый мир равноправия, братства и свободы носили пропагандистский характер, за которым скрывалась очередная перекройка социального или мирового платья. Всё закономерно и характерно сути человеческой.

Приблизившийся помощник сатрапа обосновал право на роскошь:

– Каждый живёт так, как того заслуживает.

– Каждый живёт так, как умеет прислуживать, – с улыбкой поправил мирный проповедник. – Надо лизнуть руку высшего, чтобы потом низший лизнул твою.

Га Хо Са возражать не стал:

– Если не умеешь прислужить, то не сумеешь и заслужить. Закон.

– Вот она, рабская психология, – бросил в раздражении бунтарь дела, плюнув в сторону статуи, за что получил сильный толчок в спину от охранника.

Помощник, ничего не сказав, обогнал заключённых и стал подниматься по мраморным ступеням, инкрустированным золотым орнаментом. Все последовали за ним. Возле огромных входных дверей стояли двое стражей из личного легиона почётного караула «его высочества» – гражданина сатрапа Ай Гэ Ли первого. Над головами легионеров возвышался просторный балкон, поддерживаемый четырьмя колоннами по краям и украшенный по центру лепной скульптурой могучего атланта по пояс, с мощными бицепсами, мускулистой грудью и лицом Ай Гэ Ли очень ранней зрелости. Все трое преступников, при виде шедевра реалистического искусства, не сдержались и кощунственно засмеялись.

Охранники, предупреждённые о прибытии гостей, заблаговременно распахнули в огромных двустворчатых дверях дверцы повседневного курсирования, куда все гуськом и проследовали. Миновав высокий, с колоннами, зеркалами и картинами, холл, Га Хо Са повёл всех длинной галереей в правое крыло дворца. После пяти минут ходьбы, они свернули влево и через десять метров остановились перед дверью белого цвета без всяких обозначений и ручек. Помощник сатрапа достал из брюк электронный ключ, нажал кнопку и дверцы разошлись в стороны.

Первым вошёл он сам, следом прошмыгнул его верный пёс Ха Би эР, затем охранники подтолкнули арестантов, а сами остались снаружи. Они оказались в комнате размером средне-габаритной квартиры среднестатистического обывателя. У правой стены стояли небольшой шкаф, сейф и мягкий диван, левая же была напичкана электронным оборудованием, а напротив двери, за столом, расположились те, которые их ждали. Ожидающих было четверо, но вошедшие знали в лицо только одного – собственного правителя, наместника Великого Императора в Восточной метрополии Ай Гэ Ли первого. Сатрап встал из-за стола, подошёл к молча, но гордо стоявшим преступникам, медленно прошёл возле них, каждому заглядывая в глаза, а потом обратился к помощнику:

– Га Хо Са, благодарю за добросовестно выполненное поручение тебя и твоего верного оруженосца. На этом ваша миссия закончена. Передайте мне датчик управления средством контроля, а сами можете быть пока свободны. Если понадобитесь, я позову.

Лишь на долю секунды в глазах верного слуги мелькнули обида, разочарование и досада оттого, что он не сможет присутствовать при разговоре, но и этих мгновений хватило хозяину, чтобы уловить недовольство вассала.

– Ты слышал, – зашептал Ай Гэ Ли, сверкая очами, – что я тебе сказал? Отдавай мне этот чёртов ДУСК и проваливайте отсюда.

И в глазах помощника, на смену прежним эмоциям, появились страх, преданность и рабская покорность. Он промямлил:

– Слушаюсь, мой господин.

В существующем сверх демократическом обществе обращение к сатрапу любой метрополии «мой господин», а к Великому Императору «мой повелитель», официально в Мировой Конституции записано не было, но в обиходе не осуждалось и не порицалось. Более того, сие обращение льстило самолюбию власть держащих и негласным законом бытия и придворного этикета приветствовалось.

ГЛАВА 3

После того, как верный слуга сатрапа, вместе со своим слугой, покинули комнату, Ай Гэ ли вновь обратил свой гневный взор к преступникам.

– Вот скажите мне, – спросил он, не теряя, однако, над собой контроля, – зачем вы разрушили свою жизнь? Ведь вы ни в чём не нуждались, имели законное трудовое место, благосклонно дарованное Великим Императором и обеспеченное социальной картой индивидуума. Вот ты, – сатрап глянул в досье на планшете, – Ви Са Ше, номер 281277, доктор медицины, магистр вирусологии, имел тёплое местечко в главной лаборатории Института микробиологии, где спокойно занимался своим любимым делом, изучая в микроскоп своих микробов, паразитов и других мелких гадов. Имел где жить, что есть и в чём иногда куда-нибудь сходить. Так зачем же ты полез туда, в чём ни черта не смыслишь? Ведь уже не так молод, чтобы по глупости наживать неприятности?! Не понимаю!

И тут блондин в очках, ранее испытывавший чувство страха, преобразился. Он посмотрел в глаза своему правителю и, с волнительной дрожью в голосе, сказал:

– И не мудрено, что не понимаете. А вот я полез именно туда, в чём, полагаю, кое-что смыслю, и, быть может, даже больше, чем ваши лживые и лицемерные, но увешанные званиями и регалиями академики. А что касается возраста, то сделать попытку стать Человеком с большой буквы никогда не поздно. И свою точку зрения я не изменю, чем бы мне это ни грозило. Наш Великий Император является главным преступником планеты. По приказу его правительства мы вывели новый штамм вируса, о масштабе опасности которого вначале даже не подозревали. Но именно за его личной резолюцией был получен секретный документ о совместном с Бюро Контроля Населения испытании нового бактериологического оружия. После месяца подготовки, испытание было проведено в Южном полушарии. В результате бесчеловечного эксперимента погибли сотни тысяч людей, включая детей, а через СМИ сообщалось о страшной трагедии, произошедшей по вине неизвестной ужасной болезни, поразившей целый континент. Все были в трауре, и первым выразил соболезнования сам Император, а затем, в авральном режиме, были брошены в очаг смерти службы спасения. Любой ценой надо было захлопнуть этот «ящик Пандоры». Казалось бы, всё чинно и благородно. С печалью на лице Император объявил недельный планетный траур и приказал близлежащим регионам принять беженцев и больных, обещая в скором времени найти панацею. Но самое главное и самое страшное не это, а то, что вакцина, нейтрализующая болезнетворные микробы, была готова ещё до эксперимента, но о ней никто не заикался целых два месяца. Это как? Это, господа правители всех рангов, массовое убийство, и я, так или иначе, к нему причастен. Даже не иначе, а напрямую. И я готов лучше умереть, чем жить с таким тяжким грузом. Хотя

и умирать, честно признаюсь, немножко страшновато, но это от того, что всё делать в первый раз страшно.

Странно, но никто из присутствующих его даже не попытался остановить. Сидящие за столом слушали с каменными лицами, а сатрап поглядывал то на них, то на учёного, но перебить также не решился, хотя ответить на вопрос, почему он этого не сделал, не смог бы, пожалуй, и он сам. Лишь потом, видя спокойствие комиссии, решил указать глупцу на его наивность и недальновидность:

– Ты, Ви Са Ше, человек умный, но дурак. Нет в тебе житейской мудрости. Не тебе, человеческому микробу, понять величие дел Великого Императора. Всё, что делается с повеления нашего Мудрого Правителя, делается во благо всего человечества, какими бы странными ни казались его решения глупому обывателю. Только Император своим исполинским разумом может постичь и объять нужды и потребности всей планеты, и своей недюжинной, космической волей может разрешить все мировые проблемы.

Дополнил длинноволосый:

– Только в нашем мире хитрость, лицемерие и коварство приравняли к мудрости, а массовые уничтожения людей к нуждам и потребностям планеты. А тропа к Истине давно заросла дебрями и непроходимыми джунглями из ловко сплетённой и повсеместно рассаженной лживой идеологии, и высокими колючими зарослями секретной информации.

Все переключили внимание на проповедника, а Ай Гэ Ли, уточнив в своём планшете регистрационные данные бывшего гражданина Империи, ехидно к тому обратился:

– Как ты теперь смело и красиво говоришь, а почему же так долго скрывал свои убеждения, занимая ответственную должность? Делал карьеру, Ай Си аШ 190169?

– Я занимался любимым делом – изучал и преподавал историю человеческого сообщества, его движущие силы, идеи, доктрины, и тех, кто за всем этим стоит. А своё несогласие с насаждаемыми обществу и каждому человеку в отдельности лживыми «ценностями» выражал всегда. Хотя раньше это делал в очень узком кругу. И причина этому банальна – мне также знакомо чувство страха. Было… знакомо.

Сатрап издевательски спросил:

– А теперь это чувство сильно притупилось или ты его совсем потерял? Вы подумайте, потерял чувство страха?!

– Не совсем, – спокойно ответил Ай Си аШ. – Я просто нашёл в себе смелость это мерзкое чувство победить, ибо только трус боится собственного страха. А вот чтобы найти в себе смелость для борьбы с ним, тут нужен очень сильный помощник. Такой помощник, в сравнении с которым Император – букашка.

– И кто же твой могущественный помощник?

– Только Бог, и никто более.

Ай Гэ Ли вспылил:

– Замолчи, несчастный! Как ты смеешь нам такое говорить?! На Земле бог один – наш Величайший и Мудрейший Император! Только он достоин поклонения и почитания! – И вдруг резко успокоился, видя, что со стороны важных особ гневной реакции не следует. По крайней мере, он сделал то, что должен был сделать. – Вот эта дурацкая тяга к проповедям и ораторству и погубила тебя, глупец. Впрочем, вы оба, – сатрап указал на Ай Си аШа и Ви Са Ше, – поплатились за свои длинные языки. И ведь не станете отрицать, что первое время мы пытались наставить вас на путь истинный: предупреждали, проводили разъяснительные беседы, штрафовали, наконец. Ни разу даже не подвергли общественной обструкции и не посадили в тюрьму. Но вы, умные люди в своём роде, не вняли голосу разума, а ваши последующие действия вынудили нас принимать жёсткие меры. Что вам мешало одуматься и вернуться к обычному, нормальному образу жизни?

– Исключительно – совесть, – ответил Ай Си аШ. – Когда духовное и мыслящее творение Божье превращают в тупое и послушное животное, и, сгоняя в стадо, управляют не только поступками, но и мыслями, которые ещё не окончательно иссохли, я не могу назвать это образом жизни настоящего человека. Это биологическое, первобытно-примитивное существование. В людях уничтожили истинную веру в Бога, заменив её поклонением, может быть, гениальному, но очень коварному демону. Почему я должен держать у себя в доме его портрет, если я этого не желаю? Почему я должен преклонять колено перед каменным истуканом? Да хоть бы и не каменным! Я отказываюсь это делать!

– Вот поэтому ты здесь, а не на своей кафедре и не в семье, где твоими жизненными спутниками были спокойствие и уверенность в завтрашнем дне. А теперь, за свои идиотские духовные проповеди и за то, что посмел запихнуть портрет Великого Императора в чулан, ты навсегда исчезнешь с лица Земли. А моё напутствие будет таким – туда тебе и дорога!

Члены комиссии по-прежнему хранили молчание, лишь слушали и наблюдали. Ай Гэ Ли, показывая бывшему историку, что разговор на этом закончен, демонстративно повернулся к тому спиной и сделал шаг к коротко стриженному. В очередной раз заглянув в планшет, поднял голову и зло посмотрел шатену в глаза, испепеляя полыхающей яростью.

– И если те двое, – сказал он, сверля бунтаря взглядом, – за свои преступления заслуживают пожизненного порицания, но с правом на публичное покаяние и с надеждой на милость нашего всемилостивейшего Владыки, то ты, Се Ро Че номер… плевать мне на твой номер, на твои буквы и на тебя лично! Ты сполна и без вариантов заслуживаешь единственно верного наказания – смертельного порицания без права прошения о помиловании. Ты как осмелился, бесстыжая и наглая твоя рожа, решиться на такое страшное злодеяние? Это же надо было додуматься – пытаться свергнуть самого Великого Императора?!

– Как? – в крайнем изумлении спросил один из сидящих за столом, человек лет сорока с небольшим, с приятными чертами лица и с озорной искринкой в глазах.

– Как?! Вот так! Обыкновенно! – Сатрап сделал неопределённый жест рукой. – Накинули на шею Великому Императору верёвку и пытались сбросить с пьедестала. Кощунство-то какое! Вот только силёнок у них не хватило, уж больно наш Император велик, могуч и крепок. А там уж и наш патруль подоспел.

– А, так они пытались свергнуть памятник?! – в голосе того же приятного человека, при желании, можно было заподозрить вздох разочарования, но никто не захотел этого делать, а Ай Гэ Ли лишь возмутился подобным пренебрежением к столь тяжкому преступлению:

– Разве этого мало? Это откровенный шаг к измене и, не побоюсь этого слова, к планетарному перевороту через открытое подстрекательство на убийство!

– Да, да, вы совершенно правы, – быстро согласился человек с потухшей искринкой, ругая себя за свою оплошность. – Такому преступлению нет оправданий.

– Есть! – гневно воскликнул самый опасный преступник. – Есть одно оправдание, и зовётся оно – жаждой справедливости! Когда на создание массивных золотых истуканов и роскошных дворцов средств не жалко, а накормить голодных и вылечить больных не за что?! А кто и на грани жизни не желает подыхать, так им можно и помочь! Великие гуманисты с кровавыми руками!

– Да как ты смеешь! – заорал Ай Гэ Ли. – Ты жалкий и подлый лжец! Среди подданных Великого Императора нет голодных и больных! И нет ни одного несчастного человека! Есть только неблагодарные преступники, вечно чем-то недовольные! – Выплюнув положенное негодование, опять сбавил обороты. – Вроде вас. И не считай чужие средства, бездельник, у тебя осталось одно средство – искупить свою вину… перед смертью. Тебе просто повезло.

Тут вмешался ещё один высокопоставленный гость. Человек пожилой и очень серьёзный, с пронзительным, можно сказать, лазерным взглядом и совершенно бесчувственным лицом, которому вся эта перебранка стала безразлична, но он цепко выхватил из неё главное.

– Ай Гэ Ли, – обратился он к сатрапу, который мгновенно к нему повернулся с физиономией кроткой и покорной. – Вы сказали ранее, что силёнок у них не хватило, а это значит, что он был не один, а с сообщниками. Не так ли?

Хозяин Восточной метрополии понял, что ненароком ляпнул лишнее. Он замялся, на лбу проступили капельки пота, но уже молчать было себе дороже.

– Да, господин Эмиссар, их было трое, но двум преступникам удалось убежать. Однако, ваше сиятельство, мы знаем о них уже всё и идём по следу. Со дня на день мы их поймаем.

Эмиссар встал, остальные автоматически последовали его примеру. Сатрап обмер. Обведя всех пронзительным взглядом, его сиятельство заговорил голосом ледяного спокойствия:

– Вы ещё скажите, что поймаете с минуты на минуту. Ладно, на этом ознакомление с главными персонажами действующей трагикомедии считаю завершённым. Теперь пора перейти к самому сюжету. Я полагаю, что кто-нибудь, хоть что-нибудь, пусть самую малость, намекнул вам, презренным преступникам, не пожелавшими оставаться счастливыми подданными Величайшего Императора из когда-либо правящих на этой планете, о своей дальнейшей участи?

Ответил Се Ро Че:

– Да, в общих чертах нам известно наша участь. Нас ждёт туристический полёт на загадочную планету Фантом. И, по всей вероятности, это билет в один конец, но зато бесплатный. Мы должны прифантомиться, выйти на связь с кораблём, который, кстати, будет ждать у причала сутки, поблагодарить за доставку и идти в тамошнее управление по беженцам и мигрантам за видом на жительство. Так?

– Неужели данную информацию сообщил, особенно в подобной форме, наш любезный Ай Гэ Ли? Не замечал за ним склонности к иронии и фантазии, да и слишком оптимистический его взгляд на ваше будущее тоже удивляет.

Сатрап затряс головой, давая понять, что ничего подобного он не говорил. Се Ро Че тут же оправдал своего бывшего территориального хозяина:

– Да нет, господин сатрап не в курсе таких подробных мелочей какой-то далёкой планеты. Это нам поведал надзиратель тюрьмы в Южном округе, пока мы сидели в его клетке. Очень милый и отзывчивый человек.

– Чёрт знает что творится, – хладнокровно возмутился мужчина с лазерным взглядом. – Билет в один конец, сутки ожидания… Это, конечно, не планетарная тайна, но чтобы каждый стражник знал… Бардак в твоём королевстве, почтенный Ай Гэ Ли! Бунтари сбегают, секреты известны каждому идиоту… халатность в службе.

Сатрап взмолился:

– Могущественнейший Эмиссар Великого Императора, всё исправим и уладим! Бунтарей изловим, секреты засекретим, а виновных найдём и накажем! Честное слово честного человека!

Эмиссар тут же смилостивился и простил:

– Хорошо, я верю. А сейчас, дорогой Ай Гэ Ли, у меня к вам будет деликатная просьба. Только прошу не воспринимать её как личное оскорбление, потому что лично от вас у меня секретов нет. Но есть некоторые нюансы, касающиеся исключительно научных вопросов, которые лучше всего… скажем более мягко, предпочтительнее решать в приватной обстановке при жёстком минимуме посторонних ушей.

Сообразительный хозяин дворца догадался, что его вежливо и недвусмысленно выставляют вон. И, несмотря на важность гостей и их миссии, ему стало обидно, и он тихо переспросил, чтобы окончательно убедиться в своей неприятной догадке:

– Вы желаете, высокочтимый Эмиссар, чтобы я удалился?

– Я всегда считал вас очень умным человеком. Да, мы желаем беседовать трое против троих. Но это только в целях особой секретности и безопасности, – посчитав, что приличия

и такт соблюдены, Эмиссар отдал приказ. – И снимите, наконец, вы с них эти дурацкие браслеты. Это не стадные дикари, а разумные и цивилизованные индивидуумы.

– Как скажете, ваше сиятельство, – Сатрап выполнил приказ, поклонился и вышел.

ГЛАВА 4

Когда закрылась дверь за, раненым в чуткое сердце стрелой недоверия, правителем Восточной сатрапии, Эмиссар вышел на середину комнаты, повернулся таким образом, что по правую руку стояли двое его спутников, а по левую – трое преступников, и обратился с короткой речью ко всем:

– С этой минуты я прошу всех здесь присутствующих если не отбросить полностью, то приглушить максимально голос социальной, политической и религиозной нетерпимости, чтобы в спокойной и уравновешенной обстановке мы могли вести конструктивный диалог.

После этого повернулся лицом к нарушителям священного закона и, первым демонстрируя пример гражданской лояльности, представил себя и своих спутников:

– Меня зовут Си О Ха. Я являюсь действующим членом Мирового Правительства и руководителем научного сообщества по космическим исследованиям. Также имею честь состоять личным советником нашего Великого Императора. Это господин У Эн Си, – он указал на человека, ранее вскользь представленным, как мужчина лет сорока с приятными чертами лица. – Лицо, персонально ответственное за изучение и освоение планеты Фантом. Академик. – И посмотрел ничего не выражающим взглядом на Ви Са Ше. Потом кивнул в сторону третьего незнакомца. – Ну а это – ваш непосредственный начальник в ближайшем будущем, командир космического аппарата «Поиск 1» – Ха Си Пи. А теперь берите стулья и присаживайтесь к столу. Нам предстоит кое о чём договориться, кое-что обсудить и кое-что решить.

Арестанты взяли стоявшие у стенки стулья, а Си О Ха вернулся на своё место. Когда все уселись, советник Императора вновь взял слово:

– Мы не будем здесь и сейчас обсуждать ваши непростительные, с точки зрения закона и морали, преступления, и даже не будем о них упоминать. Более того, я готов, как представитель Императора, наделённый большими полномочиями, приравнять сии деяния к необузданным эмоциональным вспышкам, вследствие кратковременного помутнения рассудка, если вы выполните два условия. Всего.

Трое заключённых переглянулись, а Се Ро Че угрюмо спросил:

– Интересно, какие условия могут предъявить умалишённым, пусть и кратковременно?

Эмиссар выдавил из себя усмешку, что являлось редкостью:

– Не волнуйтесь, я не стану требовать от вас публичного раскаяния и выдачи ваших единомышленников…

– У меня нет никаких единомышленников, – тихо воскликнул Ви Са Ше, – разве только микробы.

– Мы это знаем, – успокоил си О Ха. – Как знаем и то, что вы между собой до встречи в клетке знакомы не были, что вы принадлежите к разным идейным направлениям, что у вас, кроме Ви Са Ше, друга исключительно, как он сам признался, микробов, имеются друзья, товарищи и братья, так сказать, по идейному оружию. Нам всё это известно и, рано или поздно, мы всех бунтарей пригвоздим к столбу позора на любой площади любого города нашей Великой Единой Империи. И ещё, естественно, мы в курсе вашей интимной жизни.

Он сделал паузу на глубокий вдох и медленный выдох, а затем продолжил:

– Ну ладно, оставим контроль над внутренним миропорядком для соответствующих органов, а мы обратимся к более глобальным вопросам. Итак, вот два условия, выполнение которых гарантирует вам не просто жизнь, а жизнь свободную, достойную и уважаемую. Не перебивайте. – Предостерёг Эмиссар, заметив попытку Се Ро Че что-то сказать. – Это бес-

тактно и не красит культурного человека. Для начала выслушайте, это не займёт много времени. Итак, вот два условия. Условие первое – вы подписываете контракт, согласно которому поступаете на службу в Космическое Агентство, где обязаны выполнять определённые штатные требования. Условие второе – вы даёте устную клятву, заметьте – устную, а не на Кодексе Священных Законов Великого Императора, потому что мы знаем цену вашего слова и проявляем полное доверие, что по прибытии на планету Фантом вы не проигнорируете свои обязанности, предусмотренные контрактом первого условия, и не прервёте связь с кораблём по собственной инициативе. Согласитесь, условия более чем комфортные и гуманные, учитывая тяжесть вами содеянного? Ну, так как?

– А никак! – первым резко ответил Се Ро Че. – Я не пойду на сделку с ненавистной мне властью, ради мнимого собственного благополучия, предав тем самым свои принципы и своих друзей.

– От вас я другого и не ожидал, – спокойно сказал Си О Ха. – Что ответите вы? – Он посмотрел на Ай Си аШа.

Тот на минуту задумался, а Се Ро Че, ещё без презрения, но уже с неприятным удивлением, посмотрел на товарища по общему будущему, приняв его задумчивость минутной слабостью духа, неожиданно поколебавшей казавшейся твёрдой и монолитной, как гранит, жизненную позицию. Но он был не прав. Ай Си аШ не колебался ни секунды, он лишь подыскивал нужные слова для своего ответа.

– Ваше лестное предложение, – медленно заговорил бывший декан кафедры Новейшей истории, – могло бы поколебать многие незрелые души и умы, и даже далеко не каждый, ранее непоколебимо уверенный в себе человек, устоял бы перед таким соблазном. И всё же, даже если бы нам не предстояло лететь туда, откуда ещё никто не вернулся, а выбор состоял лишь между благоустроенной, какая, собственно, у меня и была, но лживой жизнью и столбом позора, я бы без раздумий сто раз выбрал бы столб, потому что для честного и порядочного человека он является не столбом позора, а столбом чести и достоинства. Я питаю больше уважения к мёртвому льву, нежели к живому шакалу. Но…

Эмиссар, потерявший было к историку интерес после его категоричного ответа, услышав неоднозначное «но», вновь с любопытством обратил на него свой взор.

– Но, – продолжил Ай Си аШ самовольно прерванную мысль, – не подписывая никаких контрактов, ибо у меня уже есть контракт на всю оставшуюся жизнь, могу дать честное слово служителя Истины, которая сокрыта в Слове Божьем, что, если мне соблаговолят предоставить такую возможность, я обязательно сообщу всё, что буду видеть, слышать и знать. Или то, что мне разрешат сообщить. И обязуюсь самоуправно связь не прерывать. Вот таков мой ответ.

– Ну что ж, прекрасно! – без эмоций воскликнул Си О Ха. – Я большего и желать не мог бы.

Поспешил вмешаться и Се Ро Че, восхищённый речью коллеги, и предпочитающий, видимо, полёт в неизвестность, чем известность на площади у столба:

– От выхода на связь я также не отказывался, если помните?! Хотя бы для того, чтобы поблагодарить за доставку и рассказать, какая там чудесная жизнь. И обрывать связь я не вижу смысла.

– Ну, насчёт чудесной жизни мы поговорим позже, – иронично заметил Эмиссар, не выдавив на этот раз и намёка на улыбку. – Об этом вам лучше расскажет академик У эН Си. Дело осталось за малым – что ответите вы?

Взгляды всех присутствующих обратились на блондина, знатока существующих микробов и родителя новых, вирусолога Ви Са Ше. Он поёрзал на стуле, кашлянул, прочистив горло, и негромким, но твёрдым голосом заговорил:

– Не буду лукавить, моей заветной мечтой всегда являлась возможность иметь собственную лабораторию, чтобы заниматься любимым делом при максимальной независимо-

сти. А именно, – изыскивать вакцины жизни, побеждающие смертельные вирусы. Найти, или изобрести, если хотите, чудодейственный эликсир, избавляющий от болезней и продлевающий человеческую жизнь.

– Вы мечтатель и фантазёр, уважаемый гуманист, – не удержался Се Ро Че, но тут же спохватился и принял кроткий вид. – Извините за резкость, друг мой, и за то, что перебил. Прошу, продолжайте.

– Может быть, вы и правы, – согласился доктор. – Но я такой, какой есть. Кто-то находит человеческие болезни в социальных язвах, кто-то – в нравственных, а кто-то – в политических. Я готов согласиться и с первыми, и со вторыми, и с третьими, но каждый должен заниматься тем делом, которому решил посвятить свою жизнь. Се Ро Че призывает к общественному равенству и к общим для всех правам и обязанностям, протестуя против бесчеловечной градации социума. Я с ним согласен. Ай Си аШ ратует за духовное возрождение через веру в Бога и исполнение Его заповедей, а не в Императора, культ которого проник во все сферы жизни. Я и с ним согласен. Но ведь я, по сути своей, врач и обязан лечить людей. Всех. Мне же пришлось стать невольным убийцей. К тому же – массовым. Так вот, – Ви Са Ше начал волноваться и говорить немного сбивчиво, но достаточно ясно, чтобы все поняли. Ждали лишь, так сказать, резюме речи, которое недвусмысленно обозначило бы гражданскую позицию доктора. – Во мне сейчас присутствуют две личности: учёный и человек. И как бы учёный ни пытался меня убедить в своей невиновности и в лукавом оправдании совершённого, я, не уничтоженной совестью, чувствую все его доводы мелочными и эгоистичными. Потому что, прежде всего, я – человек! А посему, я повторю то, что говорил ранее: мы все, включая Великого Императора, мелкие частицы, пылинки Вселенной, глупо и неправомерно возомнившие себя вершителями судеб мира, а то и космоса. Отсюда все наши беды. Вместо того, чтобы вместе дружно противостоять напору бед и несчастий, мы их изобретаем сами. Но по неписанному закону Вселенной, мы, частицы мироздания, однако наделённые разумом, волей и совестью, должны за всё понести наказание. Пришёл и мой срок платить по счетам. Я готов, если не погибну сразу, поддерживать связь и сообщать всю получаемую мной информацию, но я, как и мои новые друзья, отказываюсь что-либо подписывать. Эта подпись равноценна продаже совести.

Эмиссар встал, сделав жест рукой, разрешающий остальным оставаться на своих местах. Было заметно, что его все эти философско-нравственные рассуждения и самобичевания утомили, но когда Си О Ха заговорил, то голос оставался абсолютно спокойным, без малейшего оттенка раздражения:

– Хорошо, мне всё стало предельно понятно. – Он отошёл к окну и задумчиво посмотрел на небо. – Главный вопрос решён, пусть и не в оптимальном варианте. Но это, я думаю, уже не столь важно. Теперь я хочу предоставить слово нашему учёному другу. У эН Си, осветите этот вопрос научным прожектором. Только умоляю – будьте лаконичны, у нас ещё уйма дел.

– С удовольствием, господин Си О Ха! – ответил молодой академик и, глянув на будущих астронавтов, дружелюбно улыбнулся. – Итак, начну с парадоксальной фразы. Об этой планете нам известно абсолютно всё и ровным счётом ничего! – Теперь он смотрел торжествующим взглядом, ожидая получить удовольствие от произведённого эффекта. Но, кроме некоторой доли любопытства, глаза слушателей оставались спокойными и вспышки яркого блеска от озвученного факта не произошло, что чуть-чуть огорчило У эН Си, но не расстроило. – Я думаю, господа, что сумею увлечь вас этой удивительной планетой. Начнём с того, что она находится на орбите звезды Капелла в созвездии Возничего ровно на таком же расстоянии, как наша Земля от Солнца. У неё точно такие же сидерический и синодический периоды обращения, у неё также имеется свой спутник, наподобие нашей Луны, у неё совершенно одинаковые с Землёй параметры. Это краткое изложение астрономических данных этой странной планеты, справедливо получившей имя Фантом.

Слушатели зашевелились и заинтересовались. Астроном другого и не ожидал, он знал, что разбудит их дремлющий интерес. Даже человек, совершенно далёкий от науки вообще, и от астрономии в частности, и тот должен был увлечься, узнав, что где-то в глубинах Космоса существует полный прототип, или сестра близнец, родной планеты. Они молча ожидали продолжения, хотя скептик Се Ро Че и здесь не удержался от замечания:

– Это очень удивительно, но отнюдь не странно. Может где-то далеко, ещё дальше, имеются ещё такие же планеты. И при чём здесь Фантом?

ГЛАВА 5

– Я вижу, господа, – засмеялся академик, – в ваших глазах уже гораздо больше настоящего интереса, чем вежливого любопытства. Заинтриговал, да? И о странностях, дорогой Се Ро Че, ещё не раз расскажу. Это только начало, вся интрига впереди. Первые же роботы-исследователи, десантированные на поверхность Фантома, дали потрясающие результаты! Атмосфера планеты состоит, как и земная, в основном из азота и кислорода, но не совсем идентична в процентном соотношении. Если земная атмосфера содержит 78 процентов азота и 21 процент кислорода, то на Фантоме это соотношение выражается цифрами 75 к 24. То есть, кислорода там больше. Но и это лишь небольшая часть того удивительного сходства с нашей планетой, о котором учёные не смели и мечтать! Там обнаружена вода в виде пресных рек и озёр, ещё мы можем утверждать, что имеется, как минимум в одном экземпляре, либо море, либо океан. Робот, попавший в водную стихию, успел дать информацию, но сам вышел из строя и утонул.

– Не повезло, бедолаге, – вскользь заметил Се Ро Че. – Правда, акулам с пираньями повезло ещё меньше.

– Да, – согласился учёный, – им от него проку мало, а вот зубы свои наиболее алчные особи, скорее всего, покрошили. – И тут же вернулся к основной теме. – И вот ещё одна важная деталь. Пробы почвы показали наличие многих химических элементов, вследствие которых она с полным основанием может считаться плодородной.

Се Ро Че вновь вставил реплику:

– Извините, но если там обнаружены воздух и вода, то логично и естественно, что и почва окажется вполне съедобной.

И на этот раз У эН Си с воодушевлением согласился:

– Вот именно! Вы представляете, там можно выращивать многие сельскохозяйственные культуры, пасти скот… ну и так далее.

Ай Си аШ недоуменно на всех посмотрел и спросил:

– В таком случае, я не понимаю, в чём здесь таинственность? Почему эта планета Фантом? И зачем вам мы, люди крайне ненадёжные и в таких делах не слишком сведущие, разве только Ви Са Ше?

Эмиссар, всё это время то молча ходивший, то задумчиво глядевший в окно, выходившее на имитацию дикой лужайки, резко повернулся и ответил:

– Есть одно негативное обстоятельство, которое в корне разрушает всю нарисованную идиллию. – Он нарочито выждал паузу. – Там непроглядный туман. Туманная тьма!

– Вот именно! – запальчиво воскликнул доктор свою, видимо, любимую фразу. – И природа его совершенно непонятна! Это нонсенс! Многочисленные пробы воздуха показывают относительную влажность, не превышающую семидесяти пяти процентов, а видео съёмка, во всех без исключения случаях, показывает настолько плотный туман, что невозможно наблюдать предметы дальше четверти метра. И представьте, этот туман никоим образом не сказывается на плотности атмосферы, атмосферном давлении и на температурном режиме планеты, который более благоприятен, чем на Земле.

– И самое главное, – опять взял слово советник Императора, – нам непонятны причины, или мотивы, резкого обрыва связи и не возвращения исследователей на орбитальный корабль. И если с роботами сей инцидент я могу обосновать внезапной поломкой, вследствие каких-то неизвестных нам электро-магнитных или физико-химических воздействий на их электронное оборудование, то с живыми людьми я не могу найти веского, аргументированного объяснения.

– Прошу прощения, – скромно сказал Ви Са Ше, – но с человеком всё может быть гораздо проще. Ведь всё то, о чём вы только что говорили, может воздействовать и на человека. Да и многое другое. Человек – существо более уязвимое в этом отношении, нежели существо им созданное. Он может быть подвержен губительному воздействию инфразвука или ультразвука, в этом я не очень сильно разбираюсь, но такое вполне вероятно. Ведь мы, в отличие от роботов, имеем психику, а она неустойчива. И, наконец, – тут доктор слегка покраснел, – в воздухе может присутствовать не поддающийся обнаружению смертоносный вирус, который и убивает всё живое?! Скажите, находили ваши исследователи хоть малейшие признаки биологической жизни? Муху? Комара? Земляного червя? – И тут же поправился. – Фантомного червя. Хотя, если червь фантомный и не дурак, то его вряд ли найдёшь, даже если он там и есть.

– Отставить шутки, – резко отрезал Си О Ха. – У нас мало времени и терять его на всякие глупости я запрещаю. Отвечаю на предыдущий вопрос. В этом заключается ещё одна необъяснимая загадка этой странной планеты. Всякая видео- и радиосвязь, будь то человек или робот, длилась ровно одну минуту, а потом… резкий обрыв. Так что, они просто не успевали что-нибудь найти. А теперь хотелось бы найти уже их, но неизвестно, где искать.

– Да, этот фактор если не разрушает полностью, то здорово подмывает фундамент моей версии, – с досадой сказал Се Ро Че.

Все с интересом на него посмотрели, ожидая продолжения.

– Если с роботами списать обрыв связи гибелью можно, – сказал он, – хотя тоже возникают некоторые сомнения, то в случаях с людьми мне хочется верить в то, что они там находили свободу, которой на Земле никогда не было, и прекращали связь вполне осознанно.

Эмиссар мгновенно отверг предложенную наивно-утопическую теорию, как совершенно абсурдную:

– И всегда ровно через минуту? А может и роботы находили там свой андроидный рай? Глупости! Прежде чем мы решили перейти к сотрудничеству с… интеллектуальными нарушителями закона, были совершены три экспедиции с профессиональными астронавтами и учёными. Никто не вернулся, а связь была прервана ровно через минуту. Они здесь имели всё: почёт, уважение, достаток, любимую работу, семью. Что они там должны были увидеть в течение минуты, чтобы на всё это плюнуть и остаться там без раздумий?

Ай Си аШ поднял руку и спросил, обращаясь к Си О Ха:

– Позвольте вопрос немножко не в тему?

– Извольте.

– Если оттуда не вернулся ни один робот и ни один человек, зачем, в таком случае, вы ставили первым условием подписание контракта? Ведь это теряет всякий смысл. Или, всё-таки, есть основания надеяться на благополучный исход? Или надеетесь, питаясь иллюзиями?

– Я слишком серьёзный человек, чтобы жить иллюзиями, а основания надеяться есть всегда. Даже тогда, когда уже совсем надеяться не на что. Мы должны предусматривать все ситуации, а контракт, в случае удачной адаптации, явился бы лишним гарантом вашей лояльности. Но в вашем случае, мне достаточно вашего слова.

– Когда у вас здесь станет всё плохо, вам надеяться будет не на что и не на кого – вы все возопите от отчаяния. А что касается нашего слова, то оно обязывает нас всего лишь поддерживать связь, пока что-то не случится. В это время мы можем говорить что угодно и рассказывать о чём угодно, исходя из формулировки предложенных вами условий. Разве нет?

Си О Ха криво усмехнулся:

– Для богослова и философа вы слишком наблюдательны, а ум ваш цепок и изощрён в логике и анализе?!

– Не забывайте, что я долгое время изучал и преподавал отрокам Новейшую историю, а в том болоте без этих качеств никак.

– Ну да, конечно, – советник Императора не собирался уводить в сторону разговор и глупым спором нагнетать страсти. – Ну что же, слово дано – слово взято, ничего уже менять не будем. Но я надеюсь на вашу любовь к человечеству и на вашу помощь не по принуждению, а… по зову совести.

Теперь уже Ай Си аШ улыбнулся почти ласково, но с печалью в глазах. Голос его стал тише и глуше, с хрипотцой:

– Самые подлые и кровавые человеческие экземпляры частенько, по политическим или сугубо личным, эгоистичным мотивам, обращались к совести, гуманности и мнимому патриотизму наивных людей, а с именем Бога вели миллионы оболваненных и оголтелых зомби убивать, вешать и сжигать себе подобных. Бесчеловечные дела всегда прикрывались высоконравственными лозунгами, девизами и идеалами.

Любой другой на месте Си О Ха повелительным тоном пресёк бы дерзкие речи отъявленных бунтарей, но он был очень умён, хитёр и выдержка никогда ему не изменяла.

– Я сейчас скажу то, что говорить не обязан, да и не должен, – сказал он и обвёл взглядом всех троих. – Мы можем стать очевидцами собственной гибели. Грядёт неминуемый планетарный коллапс. Наша планета почти истощена, сама природа, кажется, восстала против человека, поэтому нам просто необходимо нахождение и освоение новых жизненно пригодных космических объектов. А тут такой подарок… такой шанс!

Но и тут богослов и историк не упустил возможность эту откровенность интерпретировать в мрачных тонах, но таких реальных и так присущих человеческой натуре, что даже ярый оптимист не решился бы его оспорить:

– Чтобы и там сделать то же самое, что и на Земле? Установить бесчеловечные законы иерархии и ненасытные принципы потребления и накопления, что в итоге, со временем, приведёт к гибели любую планету, которую заселит сегодняшнее человечество. Мы же как саранча, только если раньше находились в стадии ползучих и прыгающих прожорливых саранчуков, сбившихся в кулиги, то теперь превратились в летающих, агрессивных и сплочённых плотоядных ящеров, всё пожирающих на своём пути. Сколько раз Господь даровал возможность своим творениям, нам и нашим далёким предкам, жить по его законам?! Мы уничтожили Фаэтон, опустошили Марс и Венеру. Да мало ли ещё что! А сколько поколений человечества было на Земле?! И у всех был шанс! Но никто не пожелал им воспользоваться. Мы не исправимы в своей стадной агрессии и в своей гордыни, особенно – в желании властвовать. Любой ценой! Вот такие мы есть. Но я очень надеюсь, что все пропавшие люди живы и что им там предоставлена возможность изменить себя и построить новое общество людей. Общество не закона и порядка, а общество Гармонии – в любви и согласии с Богом, с собой и с природой.

Терпению Эмиссара мог бы позавидовать всякий, будь то правитель или простой стражник.

– Поверьте, профессор, – сказал он, выказав при этом редкую для него эмоциональность, – я искренне желаю того же. Но как это узнать? Вот если бы вы смогли продержаться на связи полчаса, час, чтобы попытаться выяснить, что же там творится на самом деле, а потом сообщить и показать бортовому компьютеру звездолёта?! Там просто должна быть жизнь, пусть ещё в зародышевом состоянии!

– А вы не допускали мысль, – вступил в разговор Ви Са Ше, – что отключение всех приборов происходит под влиянием внешних, точнее, внутрипланетных разумных факторов? Все наши версии основаны на земных знаниях, которые мы стараемся прилагать ко всему, с чем сталкиваемся. Это неправильно. Что во всех случаях является ключевым? – И не дав

времени на ответ, ответил сам. – Правильно. Ведь всё упирается в эту минуту земного измерения, в течение которой происходит что-то решающее, что-то кардинальное, и не зависимо от того, кто там – человек или робот. А ведь никто из них не подал ни одного сигнала тревоги, ни одного возгласа о грозящей опасности. Почему? Не успевали? Даже крикнуть? Возможно, за завесой тумана скрывается разумная жизнь, для которой родной туман не является препятствием для наблюдения, а затем внезапного воздействия на чужака?! И вовсе не обязательно, что всех сразу же уничтожают.

– Очень хочется на это надеяться, – вставил фразу Се Ро Че.

Пропустив мимо ушей последнюю тираду, Си О Ха ответил:

– Мы допускали множество мыслей и версий, в том числе, и нечто подобное, и даже старались, имея все доступные данные, вдумчиво и всесторонне анализировать, лишь гипотетически допуская в своих умозаключениях такой аргумент, как допустимая возможность существования НЕКТО или НЕЧТО. И думали над этим, уж будьте уверены, спецы в своей области, люди, отдавшие науке себя без остатка. И что же? В итоге, мы всё равно сбивались на невероятные фантазии, достойные разве что писателей-фантастов прошлого.

На минуту воцарилось молчание. Все о чём-то думали. Первым заговорил Ай Си аШ, с некоторой долей смущения:

– Я, конечно, очень сильно сомневаюсь, что сказанное мною каким-то образом заинтересует вас, но раз уж вы упомянули писателей-фантастов, то… Может, кто-нибудь из вас, хотя бы случайно, слышал о таком, когда-то очень известном и популярном, писателе-фантасте двадцатого века Станиславе Леме и его знаменитом романе «Солярис»?

– Дорогой профессор, – оживился У эН Си, – в нашей Космической Академии, в которой я имею честь преподавать, в обязательную программу не входит, но настоятельно рекомендуется, в том числе и мною лично, изучение лучших творений фантастики всех времён и народов.

Все с любопытством слушали и никто не вмешивался. Умный и сообразительный академик, не дав ответа на конкретно поставленный вопрос, резюмировал из него вывод в виде своего вопроса, вспомнив и скопировав старую идею на современную реальность:

– Если я правильно вас понял, вы предполагаете, что нечто подобное происходит на Фантоме, только в роли разумного организма выступает не Океан, а Туман?

– Как альтернативная версия, она, по-моему, ничуть не хуже.

– Граждане, – вмешался Эмиссар, – вы сбиваетесь уже даже не на фантастику, а на какое-то сказочное фэнтези. Разумные Океаны, Туманы… – Но после небольшой паузы размышлений, он смягчился. – Ладно, допустим, теоретически, что так оно и есть. Планета принимает незваных гостей, Туман с минуту их изучает, каким-то образом отключает всю электронику… а что дальше? Это первое. А вот второе. Почему эта планета является точной копией Земли? И для кого, скажите на милость, существует атмосфера, вода и плодородная почва? Ведь всё во Вселенной просто так не возникает, всё упорядочено и целесообразно. Всё имеет свой смысл, порой, правда, очень далёкий для нашего понимания. Но в конкретном случае, всё элементарно просто и вывод напрашивается один – Фантом ждёт своих жителей!

– А что если он, Туман, – сделал очередное предположение Ай Си аШ, – не просто изучает пришельцев, отключая электронику, а полностью их сканирует? И не просто сканирует наше биологическое устройство, а наблюдает нашу духовную сущность? А уже потом читает наши мысли, что является следствием первого?! – доля историка в Ай Си аШе давно уступала богослову и фантазёру-романтику. – Почему не допустить мысль, что он видит наши души так же отчётливо, как мы, например, видим друг друга при ярком свете на расстоянии вытянутой руки? И только после этого, после тщательного духовно-душевного осмотра, на что и уходит ровно минута, уже принимает окончательное решение о дальнейшей судьбе человека.

– А что же он делает с роботами? – саркастически ухмыльнулся Се Ро Че. – Наверное крайне удивлялся, когда не находил в этих созданиях души?

– Может быть, – согласился Ай Си аШ. – Только когда у робота отключали все приборы, он, в отличие от человека, переставал «жить» сам по себе. С ним всё было ясно и он больше никого уже интересовать не мог. Просто хлам.

ГЛАВА 6

Смелому, почти безрассудному, бунтарю всё это, видимо, надоело, потому что он не сильно хлопнул ладонью по столу и сказал:

– Сколько бы мы здесь ни говорили, правды, находясь в этом кабинете, всё равно не узнаем. Но вы меня настолько сильно заинтриговали, что, будь я даже не под арестом, а имел совершенно свободный выбор, непременно согласился бы полететь на этот туманный Фантом. Без раздумий. Поэтому, я предлагаю: меньше слов – больше дела.

Все незаметно и по-разному улыбнулись, а Эмиссар иронично и осуждающе покачал головой.

– Слова словам рознь, а полететь мало, – возразил он. – Надо полететь с максимальной пользой, а для этого нужна подготовка, в которую входит всестороннее обсуждение намеченной задачи. – Си О Ха пристально посмотрел в глаза СеРо Че. – Хотите дела? Извольте. У нас есть новая хитрость, которую мы хотели бы впервые опробовать на… с вашей помощью.

– Интересно. И что же это? – спросил любопытный, что касалось науки, Ви Са Ше.

– Это крохотные универсальные приборы, которые позволят вести визуальное наблюдение непосредственно из вашего тела. Эти миниатюрные регистраторы вставляются в глаза как обычные оптические линзы, и мы, в прямом смысле, будем наблюдать тот мир вашими глазами. – И тут советник позволил себе шутку. Хотя, может то была и не шутка, потому что лицо оставалось непроницаемым. – Прошу глаза не закрывать и часто не моргать.

– Человечество всегда неоправданно считало себя умнее, чем оно является на самом деле, – с грустной иронией заметил Ай Си аШ. – Думаете, таким образом можно обмануть более масштабный разум? Если он способен проникать в наши души…

– Это всего лишь ваша гипотеза, профессор, – бестактно перебил Эмиссар. – Не более. И у нас нет другой возможности, как пытаться добиться желаемого методом проб, технических хитростей и вашего искреннего желания помочь. Ну вот, теперь вы знаете столько, сколько и мы. И напоследок, дабы убить последние мои сомнения, хотелось бы услышать сейчас, чтобы вы добровольно изъявили желание полететь туда, откуда ещё никто не вернулся. Се Ро Че, как я понял, уже это сделал, теперь дело за вами… господа.

Двое арестантов, от которых советник Императора ждал ответа, молча переглянулись, без слов поняли друг друга, и старший из них кратко озвучил результат:

– Нас мало что держало в этом коварном и лживом мире раньше, а теперь не держит и подавно, но зато теперь наш путь будет окрылять надежда. – И через секунду добавил. – И вера. Мы готовы.

– Вот и прекрасно, – Си О Ха был удовлетворён. – Сегодня мы завершим все необходимые процедуры, завтра с утра – повтор усвоенного материала, который будете сейчас штудировать, а в полдень – старт. Я уже представлял командира корабля и вашего начальника в полёте Ха Си Пи, а теперь, если хотите, можете задать ему пару вопросов.

Первым оказался всё тот же любопытный Ви Са Ше, но вопрос был задан вовсе не из области науки:

– Космические исследования, насколько я знаю, самая секретная информация. Она на несколько порядков выше той области знаний, которыми занимался я, а я, как вы помните, занимался страшными и очень секретными делами… Одним словом, эта информация настолько засекреченная, что…

Эмиссар не выдержал и, криво усмехнувшись, сказал:

– Настолько засекреченная, что о ней знает всякий глупый провинциальный стражник. Впрочем, извините. Продолжайте.

– Да, спасибо. И тем не менее, эта та сфера, в которую могут допускаться лишь самые избранные. Мы уже они?

На губах доктора заиграла лукавая улыбка. Си О Ха её заметил и, впервые открыто засмеявшись, ответил, считая данный вопрос своей компетенцией, а не пилота:

– Да, вы уже избранные. Вам уже можно знать всё, – и хитро прищурившись, добавил. – Почти всё.

А Се Ро Че на это благоволение грустно пошутил:

– Мы смертники, а перед смертью разрешено, как последнее желание, пополнить свой интеллектуальный кругозор новыми, ранее не доступными, знаниями и секретами. От них уже не убудет, а мы, напоследок, потешим своё самолюбие. Скажите, командир, вы там уже бывали?

Ха Си Пи приосанился:

– Два раза. Это будет мой третий полёт к Фантому.

Следующий вопрос задал Ай Си аШ, человек наиболее далёкий от точных наук вообще и от астрономии в частности:

– Извините, но у меня вопрос одновременно астрономический и исторический. Я полагаю, что об этой звезде…

– Звезда Капелла из созвездия Возничего, профессор, – подсказал У эН Си.

– Спасибо. Да, так вот, я полагаю, что об этой самой Капелле людям известно давно, но почему же, в таком случае, ей не уделяли пристального внимания раньше? Ей и её окружению?

Ответил на этот раз молодой академик, почесав щёку:

– А потому, уважаемый Ай Си аШ, – непроизвольно сказав слово «уважаемый», У эН Си глянул в сторону Эмиссара, но тот, словно не слыша, оставался непроницаем. – Дело в том, что эта звезда не заслуживала пристального внимания. Это ещё одна загадка, или лучше сказать – парадокс, который очевиден, но невероятен. Звезда Капелла схожа с нашим Солнцем по спектру, цвету и температуре, но её светимость, а значит и поверхность, больше нашего Солнца в 120 раз! Это просто немыслимо, чтобы на её орбите существовала совершенно идентичная нашей Земле планета на таком же расстоянии!

– И тем не менее, это факт, – сухо сказал Си О Ха.

– Я так понимаю, – допытывался дотошный профессор, – что она слишком большая и слишком яркая?

– Именно так. Я не представляю, как там жить человеку днём при безоблачном небе?! И если бы не туман… – У эН Си запнулся, а затем с надрывом вскрикнул. – Голову могу дать на отсечение, что туман там неспроста! Мне кажется, что он в совокупности с магнитным полем выполняют защитные функции?!

– Ещё одна гипотеза, – хмуро сказал Си О Ха. – Их и так слишком много. Что туман там неспроста, это понятно, но как выяснить его природу? Мало выдвинуть гипотезу, надо её проверить и, если получится, доказать. – Он повернулся лично к Ай Си аШу. – Ещё что-нибудь желаете узнать?

Профессору стало неловко из-за своей назойливости, но какое-то детское любопытство толкало его вперёд. К новым познаниям.

– Я, конечно, не много в этом понимаю, но… сколько времени нам предстоит находиться в полёте? Ведь, насколько я представляю, путь неблизкий? Это, всё-таки, космические расстояния, и измеряются они, если память мне не изменяет, не километрами, а парсеками. А то и вовсе – мегапарсеками.

– Вы не только очень честный, – с маской на лице, но с задорной искоркой в глазах сказал Эмиссар, – но ещё и очень скромный человек. Для богослова и историка вы неплохо

осведомлены о Космосе: сначала Фаэтон, Марс, Венера, теперь парсек и мегапарсек. Из вас получится хороший астронавт.

Ай Си аШ уловил не злую иронию советника, потому ответил с вежливой улыбкой:

– Мне, как богослову, стыдно было бы не знать владения Бога, вот только истинные знания люди часто прячут за лживыми, но красивыми фразами, сомнительными, но научно доказанными фактами, и за очень мудрёными цифрами и формулами.

Си О Ха быстро вернул разговор в прежнее русло:

– Я так полагаю, граждане новой эры, всех интересует вопрос времени и пространства, но никто не знает на него ответа? Может вернёмся в Южный округ и спросим у того надзирателя, который рассказал вам о Фантоме?

Последний вопрос-предложение был явно саркастического характера, хотя ни по тембру голоса, ни по выражению лица Эмиссара этого определить было невозможно. Все на это скромно улыбнулись, но промолчали. И вдруг Се Ро Че сказал:

– Я не знаю научного ответа на вопрос о космическом времени и пространстве, но я слышал о невиданном прорыве в космологии, благодаря новым технологиям, применение которых позволило землянам проникать в глубины Космоса в поисках Новой Земли, чтобы паразитическая элита, прихватив всё необходимое, включая обслуживающий персонал, оккупировала обнаруженные территории, установила там привычный иерархический порядок и стала, как и здесь, неограниченно править. А Землю уничтожить, взорвав весь ядерный потенциал. Ну как?

Советник небрежно отмахнулся:

– Обычная пропагандистская и демагогическая болтовня, основанная на слухах, распространяемыми врагами Империи. К тому же, глупо и безнравственно усиленная террористической составляющей, не имеющей под собой никакого реального основания. И знаете почему? Я отвечу, ведь вам уже можно знать почти всё. И дело не только в том, что ядерная энергия осталась в прошлом и основанного на ней оружия на Земле уже нет – сейчас имеется кое-что мощнее, – а в том, что ни один правитель, а уж тем более сам Император, имеющий истинную и реальную власть на Земле, не поменяет её на мнимую инопланетную. Править только здесь и сейчас! Вот такой девиз.

– Это только пока власть есть, а когда она начинает рушиться, причём – тотально, правители меняют свою точку зрения быстро. Даже моментально и даже ночью, убегая под покровом темноты из дворцов.

– Господа, мы опять отклоняемся в сторону, – дипломатично ответил Си О Ха и посмотрел на пилота. – Ха Си Пи, осветите профессору вопрос времени и пространства. Но, опять-же, очень кратко. Пока мы находимся в земном пространстве, надо дорожить земным временем.

У пилота промелькнула мимолётная, еле уловимая, усмешка с начинкой из сарказма и сатиры, но тут же спрятанная за серьёзным и почтительным выражением лица человека исполнительного и в высшей степени благонадёжного:

– Современные знания о Космосе, к сожалению, ограничены нашей Галактикой, да и то, честно говоря, изучена она далеко не детально. Но мы, астронавты-разведчики, ежедневно, рискуя своей жизнью, расширяем небесный кругозор. А это стало возможным благодаря нашим учёным. Они открыли, или обнаружили, как вам будет угодно, способ преодоления дальних расстояний в сжатые временные сроки. Об этом талдычили и в шутку и всерьёз ещё в двадцатом веке, но практическое подтверждение фантастической теории случилось в середине нашего века, когда группа астронавтов с учёными всех мастей на борту звездолёта почти случайно наткнулась на первую «кротовую нору» Галактики. А уж потом оказалось, что она, наша Галактика, буквально нашпигована этими норами, как наша Земля автомобильными дорогами. А что есть такое «кротовая нора»? Это некое гиперпространство, природу которого абсолютно достоверно объяснить не может никто, но попадая в которое объект перемещается

по совершенно другим физическим законам, нежели те, которые существуют в нашем трёхмерном пространстве, не говоря о времени. Именно там, по непонятным пока до конца причинам, расстояния приобретают сказочно невероятные измерения. Даже время иногда становится понятием абстрактным, меняющим не только свою скорость, но и вектор своего движения, что очень опасно и вызывает большую настороженность.

– Но ведь мы можем заблудиться? – с беспокойством спросил вирусолог. – Нырнуть, скажем, не в ту нору?

– Заблудиться мы могли бы, – засмеялся Ха Си Пи, – теоретически, только отыскивая скоростные трассы к новым звёздам, а наша дорога под номером семь. Так что, мы не заблудимся. Через два часа после старта мы выйдем на орбиту Фантома.

– Но ведь Космос – не автострада?! – не унимался Ви Са Ше. – Там не расставлены указатели направлений!

Вновь вмешался Эмиссар, считая, что разговор затянулся уже слишком:

– Для этого, господа, существует подробная звёздная карта с точными координатами и грамотный штурман на корабле. На этом давайте закончим познавательную беседу и займёмся практическими делами. – Он поочерёдно посмотрел на преступников и неожиданно спросил. – И последний вопрос, из простого человеческого любопытства – вам действительно не страшно?

Трое вновь молча переглянулись, как бы вселяя друг в друга уверенность, но на этот раз каждый ответил за себя сам:

Ай Си аШ: «Я надеюсь найти там то, что здесь давно и безвозвратно утеряно. Хуже не будет, потому что физические муки ничто в сравнении с душевными. Мне не страшно».

Се Ро Че: «А я надеюсь встретить там отправленных туда ранее моих друзей, и с их помощью построить новую цивилизацию. Общество социальной справедливости и всеобщего равенства. Правда на моей стороне, а потому и мне не страшно».

Ви Са Ше: «А мне вначале было страшновато. Но наблюдая бесстрашие своих новых друзей и уповая на то, что может быть там и я смогу принести хоть какую-нибудь пользу людям своими знаниями и добрыми устремлениями, и искупить тем самым своё земное тяжкое преступление – вы знаете, что я имею в виду, – дух мой укрепляется и страх… в страхе улетучивается».

Советник Великого Императора остался доволен, глубоко скрыв свою снисходительно-презрительную улыбку на эти романтичные и наивные ответы. Черты его лица ничуть не изменились, голос по-прежнему спокоен, и лишь слова выражали оптимизм.

– Начало настолько замечательное, что боюсь сглазить. Мы на вас возлагаем особые надежды, потому что ещё ни в одном полёте не случалось соединить вместе умных, честных и… светлых людей. А теперь пора браться за дело, чего так сильно добивался Се Ро Че. Вам ещё надо ознакомиться с устройством и управлением капсулой, на которой вам предстоит спуститься на чужую планету и, надеюсь, возвратиться обратно на звездолёт. Прямо сейчас мы летим на базу.

ГЛАВА 7

Через двадцать минут они покинули столицу Восточной метрополии. С улыбками, наигранно счастливыми, попрощались с хозяином – сатрапом Ай Гэ Ли, пожелав ему скорейшей опалы и пообещав радушно встретить того на Фантоме, в качестве честного и трудолюбивого члена нового общества. А спустя ещё полчаса приземлились на самом секретном объекте космического назначения, откуда и предстояло земным преступникам совершить свой первый и, скорее всего, последний полёт к звёздам. Время оставшегося дня до глубокого вечера было посвящено техническим занятиям на практике с теоретическими комментариями. И к их удив-

лению, всё оказалось намного проще, чем они это себе представляли. Неофициальный и полусерьёзный экзамен на допуск по управлению летательным аппаратом «Фантом 35», именуемый капсулой, был успешно сдан, и часам к одиннадцати новобранцы отправились в спальную комнату, лишь слегка поужинав.

Утро следующего дня выдалось на редкость солнечным и почти безветренным, что на Земле случалось всё реже и реже. Группа людей, состоящая из трёх арестантов, командира корабля, его штурмана, двух охранников и личного представителя Правителя Земли по космическим исследованиям Си О Ха, который в день отлёта был странным образом возбуждён, но старался этого не показать, подошла к звездолёту, куполообразной конструкции двенадцати метров в диаметре и семи в высоту, и молча, без команды, остановилась. Всё уже не раз было сказано и все были готовы к старту, но как бы человек психологически себя не настраивал, покидать Землю в первый раз всегда очень страшно, а когда почти уверен, что навсегда, то становится мучительно невыносимо! Интервал времени на последние земные размышления не должен быть длинным, и уже после нескольких минут всеобщего молчания Се Ро Че сделал первый шаг к трапу. Эмиссар встрепенулся, осознавая, что пришла пора последнего напутствия на дорожку в неизвестность, и, когда вся команда стала подниматься к открытому в звездолёте люку, он негромко крикнул:

– Счастливого пути! Я на вас очень надеюсь! Помните, в ваших руках… и сердцах находится судьба человечества! – А потом, с надрывом и хрипотцой в голосе, выдавил. – Да поможет вам Бог!

Никто не ответил, даже не обернулся, а профессора пробила душевная дрожь, которая отразилась на лице подёргиванием мышц. Его всегда коробило, когда люди, творящие зло, замаскированное благими намерениями, беззастенчиво и кощунственно упоминали имя Господа. Но он, как историк, знал, что никто так часто не упоминает Бога, как скрытые безбожники. Впрочем, его внутренних ощущений никто не видел, да и никому до них не было ровным счётом никакого дела.

Члены команды, заняв свои места, пристегнулись, а Ви Са Ше, постеснявшись поинтересоваться об этом вчера, не выдержал и спросил:

– Я всё не могу поверить, что на таком небольшом аппарате мы сможем покорить космический простор?

Командир корабля, отличавшийся, видимо, добродушным характером, засмеялся с нарочитым чувством профессионального превосходства.

– Легко! – весело ответил он. – Это тот случай, когда размер не имеет значения, а я, ребята, управляю не грузовиком, а разведчиком. – И тут же начал давать общие технические пояснения. – Антигравитационное устройство нейтрализует воздействие гравитонов и силу электро-магнитного поля в радиусе двадцати метров от корабля. Вследствие этого, мы получаем невесомость в пределах земной атмосферы, и требуется совсем немного энергии, чтобы управлять машиной. Компактный и универсальный двигатель получает топливо через турбину и генератор. Ничего сложного. Всё гениальное просто.

– А где же хранится топливо? – спросил Ай Си аШ, оглядываясь по сторонам.

Ха Си Пи рассмеялся ещё задорнее:

– Оно хранится везде! Надо только научиться его отовсюду извлекать. Время ядерных и газо-жидкостных энергий прошло, а на смену пришла эпоха более тонких, более мощных и более экологичных видов. Топливо поступает в двигатель в виде кинетической и потенциальной энергий, то бишь, независимо от того, двигаемся мы или стоим. А раз двигатель универсальный, то наше топливо не капризничает и не привередничает. Ему всё годится: эфир, звёздное излучение, даже из тёмной материи турбина умудряется высасывать крохи энергии и, в случае простоя, накапливает в аккумуляторы. – Вдруг повернулся и с лукавым прищуром глаз добавил. – А вот квазары всё время убегают, не желая делиться, пульсары не устойчивы

и обманчивы, а чёрные дыры откровенные грабители: сами норовят всосать всё, что попадётся. Поэтому от них мы держимся подальше. А в остальном полёт гарантирую комфортный.

На этом беседа прервалась. Пилоты готовились к отлёту, нажимая кнопки, щёлкая тумблерами и тихо перебрасываясь фразами профессионального сленга. Все остальные сидели молча и, глядя в иллюминаторы, думали каждый о своём. Арестанты вторично прощались с Землёй, и на этот раз боль в душе была ещё сильнее, а вот от мыслей охранников даже самый лучший телепат пришёл бы в полное замешательство и взвыл бы от собственного бессилия.

Звездолёт плавно и совершенно бесшумно взмыл вверх и на большой скорости вертикально устремился к краю неба, сопровождаемый ослепительным сиянием Солнца. Пассажиры были немало удивлены почти полному отсутствию перегрузок на таких скоростях, но приставать с расспросами в такой момент сочли поступком бестактным. Ха Си Пи же, не поворачивая головы, шуточно поинтересовался:

– Не беспокоит?

– Только первые мгновения после ускорения, – ответил Ви Са Ше. – Ощущение такое, будто в Космос устремилось только сознание, оставив внутренности на Земле. Вы говорили, что размеры значения не имеют, а скорость?

– Когда нет гравитации и магнитного давления, скорость может быть произвольной. – Пилот щёлкнул тумблер и звездолёт замедлил движение. – Это я хотел произвести на вас эффект. Каждый пилот немножко честолюбив.

– Хорошо, – вмешался в разговор Ай Си аШ, – для преодоления земных препятствий скорость в сегодняшней космонавтике роли не играет, но что было бы, не будь обнаружены эти самые «кротовые норы»? Согласен, самый важный вопрос – вопрос топлива – решён, но чтобы преодолеть колоссальные расстояния, нужны и… больше чем космические скорости?! И что – тупик?

– Пожалуй, что так, – согласился Ха Си Пи. – По крайней мере, на данный технический момент. Даже если бы наши учёные смогли приблизить скорость корабля к скорости света, то только до границ Солнечной системы мы добрались бы за три года, а если дальше… жутко подумать!

– Значит, нам предоставили шанс, – заключил профессор. – И ещё это значит, что наша планета обречена.

Се Ро Че хотел было вступить в спор, но передумал, а все остальные тоже промолчали. А спустя минуту звездолёт без видимых усилий вырвался из цепких объятий Земли и невольные путешественники узрели прекрасный и завораживающий мир Космоса. И если для одних, это обычный маршрут, как для командира и штурмана, для других – скучная должностная командировка, как для стражей, строго и ревностно выполняющих инструкции, то для арестантов – это было эмоциональное потрясение. Воистину, увидеть Космос и умереть! И не только от восхищения. Безмолвное величие холодной и мрачной бесконечности не только завораживало и восхищало, но и навевало какой-то интуитивно-ассоциативный страх, особенно у людей впечатлительных и богатых фантазией.

– Внимание, входим в «кротовую нору», – буднично сообщил пилот.

Новоявленные астронавты ещё сильнее впились глазами в иллюминатор, стараясь не пропустить этот грандиозный момент. И вдруг, совершенно неожиданно и непонятно как, вместо окружающего спокойствия, вокруг всё замелькало и замельтешило. Земля, которую они впервые наблюдали как шар, исчезла вовсе, также пропало и Солнце, а вместо всеобъемлющей тёмной пустоты, началось быстрое мелькание и потухание огоньков, проносившихся с невероятной скоростью возле иллюминаторов. Ха Си Пи, привычно отключив двигатель и переведя аппарат в свободный режим компьютерного контроля, повернулся вместе с креслом к своим пассажирам, растерянным и недоумевающим, и, приветливо улыбнувшись, сказал:

– Ну что, бывшие граждане преступники, а ныне свободные космические волонтёры, поболтаем?

– Я что-то не понял? – Се Ро Че первым своё недоумение облёк в словесную форму. – Мы что, уже в норе?

– В ней, родимой, – расслабленно ответил пилот. – Разве не видно?

– А что тут увидишь?! Я даже не заметил, как мы в неё попали.

Ха Си Пи оказался очень улыбчивым человеком.

– А что вы ожидали увидеть? Космический тоннель? Смешно. Если бы они были видны, то их нашли бы тогда, когда появились первые на земле телескопы.

– Это для меня слишком сложно, – признался Ай Си аШ. – А как-нибудь приземлённее нельзя объяснить?

Командир задумался.

– Приземлённее, говорите?! – он размышлял, подыскивая подходящие земные образные аналогии. И вдруг просиял. – Вот, представьте, перед вами океан, огромная масса воды, а внутри существуют подводные течения, которые, по сути своей, являются той же самой водой, и в то же время, как бы что-то обособленное, отдельное. Ну как, чувствуете разницу и сходство?

Пилот предоставил минутную возможность всем поразмышлять о разнице и сходстве космических «кротовых нор» и земных течений в океане, а потом перевёл разговор на другую тему:

– Вы не против, если я задам интимный вопрос?

Вопрос был обращён ко всем. Ай Си аШ и Ви Са Ше вяло пожали плечами, что могло означать следующее: «Мы, конечно, можем и ответить, но на вопросе не настаиваем». А Се Ро Че откровенно сказал: «Валяйте».

– У кого-нибудь из вас остались на Земле семьи? Или, пожалуй, спрошу более деликатно и социокорректно, но тавталогично. – Кто-нибудь из вас имел право иметь семью?

Се Ро Че, хмыкнув, первым и ответил:

– Я даже на это не подавал прошение. В профессии борца за социальную справедливость в страшно социально несправедливом мире, семья не просто излишняя обуза, но и безнравственный поступок. У меня была подруга, мой идейный соратник и помощник во всех делах. Но при других жизненных обстоятельствах, у нас, несомненно, была бы хорошая семья.

Ви Са Ше, чуть смутившись, сказал:

– Лет десять назад я сделал попытку обрести семью, но тогда мне отказали, а взамен выдали постоянный абонемент на еженедельное посещение Дома Утех и РАдости. А потом я полностью посвятил себя науке и о семье уже не помышлял, а в сексе выручала ДУРА.

После этих слов все дружно, но не громко, засмеялись, исключая, правда, охранников, которые участия в беседе не принимали, да и вообще ни на что не реагировали, в отличии от штурмана, который хоть и отмалчивался, но эмоционально в беседе присутствовал.

– Да, – сказал Ай Си аШ, – эта ДУРА, пожалуй, знакома всем. Даже импотенты к ней захаживают. Сладострастие взгляда, прикосновения, как непреодолимый позыв животного инстинкта.

Се Ро Че хитро прищурился и со слабо замаскированной интонацией издёвки спросил:

– Импотенты ладно, но вы… проповедник Божьих заповедей, слуга Господа… как вы до этого дошли?

Профессор нисколько не обиделся:

– Я, к вашему сведению, как раз-таки до этого не дошёл, а от этого ушёл. А в молодости, чего уж там скрывать, бывал и я у этой ДУРы, да и вообще… хватало грехов. Но потом я встретил большую любовь, и это не было примитивным половым влечением, сугубо подразумевающим секс, а то была любовь, носящая имя агапе, и, к моему счастью, она оказалась взаимной.

И нам, как ни странно, но к величайшей нашей радости, разрешили жить вместе и называться семьёй. А уже потом я нашёл дорогу к Богу, с которой больше никогда и никуда не отклонялся.

– И дети у вас есть? – спросил Ви Са Ше.

– Да. Сын. Но он уже взрослый.

– И вы думаете, власть оставит их в покое? – с непонятным упрёком спросил Се Ро Че.

Ай Си аШ понимающе посмотрел в глаза коллеги и с мягкой улыбкой ответил:

– Дорогой друг, вы плохо обо мне подумали. Такую возможность я предвидел ещё пять лет назад, когда начинал активную деятельность по доставке Слова Божьего в души человеческие. Мне пришлось приложить максимум усилий, чтобы убедить жену с сыном официально просить власти о расторжении нашего союза. Мы не должны причинять боль ближнему, даже ненароком.

– Они не разделяли ваших взглядов? – спросил Ха Си Пи.

Се Ро Че стремительно вмешался, не дав профессору ответить.

– Извините меня, Ай Си аШ, за допущенную резкость тона, но хочу теперь предостеречь вас. Не спешите с ответом. А лучше не отвечайте вовсе.

Все поняли намёк и с подозрением посмотрели на пилота, который искренне обиделся:

– Я космический пилот-разведчик с самым высоким допуском к секретной информации! – гордо заявил он. – И я очень люблю свою работу. Да, я, как и большинство, служу существующей власти, но ни один человек не посмеет ни обвинить, ни даже упрекнуть меня в доносительстве!

Заподозрить командира в лицемерии чувств, значит, нанести новое оскорбление. Всем стало стыдно, а Се Ро Че пришлось опять извиняться:

– Простите, Ха Си Пи, но моя осторожность и подозрительность оправдана. Если бы не она, я давно зачах бы на площади у позорного столба.

– Я вас понимаю, – пилот был не злопамятен, – но я не понимаю главного! Вот ради чего вы все жертвуете собой? Ведь о вас никто не вспомнит и никто и никогда не будет вам благодарен?! Зачем всё это? Вы думаете, я слепой или глухой? Нет. Я всё вижу, слышу и понимаю. И совесть, мне так кажется, у меня тоже есть. Точно есть, потому что я её слышу. Но ведь так устроен наш мир, и его приходится принимать таким, каков он есть. Просто каждый человек в отдельности в постоянном выборе между и между, должен руководствоваться совестью и честью. К чему этот глупый бунт, который, кроме личной трагедии, никому никакой пользы не несёт? В девяти случаях из десяти человек – ничтожество, не заслуживающее даже сочувствия, не говоря уже о том, чтобы ради него идти на смерть. Картину благодарности вы не раз могли наблюдать на площадях, когда добрые люди плевали в лицо прикованным к столбам за то, что те защищали их интересы.

– А кто их сделал такими? – в свою очередь спросил Се Ро Че. – Кто исказил их мышление? Кто довёл их до такого скотского состояния? Кто, шаг за шагом, убивал в них всё лучшее, всё светлое, пробуждая всё тёмное и низменное? Кто из мыслителя и созидателя сделал тупого насильника и потребителя, ищущего примитивных и порочных утех?

Эстафету принял Ай Си аШ:

– Сначала искалечили человеческую душу, убив в ней совесть, то есть – Божественное начало, а так как природа не терпит пустоты, то на это место запихнули идола – лживого, хитрого, коварного, но такого милого и сильного, что все признали его благодетелем, и исступлённо падают ниц перед его золотыми клонами. Люди ослеплены сиянием мрака! И кто-то должен, в ущерб себе и без надежды на победу и даже благодарность, постараться вернуть их в обитель Божью. В этом мой смысл жизни, а если теряется смысл, то жизнь становится в тягость.

Ви Са Ше смутился от таких речей, он к ним не привык, но высказать свою точку зрения считал необходимым. Этого требовала товарищеская солидарность и статус колонизатора-смертника. Последнее с большой долей вероятности. Он сказал откровенно и просто:

– Жить по совести меня мама учила с детства, и никогда, ни при каких обстоятельствах не идти против неё. Да, мне повезло, я рос в хорошей семье. Но когда я вырос, то понял, что в жизни всё по другому и совесть лишь обуза. Честно признаюсь, я совершал поступки противные моей сути, пытаясь таким образом отделаться от угрызений совести, привыкнув к ним. Но так и не смог. Буквально всегда следом наваливалась такая смертная тоска и такая сильная внутренняя боль, что не хотелось жить. И я решил, что лучше умереть с совестью в ладу, если уж так случится, чем медленно умирать с постоянной болью в душе. Самое трудное, это сделать бесповоротный, окончательный выбор, а потом… уже легче и проще, даже если в жизни труднее и сложнее.

Получив исчерпывающие ответы, Ха Си Пи не стал ни вступать в дискуссию, ни соглашаться, он внезапно принял положение статус-кво и стал бесцельно смотреть вперёд, на мелькающую монотонную панораму. Он думал. Может быть, впервые в жизни пилот серьёзно размышлял. Все это поняли и мешать не стали, ведь чем больше человек размышляет и анализирует, тем он ближе к Человеку Разумному. Ай Си аШ непременно добавил бы:" Чем чаще человек слушает свою совесть, тем ближе он к Богу». И Ви Са Ше с ним согласился бы, даже если о Боге он никогда подолгу не размышлял.

Все погрузились в себя, исключая, разве что, охранников, которые продолжали тупо чередовать алгоритм взглядов – не внутренних, внешних – арестанты, иллюминатор, монитор компьютера. И все три объекта никаких эмоций у них не вызывали – им просто необходимо было куда-то смотреть, потому что спать запрещалось категорически.

ГЛАВА 8

Время шло и звездолёт неумолимо приближался к цели. И чем короче становился путь, тем больше усиливалось душевное беспокойство трёх пассажиров. Это чувство зарождалось непроизвольно, помимо их незаурядной воли, они могли его скрыть от окружающих, но напрочь уничтожить это чувство в себе было не в их силах. Это не был примитивный страх смерти, а скорее нервное возбуждение, доведённое до высшей степени, перед пугающим, неизвестным будущим. Как бы они ни убеждали себя и пилота в собственной вере и надежде, дрожь души унять было очень не просто. Арестанты лишь молча приободряли друг друга взглядами, потому что в данную минуту говорить не хотелось совсем.

И вот наступил тот момент, когда перед астронавтами предстал привычный Космос, с далёкими звёздами на фоне галактического полотна, грунтованного тёмной краской, яркой и крупной звездой прямо по курсу и неведомой планетой по правому борту. Командир поспешил сообщить:

– Да, друзья мои, это не наше Солнце, это звезда Капелла, которая станет в скором времени вторым вашим Солнцем, а вон прямо перед нами планета Фантом, который, я очень этого желаю, станет для вас Землёю. И мне, честно вам скажу, впервые почему-то грустно. Очень хочется, чтобы вы вернулись, но это так же маловероятно, как мне стать Великим Императором. – И тут Ха Си Пи вновь улыбнулся. – Я не говорю, что это невозможно, но шансов маловато. – Он сделал паузу. – Сейчас мы зайдём на её орбиту и вы сможете разглядеть свой будущий дом поближе, хотя всё равно ни черта не увидите. Сплошная оболочка серого цвета, именуемая Туманом. А вообще, ребята, лучше настраивать себя на худшее, тогда лучшее, если оно случится, покажется чудом. Как ни крути, мы все желаем себе только добра и втайне ждём чуда, которое часто находится рядом, а мы его не замечаем. Я чуда не встречал, но в Космосе я счастлив, и я хоть на время забываю, что вытворяют на Земле всякие ублюдки.

Ай Си аШ удивился, а потом поправил:

– А вы, оказывается, немножко философ?! Начало хорошее, только плохо, когда человек живёт исключительно ради себя. Ведь этот эгоистичный и хрупкий мир может рухнуть в любую минуту. А что тогда? Очень страшно остаться с бедой наедине. Человеком должны руководить любовь, милосердие и сострадание к ближнему. Только в этом случае человечество может выжить, а со временем – достигнуть Гармонии.

Се Ро Че не согласился:

– Это, дорогой профессор, чистейшая утопия, которая дальше призывов и идиллических романов не доходила. Я не могу, да и не хочу, заставить себя любить Императора, всех его сатрапов и подхалимов, а проявлять к ним милосердие и сострадание ровно такое, какое они проявляют к людям. Справедливое общество можно построить только в строгом исполнении, всеми без исключения, юридических и нравственных законов.

На это уже возразил Ай Си аШ:

– Но это, мой друг, всё то же насилие, а насилием счастливое общество не построишь. Это уже не раз доказано кровавой исторической практикой. Человек настолько слаб и слеп, что ломая старое здание угнетения, построенное на фундаменте честолюбия, тщеславия и алчности, он рушит только верхнюю часть и тут же начинает строить своё, как ему кажется, здание свободы и справедливости. Но ведь фундамент остался старый, в который сам строитель в скором времени и врастает, пуская корни. А разрушить старый фундамент без Божьей помощи человек не сможет никогда. Наша самоуверенность – самообман, ловушка, в которую человек добровольно, и даже с энтузиазмом, попадает.

– Вы, Ай Си аШ, уже совсем мало историк, а очень много богослов! – Се Ро Че не хотел ни обидеть, ни, тем более, оскорбить товарища, но сдержать лёгкого раздражения, прикрытого натянутой улыбкой, не смог. – Хотелось бы поменьше мистики.

Проповедник поправил длинные волосы и добродушно улыбнулся:

– Мистика, это душа, а она самая что ни на есть материальная реальность. Богословие же – есть Истина и Божья Мудрость, сокрытая в Слове, а история всего лишь человеческая наука, которую, как и закон, можно трактовать по разному и крутить, и вертеть её в разные стороны, что с успехом и делают политические жонглёры. Поэтому, неважно, какой профессии человек, а главное – это служение Господу через исполнение Его заветов и наказов, в которых Благодать Божья. А получив её, человек становится солью земли и светочем мира.

Вмешался пилот, понимая, что вмешаться надо:

– Так вот какую историю вы преподавали студентам?! Теперь мне понятно, почему вы не там, а здесь. И я считаю, что вам ещё повезло. Красиво и убедительно говорите, а значит – опасно. Великий тиран и диктатор, возомнивший себя чуть ли не богом, а в нашем случае – выше, никогда не потерпит конкуренции в культе поклонения. Как он однажды в пылу редкого раздражения отрезал Главе Мировой Церкви: «Бог един, и этот бог – я!» Комментарии, как видите, излишни. Но наш Император прекрасный актёр и умеет играть на публику. Он, желая прослыть гуманным и милосердным, официально отменил смертную казнь и запретил пытки, а на деле законспирировал их до второго уровня секретности. Если кто-то подвергся пыткам, будьте уверены, он умрёт, чтобы не болтал лишнего. А вот наказание или казнь через позорный столб считается справедливой и гуманной, а порочному народу бесплатное зрелище, в котором он даже может принять участие. И я это называю – всеобщим человеческим позором. – Тут он грустно улыбнулся. – Но только в Космосе. На Земле пользуюсь старой мудростью землян: молчание – золото.

Се Ро Че с иронией спросил:

– А здесь не боитесь такое говорить? Мы-то, ладно, Землю нам уже точно не увидеть, а вот… – И он указал глазами на штурмана и двух охранников. – Ведь следующим рейсом вы можете сидеть не у пульта управления, а в одном из наших кресел?!

Пилот от души рассмеялся.

– Мои разговоры, – сказал Ха Си Пи, – таят в себе намного меньше опасности, чем ваша попытка свергнуть Императора, пусть пока только золотого. Где, скажите мне, можно почувствовать полную свободу, как не в Космосе? И здесь бояться нечего и некого. Поддерживать связь в режиме онлайн на таких огромных расстояниях нам ещё не доступно, а запись на бортовой компьютер отключена, потому что в «кротовой норе» она вообще не возможна. Этим двум болванам, – он небрежно кивнул на стражу, – совершенно наплевать, о чём мы тут болтаем. Их обязанность доставить груз, то есть – вас, без эксцессов, получить похвальные баллы и бегом к выпивке и девочкам. Они вроде и человеки, но по сути – роботы. А это, – Ха Си Пи указал на штурмана, – мой родной брат Мо Ро Ба. Так что, на Земле мы лояльны, а в Космосе свободны, и имеем полное право говорить всё, что думаем. Даже правду. Даже о нашем Величайшем Императоре.

И тут Ви Са Ше, доселе только слушавший, обратился к пилоту:

– Вы, Ха Си Пи, несомненно, самый осведомлённый из все нас человек. Это факт. Что Император умён и силён, но лжив, хитёр и коварен, это не секрет, иначе не смог бы управлять всем миром. Нам также известно, что он величайший демагог и ловко втирает в глаза своих подданных розовые линзы, через которые они его и боготворят. Но как быть с благородной заботой о пенсионерах и инвалидах, для которых созданы в каждой сатрапии пусть обязательные, но комфортабельные пансионы? Я догадываюсь где-то интуитивно, что и в этом благодеянии кроется какой-то страшный подвох, но где он – хоть убей, не пойму. Может быть вы знаете, что на самом деле скрывается за этим благодушием и милосердием?

Ха Си Пи пристально посмотрел на микробиолога:

– И зачем вам это теперь? Отвлечь мысли от предстоящей высадки? Не думаю, что это правильное решение. Иногда лучше видеть только упаковку, не заглядывая внутрь. Под видом сладкой конфеты там лежит горькая пилюля. Хотя, у каждого свои методы релаксации. – Он опять засмеялся. – Хорошо, – пилот согласился, но ответ начал с вопросов. – Кто-нибудь из вас был там хоть раз? А почему там жёсткая система охраны, как на каком-нибудь секретном объекте? Забота о спокойствии пациентов путём полного отсутствия к ним доступа? Даже родных? Смешно до боли. Что вам известно о ваших родителях, попавших туда? Сколько они там прожили? Не надо, не отвечайте, я и так знаю, что не больше года. Это максимум, который даётся далеко не каждому. Исключение составляют родители высокопоставленных бонз, вот они, если отпрыски проявят о них заботу, могут дожить до глубокой старости. Почему так? Всё просто. Хоть они и сволочи, но частичка совести, хотя бы по отношению к своим предкам, у некоторых сохранилась. Вот именно этих стариков и рекламируют, иначе не скажешь, как наглядное доказательство гуманнейшей социальной политики. Ну, поняли? Вижу по глазам, что поняли. Да, остальных уничтожают. Но безболезненно. Вот в этом и только в этом состоит гуманность власти.

У всех глаза потускнели и лица осунулись.

– Я это знал, только не было доказательств, – сообщил Се Ро Че.

– Я тоже об этом догадывался, – сказал Ай Си аШ, – потому что нечто подобное в истории случалось, только намного ужаснее. В частности, в первой половине двадцатого века в фашистской Германии, а затем, во время развязанной ею Второй Мировой войны, и в других странах. Первые подручные кровожадного тирана Гитлера, Гиммлер и Гесс, создали универсальную программу избавления от лишних и бесполезных едоков «Эвтаназию», которая стоила жизни миллионам людей. Однако тот режим процедурой человеческого жертвоприношения этим не ограничился, но лучше об этом не вспоминать, настолько всё было страшно.

Се Ро Че попытался уличить проповедника в несоответствии церковных догм:

– Вы, как историк, прекрасно знаете и помните человеческие злодеяния на большом отрезке эволюции гомо сапиенс, и неужели теперь, в летописи нескончаемых зверских преступлений, вы можете утверждать, что мы, люди, все поголовно дети Божьи?

Ай Си аШ в долгу не остался и ответил мгновенно:

– Я этого никогда не утверждал. Более того, я с этим догматом категорически не согласен. Мы уже давно не дети Божьи, но должны стремиться ими стать. И вот этому стоит посвятить свою жизнь.

Ха Си Пи резюмировал:

– У вас ещё, надеюсь, будет такая возможность.

Проповедник парировал вопросом:

– А у вас?

Пилот, вместо ответа, указал рукой в иллюминатор и сказал:

– Вот, граждане колонизаторы, смотрите – перед вами ваша Новая Земля. А теперь я включаю запись, и с этого момента я хоть и свободен, но уже на работе, а значит, свой разговор должен корректировать.

Сквозь иллюминатор взорам смотрящих предстал шар матового цвета, без видимых очертаний материков с прожилками рек и крупными голубыми пятнами внутренних морей, да и вообще, без малейшего намёка на синие водные просторы.

– Вот, смотрите, – Ха Си Пи привлёк внимание всех к монитору правого компьютера, на котором виднелся тот же шар, который они наблюдали только что в иллюминатор. – Я делаю максимальное увеличение нашего телескопа, при котором в обычных земных условиях мы смогли бы увидеть спрятанную в кармане фигу. Ну, что, вы её видите? И я нет. Мы не видим ни фиги, ни кармана, ни того, кто этот карман носит. Мы по-прежнему наблюдаем густую, плотную серую массу, которая, будто бы нарочно, прячет планетарные прелести, как древняя женщина Востока скрывала свои за паранджой. Это и есть знаменитый Туман, тайну которого никто разгадать не может, а вы – очередные кандидаты на бессмертие, если узнаете его секрет, пусть и ценой собственной жизни. – Пилот опять улыбнулся и посмотрел на профессора. – Вот вы, Ай Си аШ, историк, служитель и проповедник Бога, а хотели бы войти в историю, как смелый исследователь Космоса и первооткрыватель тайны Фантома?

Ай Си аШ улыбнулся в ответ:

– Я хотел бы войти в Царствие Небесное, а не в историю.

– Даже туда я вас не тороплю, а вот делать первые исторические шаги пора. – Ха Си Пи открыл что-то наподобие шкатулки, вмонтированную в боковую стенку своего кресла. – Вот, возьмите эти усовершенствованные реликвии. Это старые, добрые, надёжные механические часы, имеющие массу защитных функций, но без всяких наворотов электроники. Трое вам, а одни мне. Наставляем на 12.00 и с этой секунды ваше время пошло. Когда прифантомитесь, ещё раз напоминаю, поддерживайте постоянную голосовую связь. Видеть-то я вас в капсуле буду, но хотелось бы и слышать, особенно это касается отправляющихся в разведку. Болтайте, рассуждайте, делитесь впечатлениями и ощущениями, это всё-таки более ценная информация, нежели наблюдаемый вашими глазами Туман. Но и конечно смотрите в оба, реагируйте на каждый шорох, на каждый звук.

– Командир, позвольте вопрос? – с блеском в глазах обратился Ви Са Ше. – Если контакт связи обрывается спустя минуту после выхода на поверхность, а с самой планеты ещё никто не вернулся на звездолёт, то откуда в наличии такие подробные данные относительно химических и физических свойств атмосферы, гидросферы и литосферы?

Тут спохватились и двое других арестантов-колонизаторов.

– Да, действительно, каким образом? – в один голос спросили Ай Си аШ и Се Ро Че.

– Это ещё одна загадка, которую, после Тумана, нашим учёным разгадать не удалось. Астронавты исчезали бесследно, а вот капсулы, но исключительно, когда исследователем являлся

человек, наполненные образцами почв, пород, водных субстанций, иногда возвращались. Как-будто кто-то, или сам пилот, что, впрочем, маловероятно, задал программу автопилоту, а сам, по неизвестным причинам, покинул летательный аппарат. И всё это в совершенном молчании, при полной потере связи с самой капсулой и её пассажирами. Парадокс?!

– Да, странный поступок, – задумчиво сказал Се Ро Че.

– Это более, чем странный поступок! – воскликнул Ха Си Пи. – Если так всё-таки поступали сами исследователи, пусть даже преступники, то это всё равно сумасшедший поступок. Только человек, лишённый рассудка, может добровольно лишить себя возможности возврата.

– А я просил бы вас допустить всё же мысль, – Ай Си аШ гнул свою линию предположений, – что они увидели и узнали то, ради чего там стоит остаться. А это был прощальный подарок – с умыслом: новые сведения и новые загадки.

Пилот хотел было ответить, но резко передумал.

– Вот вы, граждане нового чего-то, – сказал он, – скоро и узнаете ответы на многие вопросы. А если хоть один из вас сообщит мне что-то новое – о пропавших астронавтах, о Тумане, о загадочных посылках, – он сразу Герой Земли, и честь ему и хвала. – Было непонятно, говорит Ха Си Пи серьёзно или опять шутит, но поинтересоваться об этом он возможности не дал. – Всё, ребята, давайте выдвигаться к шлюзовому отсеку. Как и намечали, полетите в одной капсуле, чтобы от начала и до конца оставаться вместе.

– Да, пора приступать к делу, а то мы всё только болтаем, – сказал Се Ро Че неестественно бодро. – Если чего-то невозможно избежать, то пусть это произойдёт быстрее. Да и любопытство, откровенно скажу, меня переполняет, отодвигая предчувствие опасности куда-то вглубь. Вперёд, друзья оптимисты, хуже чем было на Земле, свободолюбивому человеку не будет. – Затем, игриво посмотрев в сторону профессора, с улыбкой добавил. – Может быть, хуже будет только в аду, который, надеюсь, находится не здесь?!

Все промолчали, а Ай Си аШ, уловив во фразе сарказм, мимоходом заметил:

– Ад везде, где отсутствует Бог.

Се Ро Че поправил, исходя из собственного мировоззрения:

– Ад везде, где отсутствует справедливость, а присутствует унижение человеческого достоинства.

Проповедник мягко парировал:

– Спросите у этих двух человек, – он указал на охранников, – о справедливости и чувствуют ли они себя униженными?

Не найдя ничего лучшего, Се Ро Че ответил:

– Из них просто сделали идиотов.

– Одних запугали, других сделали идиотами, третьих купили, а четвёртые чувствуют себя в этой гнилой и вонючей стихии, как рыба в воде. Почему?

– Причина кроется в несовершенстве власти.

– Это было всегда и никакие усилия не могли опровергнуть эту аксиому. А потому, что причина кроется в несовершенстве человека. А если быть более точным и более жёстким – в его глубокой порочности. Не придя к Богу и к Его заповедям, человек не сможет ни себя исправить, ни, тем более, построить общество социального благоденствия. Вспомните про фундамент.

– Вот именно – фундамент! – воскликнул бунтарь. – Его надо закладывать в детстве, воспитывая человека в послушании к моральному кодексу и юридическому закону, где доминантой должна служить именно нравственная сторона. Только в таких условиях можно взрастить человека с большой буквы.

Неизвестно, чем бы закончился и когда их спор, не вмешайся в который раз командир:

– Всё, хватит научно-просветительских диспутов, по крайней мере здесь, пора в дорогу. У вас какая-то болезненная страсть к теоретическим дебатам, уважаемые?! Прилетите, обу-

строитесь, доложите мне, а там… дискутируйте сколько угодно. Ладно, отставить шутки. Прошу всех занять свои места. И помните, пока вы в капсуле, вы в безопасности. Ещё не случалось, чтобы связь с ней прервалась, пока там находится хоть один член экипажа.

ГЛАВА 9

Когда невольные исследователи инопланетной жизни заняли свои места в малогабаритном летательном аппарате ограниченных расстояний, а сопровождающие собрались покинуть шлюзовой отсек, Ха Си Пи, задумчиво и отстранённо глядя поверх голов сидящих, выдвинул неожиданную версию относительно Тумана:

– Мне кажется, не стоит проводить параллели между Океаном Лема и здешним Туманом. Не знаю почему, но интуиция многолетнего космического бродяги и некоторые умозаключения не совсем глупого человека, сделанные за предыдущие полёты к Фантому, подсказывают мне, что Туман не руководитель, а исполнитель чьей-то мощной воли. Главный там кто-то другой, а Туман, как бы это дико ни звучало, ему подчиняется.

– Дорогой Ха Си Пи, – сказал Ай Си аШ, – я о нечто подобном давно намекал, но меня обозвали фантазёром.

– Если бы не было смелых фантазёров, наука стояла бы до сих пор на уровне каменного века. В любом случае, будьте осторожны и внимательны. Не суетитесь. – И вновь улыбка заиграла на лице пилота. – Не делайте опрометчивых шагов уже в новой жизни. Желаю удачи и жду подробных отчётов об обычаях и нравах местных аборигенов. В контакт вступать только в крайнем случае, ведь вы для них инопланетяне, а к чужакам всегда относятся если не откровенно враждебно, то агрессивно настороженно. Попытайтесь лестью и хитростью войти к ним в доверие.

Каждый из «пришельцев» счёл нужным дать свой короткий ответ, в такой же несерьёзной форме. Вирусолог Ви Са Ше сказал:

– Постараемся, если нас, конечно, в течении минуты не уничтожит какой-либо страшный и беспощадный вирус.

– Если эти самые аборигены не сожрут нас в сыром виде за эту роковую минуту, – Се Ро Че наигранно содрогнулся.

– Если тамошняя цивилизация встретит нас как богов, то мы вас позовём к себе в качестве младшего научного бога, – шутя сказал Ай Си аШ, но после серьёзно добавил. – Я уверен, командир, в отношении Тумана вы и я правы, только я не уверен в том, что когда я узнаю правду, следом узнаете её и вы.

– Будем надеяться, что на этот раз всё закончится благополучно.

Пилот, покидая шлюзовую камеру, на прощание вяло помахал рукой. Астронавты пристегнулись, переглянулись и Се Ро Че нажал кнопку отстыковки и автоматического управления. Дверь капсулы герметически закрылась и через пять секунд она пустилась в самостоятельное плавание к таинственной планете. Пассажирам оставалось лишь наблюдать за показаниями приборов и датчиков, которые стекались на компьютерный мозг капсулы, и уже он, исходя из получаемых сведений, принимал то или иное решение.

Челнок стремительно прошил высокие слои атмосферы, не замедляя хода прошёл сорокакилометровый пласт стратосферы, и только после этого, уже в тропосфере, стал постепенно снижать скорость, доведя в итоге до минимальной. Включился сонар, зондирующий поверхность и максимально минимизирующий вероятность неудачной посадки, что, однако, не всегда являлось полным гарантом безопасности. Сквозь плотный туман он указывал, где твёрдая и ровная поверхность, где горы, а где впадина, заполненная жидкостью, и определял расстояние до цели с точностью до сантиметра. Но почему случались аварии, никто точного ответа дать не мог. Колонизаторы, обязавшиеся вести разговор, молча и заворожённо смотрели на мони-

тор, который, неожиданно для всех, показал уровень высоты «ноль», хотя физически они этого не почувствовали, а визуально – тем более.

– Мы прифантомились, – тоном профессионала сообщил Се Ро Че.

– Я вижу, – услышали в ответ в наушниках слегка ироничный голос Ха Си Пи. – Ну что, соберитесь с духом и начнём. Будете выходить по одному, но сразу от аппарата не отдаляться. Не надо бежать в порыве пьянящего чувства свободы, потому что всё, что человека опьяняет, не приносит пользы, а только вред. Се Ро Че, вы, как самый дерзкий бунтарь, выползайте первым. Нащупайте почву, вдохните фантомного воздуха и поделитесь впечатлением. Но сразу никуда не отходите. Остальные находятся наготове.

Активный противник всякой диктатуры власти отстегнул ремень и нажал кнопку, задав предварительно цифровой код компьютеру, открывающему дверь. В открывшееся пространство ворвался приятный свежий воздух, а густой туман, обнявший со всех сторон аппарат, замер точно по периметру открывшегося овально-выгнутого люка, не просочившись внутрь ни на миллиметр. Все были изумлены.

– Командир, вы это видите?! – воскликнул Ви Са Ше. – Мы ещё не успели оглядеться, а чудесные странности уже начались!

– Эти чудесные странности я уже наблюдал и ранее, – спокойно отозвался пилот. – Давайте, свергатель памятников, выходите и станьте у открытого люка, держась за дугу рядом с дверью. В этом положении вы в безопасности и время не начинает свой отсчёт.

Все понимали, что выходить придётся всем, иначе нечего было сюда и лететь, но одно дело знать, а другое – сделать первый шаг в загадочную неизвестность.

– Я надеюсь, что этот чёртов Туман не разъест меня за одну минуту?! – сказал Се Ро Че, ухватившись за поручень и медленно опуская правую ногу в густую туманную кашу.

– Если рассуждать чисто теоретически, то в принципе такое возможно, – не к месту ляпнул Ви Са Ше.

– Спасибо, друг, вовремя утешил, поддержал и обнадёжил.

– Извините, я пошутил глупо.

– Помолчите минутку, доктор, – попросил Ай Си аШ.

– Очень точно замечено, профессор! – с улыбкой отозвался Се Ро Че. – Именно минутку! Минута молчания в лучших традициях давнего уважения к усопшему. Ну, будь что будет!

– Я же сказал, что пока всё безопасно, – подал голос командир.

– Да, находясь в безопасности, хорошо успокаивать и говорить о безопасности, добавляя самое обнадёживающее слово «пока». – С этими словами Се Ро Че полностью погрузился в Туман, лишь рука продолжала сжимать поручень. И несмотря на то, что он стоял совсем рядом, различимо было только более тёмное пятно на фоне окружающего серого вещества.

– Ну что там? – нетерпеливо спросил Ви Са Ше. – Туман вас не пожирает?

Микробиолог опять пытался шутить, но в голосе чувствовалось волнение. Неожиданно из наружной массы вынырнуло лицо пионера, что невольно заставило остальных чуть отшатнуться. Он улыбнулся и сказал:

– Не пугайтесь, друзья. Мы же с вами смельчаки. Не пристало пугаться какого-то Тумана, коль не испугались самого Императора. Как видите, я цел и невредим. Туман не только не опасен, но воздух в нём настолько чист и свеж, что на Земле такого уже вряд ли найдёшь даже в самых укромных местах.

Послышался голос Ха Си Пи, в котором восторга не было:

– Не обольщайтесь, вы не первый, кто в восторге успевал об этом сообщить. Пристегните страховочный трос и сделайте хотя бы несколько шагов вглубь. И прошу, комментируйте каждое движение.

– Ладно. Меня уже самого настолько охватила страсть исследовать окрестности, что даже чувствую в себе нетерпеливое раздражение. Сейчас разберёмся, кто тут главный. – Се Ро Че

защёлкнул карабин троса у себя на набедренном поясе, второй конец которого был намотан на стационарном барабане. – Теперь я понимаю азарт древних пионеров и конкистадоров, когда любопытство и жажда открытий новых земель преодолевает страх. Надеюсь, что мы ещё увидимся… хотя и сильно в этом сомневаюсь.

И он опять скрылся в Тумане.

– Ничто так не подпитывает азарт и не преодолевает страх, как жажда наживы! – крикнул вдогонку Ай Си аШ.

Оставшиеся наблюдали, как после нескольких медленных шагов растворилось и пятно, которое обозначало их товарища. Трос постепенно разматывался, а Ха Си Пи негодовал:

– Почему молчите? Говорите же что-нибудь! Секунды бегут!

– Спокойно, командир, – самоуверенно ответил новоявленный потомок пионеров и конкистадоров. – Я пытаюсь осмотреться с помощью ручного радара. Нет ни одного движения вокруг, ни одного жужжания насекомого, но лично я чувствую себя удивительно бодро и сил, как мне кажется, только прибавляется. Готов горы свернуть или хотя бы передвинуть.

– Не надо ничего ворочать, надо изучать и сообщать. Ни на что пока не наткнулись?

– Куда ни ступишь, всюду натыкаешься на Туман. Никакого нигде просвета и проблеска. И главное – полная тишина, будто всё мёртво, хотя такое внутри ощущение, что за мной…

Внезапно у Се Ро Че перехватило дыхание, хотя, спустя секунду, вновь дышалось легко и свободно, но вымолвить хоть слово он уже не мог. Он попытался двинуть рукой с радаром, но не смог ею даже шевельнуть, будто его внезапно парализовало, и в то же время физически чувствовал свободу мышц и ощущал прежний прилив сил. Но что самое главное – не было ни страха, ни паники. Он был совершенно спокоен не только внешне, в силу телесного анабиоза, но и внутренне, в силу духовной бодрости. Се Ро Че слышал зов командира и беспокойные призывы товарищей, но что-либо ответить и как-нибудь их успокоить уже не мог, хотя именно этого ему сейчас хотелось больше всего. Просто сказать: «У меня всё в порядке. Жив, здоров, но стал инвалидом. Надеюсь, что это временно. Главное, я мыслю, а значит, – существую». А ещё через мгновение он почувствовал, как на глаза наворачиваются слёзы, а затем крупными каплями стекают по щеке и падают, выплёвывая линзы, вниз, на неизвестную почву неизвестной планеты. Вскоре прекратились и голоса, наступила полная тишина без движений и звуков. И так как, в отличии от тела, мозг функционировал в оптимальном режиме, что выражалось в ясности мыслей и в способности к аналитическому мышлению как никогда раньше, то Се Ро Че ничего другого не оставалось, как стоять и мудро размышлять. «Странное ощущение, двигаться не могу, а чувствую себя свободным и полным жизни как никогда. И если сообщить о себе хочется очень, то возвращаться, почему-то, нет никакого желания, хотя и стоять без дела глупо. Готов совершить подвиг, а нет возможности сходить даже по малой нужде. Интересно, долго ли будет продолжаться эта шутка и чем вообще закончится вся эта нелепая ситуация? Я надеюсь, не буду находиться в таком положении, пока не превращусь в мумию?!»

Как только был задан вопрос, последовал и ответ, который парализованный конкистадор не то чтобы услышал, а скорее почувствовал его у себя внутри:

– Добро пожаловать, путешественник, на уникальную планету Мечты. Здесь и только здесь может осуществиться мечта всей твоей жизни без всяких видимых усилий с твоей стороны. Только твоё внутреннее желание. Хорошенько подумай и скажи: какая твоя самая сокровенная мечта?

Се Ро Че насторожился. «Что это, слуховая галлюцинация? Или воздействие Тумана на мозг в каком-нибудь ультразвуковом диапазоне? А может, это банальное зарождение сумасшествия в ускоренном режиме? Нет, только не последнее».

– Не о том думаешь, странник. У тебя есть шанс начать новую жизнь, а ты мне рассказываешь всякую глупость. К тебе обращается хозяин планеты, готовый выполнить твою просьбу,

поэтому имей совесть – не заставляй ждать и получать то, о чём впоследствии сильно пожалеешь. Ну, я уже в нетерпении?!

Странник, не сильно поддавшись устрашению, но здраво рассудив, что выбора-то у него особо нет, решил ответить. Хотя бы из элементарной вежливости:

– Мечта всей моей жизни – построить общество на законах полной и настоящей справедливости, где нет хозяев и рабов, а есть истинное равноправие. Где людьми движет не корысть, а внутреннее желание бескорыстной помощи при искреннем уважении друг друга. И ещё я хочу встретить своих идейных товарищей, отправленных сюда ранее.

После твёрдого и спокойного ответа, Се Ро Че с надеждой и с сомнением стал ждать ответа. Или дальнейшего развития событий. Ответ пришёл, но голос на этот раз показался ему чуть грустным:

– К вашему несчастью, вы, люди, очень часто не умеете чётко задавать правильные вопросы и формулировать верные желания, не утруждая себя детально вникать в суть вами же сказанного. Мне жаль. Но, как бы там ни было, что сказано, то будет сделано. Ты получишь желаемое. Вот, твоя мечта перед тобой – иди, дерзай, строй.

И опять наступила тишина. Он по-прежнему стоял в Тумане, не имея возможности двигаться. «Что за идиотская шутка, – подумал Се Ро Че, – похожая на издевательство? Куда идти? Что строить? Верните, хотя бы, мне способность двигаться и укажите дорогу, а я уж, так и быть, найду что строить. А почему ему жаль? И кого? Меня?»

И тут он ощутил происходившие перемены. Скованность тела стала исчезать прямо пропорционально рассеиванию тумана. Вот уже стали проявляться контуры ближних строений, затем – дальних, под ногами он увидел тротуар, а в руках, вместо радара, Се Ро Че держал трость. Он оглядел себя и был удивлён ещё больше: на нём был тёмно-серый костюм, белая рубашка и чёрные туфли. «Что за дурацкий наряд? И где это я?» Туман рассеялся полностью и город осветился лучами огромной звезды по имени Капелла. И хотя яркость, по неизвестным причинам, была тусклой и не слепящей слишком, но размеры фантомного солнца, с непривычки, наводили ужас. Бунтарь остолбенел. Вокруг сновали люди и странные автомобили, и лишь редкий прохожий поглядывал с любопытством на человека, растерянно стоящего посреди тротуара. Неизвестно, сколько бы он простоял в такой прострации, если бы кто-то не вернул Се Ро Че в реальность, сильно дёрнув за рукав. Он не испугался, но мысли путались и соображалось плохо, гораздо хуже, чем в недавнем парализованном прошлом.

– Здравствуйте, Сергей Родионович, – прошептал незнакомец, и, взяв его под руку, быстро повёл, по дороге торопливо объясняя свои действия. – Не пугайтесь, но здесь находиться небезопасно в силу причин, которые вы узнаете потом. А сейчас нам отсюда надо побыстрее скрыться. Тут недалеко есть явочная квартира, где нас уже ждут. Там и поговорим.

Они свернули налево в переулок, затем направо в какой-то тоннель, после просочились между двумя плотно стоящими домами и, миновав в спешке сквер, нырнули в подворотню, откуда вышли к трём старым домам и, шмыгнув в подъезд одного из них, поднялись на третий этаж. Отдышавшись, незнакомец открыл ключом квартиру, пропустил гостя, с осторожностью опытного шпиона осмотрелся и захлопнул дверь.

Войдя в комнату, Се Ро Че, или Сергей Родионович, как его назвал неизвестный, увидел пятерых мужчин, вставших из-за стола и шагнувших ему навстречу. Это были его старые товарищи по земному сопротивлению тирании. После радостного приветствия по случаю неожиданной встречи, гость подозрительно спросил.

– Что здесь происходит? К чему такая конспирация?

Ответил высокий шатен с рыжими усиками:

– Ты сначала проходи и присаживайся, потому что разговор будет долгим. Видишь ли, Сергей, мы все здесь, как и когда-то там, оказались на нелегальном положении. Нас ищет полиция и секретная служба. Ещё неизвестно, где хуже – там, на Земле, или здесь, на Мечте.

Сергей Родионович пришёл в полное замешательство:

– Да объясните же толком, что происходит? За что ищут? Почему ищут? Где я, вообще, нахожусь?

– Все зло усмехнулись, а курчавый парень со шрамом ответил:

– В данный момент, глупец находится среди глупцов. А все мы там, где и пожелали быть, глупо, я бы даже сказал – по-идиотски, сформулировав свою мечту. Мы все, во главе с твоим другом и помощником Борисом, хотели строить идеальное человеческое общество на основе нравственных и юридических законов. Теперь мы видим, что и ты хочешь именно строить это общество. Так?

– Ну, так, – ответил Сергей, ещё точно не зная, куда клонит его старый приятель, но где-то интуитивно чувствуя ловушку.

– Вот тебе и так, – грустно вздохнул курчавый. – Определяющий глагол в нашей, как оказалось, общей мечте – строить, а надо было просто пожелать жить! Но теперь уже поздно и обратно ничего не вернёшь. Ладно, слушай, что произошло. Когда со временем мы все оказались в этом мире, здесь царили вражда и междоусобица, разврат и анархия, но мы, сплотив вокруг себя народ, сумели в итоге захватить власть и навести порядок. И вот, когда мы начали воплощать наши давние мечты в реальность, установив и юридически закрепив нормы поведения на работе, в семье, в обществе, мы неожиданно получили коварный и, главное, неожиданный удар в спину. Наш товарищ и лидер Борис ловко сплёл паутину заговора, переманив и купив многих наших, и единолично захватил власть, установив жёсткую и открытую диктатуру, покруче земной. И вот теперь, большая часть наших бывших товарищей у него в услужении, а мы для него смертельно опасные враги и на нас объявлена откровенная охота. Вот оно как получилось.

– Борис? – Сергей Родионович был удивлён и поражён до шока, до спазм сердца. – Мы же все на него равнялись?! Даже я! Мы ему не просто доверяли – мы ему верили! Не могу поверить. Не хочу.

Сказав так, он глубоко задумался. Остальные вежливо хранили молчание. Затем печально, ни к кому конкретно не обращаясь, он спросил:

– Неужели Ай Си аШ прав? Неужели, не изменив каждого человека в отдельности, нельзя изменить общество в целом? Неужели человеческий порочный фундамент настолько крепок?

Товарищи недоуменно переглянулись, но тут же решительно воскликнули, перебивая друг друга:

– Надо бороться! Нельзя опускать руки и отступать! Смерть предателю! Здесь, Сергей, несколько другие нравы, поэтому борьба будет жестокой, но мы не отречёмся. Мы должны и будем бороться!

Сергей Родионович с невыразимой тоской и жалостью посмотрел на своих боевых друзей и тихо прошептал:

– Да, конечно, надо бороться. Предательство должно быть обязательно наказано. – И в конце, совсем шёпотом, добавил, смахивая с глаз скупую мужскую слезу. – Мы сами выбрали свою судьбу, а значит – пойдём до конца.

ГЛАВА 10

Как только с Се Ро Че прервалась связь, Ай Си аШ и Ви Са Ше, ещё до резкой команды Ха Си Пи, взволнованно стали тянуть трос и окончательно упали духом – никакой тяжести на другом конце не ощущалось. И действительно, грузом, защёлкнутым к карабину, оказался набедренный пояс, причём также закрытый на электрический замок. Товарища внутри, как и следовало ожидать, не было. Будто испарился.

– Я же говорил, что здесь творится какая-то чертовщина! – колонисты услышали голос командира. – Мистика! Какие бы меры предосторожности нами не предпринимались, всё повторяется – люди исчезают бесследно. Такое объяснить невозможно.

– Наши знания о Вселенной столь ничтожны, – сказал вирусолог, отстёгивая пояс, – как знания архантропа об окружающем его мире. Я думаю, всё вполне объяснимо здравым смыслом и физико-химическими законами, которые в корне отличаются от земных. И наша задача – попытаться в них разобраться, хоть самую малую малость. – И, смутившись и слегка покраснев, добавил. – Пусть даже ценой собственной жизни.

– А зачем? – спросил Ай Си аШ. – Чтобы покорить и подчинить себе и эту планету? А потом и её, с полным моральным правом, довести до полного физического и духовного истощения? Мы же до сих пор дикари! Цивилизованные, умные, но дикари. Может просто попробуем с ней договориться? Не изучать, как высшие низших, а просить, как низшие высших? Я думаю, это более разумно?!

– Ну что ж, – усмехнулся Ви Са Ше, – давайте попробуем. Поэтому, сейчас на переговоры пойду именно я, иначе, оставшись один, могу не решиться принять единственно верное решение.

– Я вам ещё такой команды не давал! – крикнул пилот. – Мне надо ещё раз всё обдумать и решить.

– Извините, командир, – спокойно, но твёрдо сказал Ай Си аШ, – мы уже не на вашем корабле, а значит, вне зоны действия ваших приказов и распоряжений. Не для того мы слыли бунтарями там, чтобы здесь стать безвольными марионетками. Отныне всё решать мы будем сами, а вы, Ха Си Пи, просто оставайтесь на связи, ведите запись и давайте дельные советы, если таковые у вас появятся. Так или иначе, но раз мы уже здесь, то на туманный Фантом ступит каждый из нас, даже если наши шаги и не сулят огромного прыжка всему человечеству.

Ви Са Ше пристегнул карабин с тросом к поясу и сказал:

– Трос, как я понял, совершенно бесполезен, но, на всякий случай, подстрахуемся согласно инструкции. Надеюсь, что мне удастся продвинуться дальше и сказать больше.

– Главное, – напутствовал профессор, – очистите мозг от дурных мыслей и освободите душу из пут страха и сомнений. Покажите этой планете всё лучшее, что есть в человеке.

– Как раз сейчас у меня самые светлые мысли, – и доктор в доказательство улыбнулся. – А страха и сомнений нет ни одного дальтона, но если начну анализировать абстрактную реальность, то…

– И начинайте разговор с первого шага, – не удержался от дельного совета командир. – Не надо анализировать, надо просто говорить. Анализом займутся аналитики.

– Вас понял, командор, – микробиолог ухватился за поручень и с грустью посмотрел в глаза проповеднику. – Я рад нашему знакомству, Ай Си аШ. Вы мудрый и добрый человек, но у каждого своя дорога. Я пойду своей. Прощайте. Итак, я делаю первый шаг в будущее. Слышите, командир?

Ха См Пи что-то пробурчал, а Ви Са Ше углубился в Туман, продолжая давать подробные комментарии своим действиям и наблюдениям:

– Вот второй шаг, третий, четвёртый. Оборачиваюсь: очертаний нашей капсулы не видно совершенно, но воздействия Тумана на физическое и эмоциональное состояние не чувствую. Даже наоборот. Тут Се Ро Че прав. Воздух свеж и приятен, проникая в кровь, даёт прилив энергии и… какого-то воодушевления. Ветра нет совсем, наклоняюсь и нащупываю грунт. Я стою на траве, она свежая и сухая, без малейших признаков влаги. Осмелюсь, всё-таки, сделать заключение, что Туман, это не туман, а как мы и предполагали – искусственная, непонятная по своим свойствам, субстанция, созданная Высшим Разумом данной планеты. Остаётся выяснить – с какой целью? Стоп. Ничего не понимаю. На глаза непроизвольно наворачиваются слёзы, хотя мне совсем не грустно в этом однообразном пейзаже. Мне даже очень…

Ви Са Ше не успел сказать, что ему, почему-то, очень даже радостно, но причину своей лёгкой эйфории он понять и объяснить не может. Язык онемел внезапно, тело безболезненно застыло до полной неподвижности, и он интуитивно почувствовал рядом чьё-то присутствие. Не было ни страха, ни малейшего намёка на внутреннее предчувствие опасности, а лишь полное спокойствие и умиротворённость в ожидании чуда. Он был уверен, что в эту минуту его изучали, как он изучал в микроскоп клетку организма. Что где-то решается его дальнейшая судьба, его будущий жизненный путь на этой чужой, но до боли знакомой планете. Но и в такой фатальный момент Ви Са Ше не ощущал ни волнения сердца, ни трепета души, ни смущения духа. Однако, относительно постороннего решения его судьбы он ошибся.

– Я рад приветствовать тебя, странник, на чудесной планете Мечты. Только здесь ты сам определяешь свою будущую телесную жизнь, поэтому не торопись с ответом. – Голос мягкий, но не усыпляющий, который сразу чем-то к себе располагал и ему верилось безоговорочно. – Итак, гость, какая твоя заветная мечта? Что ты хочешь в жизни изменить? Сделать?

Доктор поймал себя на мысли, что он совершенно не удивлён происходящим, а скорее наоборот – рад голосу, будто он его только и ждал. А на заданный вопрос Ви Са Ше мог ответить ещё на Земле, поэтому тратить время на ненужные раздумья ему не понадобилось:

– Моя единственная мечта, это стремление своими знаниями служить людям. Заниматься наукой и применять её плоды на всеобщее благо, а не во зло. Заниматься тем, чего я был лишён обманным путём на Земле. Творить добро, чтобы искупить вину.

Сказал и, затаив дыхание, стал ждать ответа. Он не знал, каким образом и кто творит жизненные метаморфозы, но понял суть, которая сводилась к следующему – на этой планете всякому прибывшему предоставлялась в дар его единственная мечта, а дальше уже он оправдывал своей жизнью данный свыше аванс.

Ответа Ви Са Ше не дождался, но Туман, или, как выразился он сам, искусственная субстанция, постепенно улетучился и он увидел себя стоящим на высоком холме, под палящими лучами чужой огромной звезды, в полном одиночестве и причудливом одеянии. А внизу раскинулся незнакомый город, с узкими и грязными улочками, невысокими домами, среди огромного количества которых имелись три большие площади, где ярко полыхали костры. А в центре города, как оазис в пустыне, сразу бросался в глаза грандиозный дворцовый ансамбль, занимавший огромную территорию и огороженный от остальной части города высокой, каменной стеной.

И тут Ви Са Ше увидел, что к нему, спеша и спотыкаясь, взбирается человек в сером балахоне и с растрёпанными волосами до плеч. Переведя дух, тот горячо заговорил:

– Почтеннейший доктор! Многоуважаемый Виталий Станиславович, наконец-то! Мы вас уже заждались!

– Меня? – таким поворотом событий микробиолог был просто ошарашен. – Этого не может быть! Минуту назад я и сам не знал, где окажусь. Вы, наверное, ждёте кого-то другого?

– Господин, в такую тяжкую годину не надо так жестоко шутить. Тут нет никакой ошибки. Наши мудрецы известили всех жителей о вашем появлении, известнейшем лекаре, ещё три дня тому. Чтобы вас встретить, были посланы гонцы во все части света, а вы вдруг появились один, без свиты и так неожиданно… Чудо! Но я вас умоляю, Виталий Станиславович, нам надо торопиться. Вас уже давно ждут во дворце. Вас с мольбами ждёт весь город! У нас страшная беда! Смерть к нам опустилась на чёрных крыльях и нещадно разит жителей, от мала до велика. И нет от неё ни пощады, ни спасения!

– Я, кажется, догадываюсь, как зовут эту смерть. Врачей в городе много? Учёные-химики есть? Лаборатория какая-нибудь имеется?

Человек совершенно растерялся от незнакомых слов, но тянуть за рукав доктора слабее от этого не стал.

– Я вас отведу к главному лекарю и старшему мудрецу, они вам всё поведают. Все в глубокой печали, а король в тоске пьёт вино.

– Хороший выход для умного и сильного руководителя, – сказал доктор, приветливо улыбнувшись незнакомцу. – Поспешим на помощь. Надо спасать народ, ну и короля, пока не допился до цирроза печени. – А потом тихо добавил. – Такого мира я не ожидал.

ГЛАВА 11

Едва голос Ви Са Ше умолк, Ай Си аШ и Ха Си Пи обречённо осознали, что таинственная ситуация с внезапным исчезновением уже традиционно и неумолимо повторилась, и что доктора на другом конце троса нет и быть не может. Профессор машинально вытравил из коварного Тумана бесполезную страховку, уселся в кресло и обратился к командиру звездолёта:

– Ну вот, Ха Си Пи, пришла и моя очередь уйти в другой мир, а значит, самое время визуально прощаться. Я не знаю, что меня там ждёт и увижу ли я своих новых друзей, но обещаю вам, если не погибну и у меня появится хоть малейшая возможность, я непременно и обязательно пришлю вам весточку.

– А может не стоит, Ай Си аШ, – с грустью сказал пилот. – Ведь и дураку понятно, что и вы не вернётесь. Это уже больше, чем очевидно. Вы, конечно, можете меня игнорировать, как начальника, но нельзя же игнорировать собственный голос разума отчаянный клич инстинкта самосохранения?!

Профессор рассмеялся:

– Если бы я слушал только эти два голоса, мы бы с вами никогда не встретились, потому что я до сих пор преподавал бы гнусную Новейшую историю и кланялся каменным изваяниям Великого Убийцы.

Ха Си Пи не сдавался:

– Ну подумайте ещё раз. Ведь вы своей гибелью ничего никому не докажете, а я, как начальник экспедиции, могу с полным правом считать продолжение эксперимента нецелесообразным и неоправданно опасным, и, пользуясь своим единоличным правом «вето», прекратить и вернуть вас на Землю, а там… кто знает, может…

Ай Си аШ не дослушал:

– Мне очень приятно ваша забота, Ха Си Пи, это делает вам честь и говорит о вашем добром сердце, но всё это пустое. Я не вернусь по трём причинам. Во-первых, – мы расходный материал и вам незачем из-за нас подвергать свою устроенную жизнь неприятностям. Во-вторых, – мне возвращаться некуда, потому что никакого» кто знает» быть не может. Ничего хорошего там меня не ждёт, кроме столба. И в-третьих, – я буду считать такой поступок малодушием, слабоволием и предательством, а этого уже себе я сам простить не смогу никогда. А посему, дорогой Ха Си Пи, решено окончательно и бесповоротно – я иду!

– Со всех сторон вы правы и мне возразить больше нечем, – пилот вынужденно согласился. – Пусть будет так, как вы сами решили. Да, как командир, я уже запретить ничего не могу, а как человек, надеюсь, не самый худший, ваше решение уважаю. Как бы то ни было, я, согласно инструкции, на орбите буду до конца намеченного срока. Мы с братом будем вас ждать. – И на прощание он облёк надежду в лёгкую форму шутки. – Когда пропадёт связь, а она обязательно пропадёт, прошу вас, при первом удобном случае, черканите на мой бортовой компьютер пару строк. Не надо присылать капсулу с разным хламом под названием – образцы или артефакты, их уже полно, а просто напишите… что-нибудь от души. Чтоб у меня отлегло от сердца.

Ай Си аШ заулыбался.

– Я вам уже обещал при первом удобном случае прислать весточку, а теперь, убедившись, что вы очень хороший человек, обещаю прислать исключительно хорошую весточку.

– Мы надеемся и желаем вам удачи, профессор!

– В удачу пусть верят поклонники Императорской лотереи.

– Ну-у-у, в таком случае – с Богом!

– Спасибо, Ха Си Пи, и вам желаю Его найти. Пристёгиваться не буду, всё равно втянуть пустой трос будет некому. Прощайте, а пока оставайтесь на связи. На минуточку.

И бывший земной профессор истории и проповедник Слова Божьего, а ныне космический исследователь-смертник, последним покинул опустевшую капсулу. Он шёл медленно, но уверенно, меньше всего опасаясь внезапного физического нападения. На радар он не надеялся, а потому нёс его в опущенной руке, тая лишь в душе надежду на приятный сюрприз, сопоставимый в человеческом понимании с чудом. Но ничего особенного не происходило. Сделав десять шагов, Ай Си аШ остановился, поняв, что дело не в движении, а в ожидании. Он несколько раз глубоко вздохнул, а затем решил заговорить с Ха Си Пи, чего вначале делать не собирался. Тот также, понимая трагичную обречённость ситуации, хранил тактичное молчание.

– Не буду повторяться, рассуждая о физическом восприятии нового мира, лучше Ви Са Ше я всё равно этого не сделаю, а поделюсь своими эмоциональными ощущениями. У нас осталось-то полминуты, не больше. Как я и ожидал, никаких признаков присутствия моих товарищей обнаружить не удалось, что даёт повод надеяться на лучшее, иначе я неминуемо наткнулся бы на разбросанные предметы и истерзанные тела. Но всё, что они говорили – правда. Воздух настолько прекрасен и приятен, что под его воздействием пробуждается не только подъём физических сил, но и духовных. Он как будто возвышает и вдохновляет, пробуждая в человеке лучшие его чувства и качества. И ещё мне кажется, что рядом находится море. А может и океан?! Я чувствую его запах, а перед глазами рисуются прекрасные пейзажи. Картина, доложу вам, изумительная!

– Вас упрекали, помнится, что для историка и проповедника вы слишком наблюдательны, а ум ваш цепок, логичен и изощрён. А я упрекну, что для историка и проповедника вы слишком большой фантазёр и романтик. Вам быть художником или поэтом. А может, Туман ослабляет свою мёртвую хватку и вы действительно кое-что уже видите?

– Как же! Туман такой, что на вытянутой руке я не могу видеть собственных пальцев. Эх, друг Ха Си Пи, человек должен видеть не только глазами, но и душой. Я, например, уже почти точно знаю, что эта планета обитаема и что мир её многообразен. И в данный момент я чувствую, как она меня изучает. Мы порой за всю свою жизнь не можем себя познать, а ей достаточно одной минуты, чтобы узнать все наши желания, достоинства, пороки. Вы представляете, Ха Си Пи, за одну минуту!

Пилот поддержал воодушевление проповедника:

– Вот это и есть самое удивительное и необъяснимое! – и тут-же из оптимиста превратился в пессимиста. – Если, конечно, оно всё так и есть?!

– Да есть! В этом не может быть никаких сомнений! Планета – рентген-аппарат душ человеческих!

– Это удивительно, но не доказано, а есть удивительное, что уже доказано. До вас, профессор, такого не случалось ни разу.

– Я не понимаю вас, Ха Си Пи?! Вы сейчас о чём толкуете?

– О свершившемся чуде. Минута, которая предоставлялась всем, уже истекла, а мы с вами всё ещё на связи. Разве не чудо?

Ай Си аШ задумался.

– Очень странно?! – сказал он. – Я, кажется, начинаю немножко понимать, в чём дело. Не знаю, по каким причинам, но ко мне, видимо, решили не применять даже малейшего насилия. Первый шаг я должен сделать добровольно. Сам, понимаете?!

– Постойте, профессор! – пилот ухватился за осенившую его идею. – Ведь вы теперь можете более досконально изучить планету! Вам надо вернуться и зацепить страховку, а после…

– Ха Си Пи, не будьте столь глупы и наивны, – Ай Си аШ засмеялся. – Меня могут обезоружить в любую секунду, как только я сделаю неверный шаг. Это же знак уважения и доверия, неужели вы этого не понимаете?!

– В таком случае, я сдаюсь, а вы поступайте, как знаете. Дальше я вам не советчик.

Обидчивость командира была преувеличенной, и профессор без труда разобрался в чувствах Ха Си Пи.

– А дальше, – сказал он, – я уверен, со мной всё будет хорошо и даже лучше, только вы, к сожалению, об этом вряд ли узнаете. Я уже буду в совершенно другом, близком мне и чуждом другим мире. Но я ещё раз обещаю попросить там об одной услуге, и если мне её благосклонно окажут, то… Ха Си Пи, верьте, надейтесь и ждите. Ну вот, я так расчувствовался, что даже захотелось плакать. А мы оба уже знаем, что сие означает. Мы на связи последние секунды. Прощайте, Ха Си Пи!

На этом связь с последним принудительным колонистом оборвалась. Тело проповедника, в отличии от его товарищей, не сковал паралич, поэтому он, сразу же после обрыва контакта с командиром, сам сбросил ненужную экипировку, снял обувь, ощутив ногами приятную свежесть, прижал ладони друг к дружке и обратился, закрыв глаза, в невидимое небо.

– Господи, Всемогущий и Справедливейший, пусть свершится Воля Твоя! Пусть я получу то, что справедливо заслуживаю!

Ай Си аШ ожидал каких-либо действенных изменений, сугубо наглядного проявления ответа, но, к своему немалому удивлению, услышал внутри себя голос:

– Я не Бог, а всего лишь слуга Его, но, как наместник Его на этой планете, представляю здесь Его волю. Однако, желание твоё слишком расплывчато, чтобы трактовать его однозначно. Для того, чтобы исполнились слова твои, просьбу следует предельно точно конкретизировать. И без лишних метафор и эпитетов. В каком мире ты хотел бы продолжить своё физическую жизнь?

Профессор опешил.

– Разве кто-либо в силе подгонять общество под человека? – в растерянности спросил он. – Разве такое возможно?

– Ты же только что обращался к Всевышнему и Всемогущему, так какова же твоя вера, если ты сомневаешься в Его силе?

Ай Си аШу стало неловко и стыдно.

– Это от неожиданности и растерянности, – сказал он в своё оправдание. – Всё это очень непривычно, ведь на Земле человеку самому приходится подстраиваться, приспосабливаться, запрятав в глубину души свои истинные чувства, адаптироваться под морально-общественные неписанные нормы, которые частенько дикие и безнравственные, под планетарные социальные и юридические статусы и законы, которые за внешним лоском справедливости скрывают жестокость, насилие и унижение человека человеком. Все боятся выглядеть белой вороной среди общей массы чёрного воронья.

– На Земле, как наказание человечеству за непослушание и гордыню, правит другая епархия, используя свои методы и свой лукавый закон. В силу нравственного падения человека ваша планета приобрела статус проклятой, и она находится под жёстким контролем и в жёсткой изоляции от остального Космоса. Там допустимо прикрытое и неприкрытое насилие, иногда, для призыва человека к осознанию своей ущербности и пагубности выбранного пути, переходящее в хаос. А здесь руковожу я, опираясь на справедливость и духовность, высшая степень которой – Гармония. И настоящее название нашей планеты не Фантом, а Мечта, и значит, никого никуда подгонять не приходится. Мир всякой живой планеты настолько велик

и многогранен, что каждый человек может найти в нём своё место. Есть, однако, два условия, вследствие которых мечта может осуществиться. Первое, – мечта должна быть благородной и ни в малейшей степени не эгоистичной. Второе, – заказчик, назовём его так, обязан нравственно соответствовать своей мечте. Вот и всё. – Дальше голос впервые стал немножко весёлым и озорным. – Итак, дорогой заказчик, какое общество ты себе предпочитаешь в спутники своей жизни? Только прошу тебя, как и всех остальных, хорошенько подумай и чётко сформулируй определение социума, в котором тебе жить до конца твоих телесных дней.

С ответом Ай Си аШ не медлил ни секунды:

– Я об этом столько думал и мечтал, что ответить мог бы даже во сне. Вот только меня смутило и повергло в сомнения второе условие – соответствую ли я нравственно той мечте, о которой собираюсь поведать? Очень страшно получить отказ.

– Доброму человеку бояться не следует. Говори!

– Хорошо, – выдохнул проповедник, и, заново глубоко вдохнув, стал перечислять. – Я хотел бы жить в обществе, где царит гармония человеческих отношений. Где нет алчности, зависти, подлости, а есть жизнь в мире и согласии, где люди ценят, любят и оберегают природу, почитают и благодарят Бога. Где есть внутреннее стремление исполнять заповеди и дружное противостояние всему греховному. – И на последнем выдохе тихо спросил. – Такое возможно или я слишком дерзок?

– Возможно всё, что желает душа, ибо душа дурного желать не может, а все остальные желания от отсутствия мудрости. Твоё желание принято. – Понимая, что беседа закончена и теперь остаётся только ждать, Ай Си аШ вздрогнул, вновь услышав голос Хозяина планеты. – Может, есть какая-либо особая просьба? Например, обращение к тому, кого ты больше никогда не увидишь?

Ну конечно! Профессор понял, что невидимый Хозяин планеты видит и знает абсолютно всё и намекает на Ха Си Пи, ждущего на орбите. Как же он мог позабыть об обещании? Это всё внезапно навалившееся личное счастье ослепило глаза души. Да, как же мы все несовершенны?! Ему стало стыдно ещё больше, чем в прошлый раз. Мысли забегали и запрыгали по извилинам в поиске нужной фразы, чтобы получилось кратко и ёмко, но в то же время выражало суть.

Голос и тут подсказал:

– Может быть так: «Если душа твоя светла, а помыслы чисты – спускайся. Для души с телом – здесь Рай, для тела без души – Ад»?

– Лучше и не скажешь! – соглашаясь, воскликнул Ай Си аШ.

– На этом и закончим. Иди в свой мир. Живи, молись, трудись и постигай мудрость и красоту Вселенной.

После напутствия управляющего планетой Фантом-Мечта, Туман начал медленно подниматься в небо, где в высоких слоях атмосферы займёт свою привычную маленькую нишу в огромном, обволакивающем всю планету, туманном покрывале, защищающем людей от ослепительной яркости Капеллы. Ай Си аШ заворожённо следил взглядом за необычным явлением до тех пор, пока не открылся его глазам другой пейзаж. Он стоял босой на краю огромного сада, а в ста метрах впереди плескалось в матовых лучах местного солнца, так не похожего на земное, бескрайнее сине-зелёное море. Профессор сорвал ближайшее яблоко, грустно вспомнив сказание об Эдемском саде, и без боязни надкусил его, ведь никаких запретов он не получал. Оно оказалось сочным и кисловатым. «Всё как на Земле, – подумал он, – и трава, и сад, и море, вот только солнце здесь другое… страшное. Но ничего, человек и не к такому привыкает. Но где же строения? Где же люди? – Его губы непроизвольно растянулись в улыбке. – Я не заказывал необитаемый остров. Хотя, если есть ухоженный сад, значит, люди рядом. В какую бы мне сторону пойти? А может вглубь?

Но пойти Ай Си аШ никуда не успел. В глубине сада он увидел трёх мужчин, идущих между ровными рядами деревьев в его сторону. Одеты они были в шорты и майки, а головы их укрывали от жары лёгкие широкополые шляпы. «Ну вот и аборигены», – подумал проповедник, удивляясь, почему люди Земли считают слово «абориген» немного оскорбительным. Аборигены подошли на расстояние трёх шагов, сняли шляпы, а старший из них, обычный человек лет шестидесяти, с ясными синими глазами и проседью в волосах, обратился к нему с приветствием:

– Доброго дня, Алесь Сигизмундович! Добро пожаловать в наш благодатный край! Не удивляйтесь, но мы извещены о вашем прибытии, как и обо всём другом, что происходит в пределах нашего доступа. Сейчас время полуденного отдыха, но по случаю вашего появления все собрались на главной площади лицезреть и приветствовать нового жителя нашей общины. Вы первый человек с Земли, и для нас большая честь с вами познакомиться. Да, к сожалению, к нам редко попадают люди из других миров, всё больше в смежные. Позвольте вас немножко сразу же ввести в курс наших дел. Как и в любом человеческом сообществе, у нас имеются свои правила, первое из которых гласит: «Человек должен добывать хлеб насущный в поте лица своего». Но, если честно, это больше для удовольствия. Мы производим гораздо больше, чем можем потребить. Жизнь у нас тихая и мирная, но интересная. Но об этом после. Для вас имеется на выбор с десяток домов с участком плодородного грунта и хозяйственными постройками, в которых, если пожелаете, конечно, можете держать домашних питомцев. У нас есть промышленность и система образования, где вы сможете выбрать себе должность по вкусу. Руководят нами старейшины, неизменное число которых – семь, и когда умирает один, на его место выбирают другого.

Алесь Сигизмундович заинтересовался:

– Простите, раз есть должность, значит, существует социальная градация? Иерархия? И техническая цивилизация, как я понял, тоже есть?! В чём же разница с Землёй?

Все трое дружелюбно заулыбались, а ответил светловолосый мужчина лет сорока пяти:

– А кто сказал, что цивилизация зло? Пока мы находимся в грубом материальном теле, нам надо его кормить, одевать и держать в тепле, когда холодно. Всё должно быть соразмерно: по потребностям тела, но без излишеств и извращений, попирающих душу. На первом месте духовность, а это разговор с Богом через молитву и исполнение Его заповедей и наказов, а уже потом труд физический и интеллектуальный. И ещё – в отличие от земной жизни и земной цивилизации, у нас не случается ни природных катаклизмов, ни техногенных катастроф, а также нет несчастных случаев и болезней. Все умирают в старости по воле свыше. У нас нет войн и, что вполне естественно, нет никакого оружия. У нас вообще насилие отсутствует. А также нас нет иерархической власти и бюрократического аппарата, нет денег и нет карьерного роста. А всё потому, что в нас отсутствуют микробы алчности, тщеславия и честолюбия, которых полно в ваших земных условиях и которые, под благоприятным бездушным климатом, плодятся и вырастают до невиданных размеров. А здесь мы все находимся под неусыпной опекой Всевышнего и имеем от Него Благодать. Друг, мы все здесь друзья! У нас есть любовь, потому что это главное качество человека, но нет похоти и разврата.

Третий мужчина, по возрасту самый младший, подошёл ближе к Ай Си аШу и протянул руку для знакомства и дружбы, но для начала весело приободрил того относительно любви:

– У нас вам очень понравится. Встретите девушку, влюбитесь и создадите семью. А ещё, в часы досуга, вы сможете путешествовать по всей Вселенной! Проникать в самые отдалённые её бескрайности и посещать другие планеты, наблюдая и изучая их цивилизации. – И помедлив, добавил. – И всё это вы будете делать без всяких звездолётов.

– Разве только во сне?! – недоверчиво сказал профессор.

– Ну, это только первое время, – серьёзно ответил старший. – И то, совершенно бессистемно и недалеко, когда душа ещё боится далеко отлетать от тела. А вот когда вы научитесь,

погружаясь в себя, мысленным и волевым усилием освобождать дух, душу и сознание от оков бренного тела, вот… Впрочем, мы отвлеклись уже в такие дали, а ведь ещё даже не познакомились. Точнее, мы не представились. И давайте сразу на «ты», у нас так принято, ибо все друзья. Согласны?

ЭПИЛОГ

Звездолёт плавно двигался по орбите с той же скоростью, что и планета, чтобы постоянно находиться над местом высадки десанта. Команда бездельничала. Двое охранников, освобождённые от прямой обязанности охранять, о чём-то тихо перешёптывались, изредка гнусно хохоча. Никак, вспоминали прошлое и предвкушали будущее. Командир, вернувшийся из туалетного отсека, уселся в своё кресло и спросил штурмана:

– Ну что произошло новенького, брат?

– Ничего экстраординарного, – ответил Мо Ро Ба. – Внутренний видеоконтроль капсулы, как обычно, отключился. Возврата нет. Всё как всегда, мы опять остались ни с чем, так что спокойно можем возвращаться домой.

– Нет, – интонация голоса Ха Си Пи выражала категоричность. – Всё будет по инструкции. Будем ждать.

– Ладно, – безразлично согласился штурман.

Прошло пять минут, и монитор центрального компьютера, погасший вследствие потери связи, осветился надписью. Пришло сообщение Ай Си аШа. Командир восторженно и удивлённо воскликнул:

– Этого не может быть?! Смотри, брат! Профессор, как и обещал, прислал не просто весточку, а приглашение! – Глаза Ха Си Пи заблестели. – Ну что, Мо Ро Ба, прифантомимся? Рискнём?!

В глазах Мо Ро Ба блеснул испуг, перерастающий в страх, когда он понял, что командир не шутит. Он не был готов к такому повороту событий.

– А вдруг это ловушка? – спросил он, умоляюще глядя в глаза брата.

Командир повернулся к охранникам и задорно задал вопрос:

– Эй, ребята, нас тут пригласили в гости, может спустимся на часок, погостим, а если понравится, то и останемся?

Те замолчали и тупо уставились на своего командира. И вдруг один спросил:

– А что мы там будем делать и кто нам будет платить?

Затем и второй высказал предположение:

– А вдруг там живут страшные уроды?

Ха Си Пи печально вздохнул, блеск глаз погас и, нервно от них отворачиваясь, пробурчал:

– Уроды, к сожалению, живут на Земле, причём, бездумно, безумно и беззаботно. И даже бороздя космическое пространство и наблюдая бескрайние масштабы Вселенной, они не видят дальше своих мелочных инстинктов. Мо Ро Ба, возвращаемся, теперь уже ждать не имеет никакого смысла.

Харон

Сегодня здесь, а завтра там,
Ни в чём не можешь быть уверен.
Наполняя златом свой Сезам,
Душою жить ты не намерен.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Покушение произошло в четверг после дождика. А дождик закончился сразу после обеда. Дождевые тучи ветер погнал в направлении северо-востока, а показавшееся солнце перевалило зенит и медленно стало клонить свою оранжевую голову к западу. Банкир Баксов, только что отобедавший в собственном ресторане, вышел на улицу, глубоко вдохнул свежий воздух, подошёл к своему бронированному лимузину, как неожиданно что-то больно ударило ему в голову. Он ничего не крикнул, не застонал, даже не пикнул – просто молча уткнулся лицом в лужицу на асфальте, да так и остался лежать. Последняя мысль, промелькнувшая в потухающем мозгу, несла в себе настолько наглый оптимизм, что казалась утопической: «А может, это кирпич? И не всё ещё потеряно?» У него при жизни было много гениальных мыслей, но в этот, самый нужный и решающий момент, последняя мысль, как назло, оказалась ошибочной. Это был не кирпич, и всё нажитое непосильным трудом было для него безвозвратно потеряно.

Охрана, конечно, засуетилась. Пистолеты выхватили, головами, как и положено по инструкции, завертели, один к телу склонился и пальцы к шее приложил. Все замерли – что скажет «доктор»? «Доктор» руку отнял, поднял наполненные грустью глаза к коллегам, и все вдруг ощутили невыносимую тоску и одиночество. Второй, правда, будучи когда-то спасателем на лодочной станции, не поверил до конца первому и страстно приник к убиенному, усиленно делая искусственное дыхание, дыша тому в рот перегаром, размешанным «орбитом». Но и эти меры оказались напрасны. Всё было кончено.

Это трагическое событие вызвало шок и минутную растерянность в рядах опытных профессионалов, поглощённых странным образом совершенно другими мыслями, что полицию пришлось вызывать управляющему рестораном. Все четверо охранников в один миг лишились работы, и мало того – три дня не дотянули до зарплаты. А лежавшее тело, будучи их хозяином, всегда поощряло своих «преторианцев» дополнительной премией наличными, которая превышала официальный оклад и не облагалась налогом. Да и с дальнейшим трудоустройством по профессии «телохранитель» теперь будет проблема, разве что – охранник в супермаркет. Тело замочено – репутация подмочена. Ни один любящий себя набоб не доверит своё бесценное тело таким неряхам. Хотя, здраво рассуждая, всё-таки лучше, что убили, а не ранили. Ещё неизвестно, чем бы всё для них обернулось после прихода босса в сознание. Банкир был относительно справедлив, но основательно крут. Эта незатейливая мысль пришла в головы, видимо, всем четверым, так как они понимающе переглянулись и потупили мгновенно глаза, дабы скрыть от постороннего взгляда сверкнувшую надежду в тоске уходящей скорби. Закурив, все молча стали ждать приезда следственной группы, изредка бросая беспокойные взоры на совершенно спокойного и ко всему вдруг охладевшего магната. А магнат спокойно лежал в дождевой лужице, и было ему всё происходящее совершенно безразлично. До лампочки!

– Вставай! Уснул, что ли? Выползай уже из своего кокона. Не бойся, первая часть драмы, под названием жизнь, благополучно завершилась. Впереди ждёт таинственная неизвестность, где все твои тайны всем давно известны, и уже никому не интересны.

Банкир не поверил своим ушам – он слышит голос! Человеческий голос! Впервые в жизни он был этому рад. Значит, он не умер?! Он жив, а раз так… Интересно, кто это, в таком случае, позволяет себе так дерзко с ним разговаривать? Кто этот смелый глупец?

Баксов открыл глаза, сел и огляделся. Вокруг было сумрачно и тоскливо. Неужели уже поздний вечер? Странно? И что это за чертовщина? Не было ни зданий, ни улиц, ни людей, снующих по этим улицам, ни автомобилей, припаркованных к тротуарам, которых, кстати, тоже не было. Не было ничего и никого, кроме длинноволосого мужчины лет сорока, в потёртых джинсах и кожаной куртке. Тот загадочно улыбнулся и протянул сидящему руку.

Когда магнат, ухватившись за руку, поднялся, мужчина сказал. Точнее, спросил, уточняя:

– Баксов Викентий Аристархович? 1955 года рождения? – тот молча кивнул. – Банкир? – очередной кивок. – Владелец ресторанов? – кивок. – Крупный акционер нефтяной компании и металлургического завода? – кивок. – Магнат, значит?

– Да! – услышав любимое слово, Баксов обрёл дар речи. – Ещё имею две гостиницы, яхту и недвижимость во Флориде.

– Имеете, значит? – как-то очень странно спросил незнакомец.

Кто он такой? На агента спецслужб не похож. Скорее, на хиппи, который в юности напялил выцветшие джинсы и носит их до смерти. Есть такие типы. Но хамить почему-то не хотелось, не всё было ясно и понятно в сложившейся обстановке.

– Конечно, имею! – придав голосу твёрдости, сказал банкир и завертел головой в поисках поддержки тех, кто мог бы засвидетельствовать, что так всё оно и есть. Но вокруг по-прежнему никого не было, будто все вымерли и остались только они двое: он, известный и уважаемый миллиардер, и эта тёмная и подозрительная личность. Да и личность ли это вообще?

Старые джинсы, потёртая куртка, поношенные кроссовки, под которыми, он это знал наверняка, грязные и дырявые носки. Вот он – личность! И не просто с большой буквы, а все буквы большие. Огромные! Как и он сам. И чтобы это увидеть, не надо присматриваться. Достаточно беглого взгляда. Даже издали и в темноте. После этого самовнушения, к миллиардеру вернулась прежняя самоуверенность, которая всегда проявлялась в высокомерии и наглости к существам низшим:

– А ты, собственно, кто такой? И где мой дом на колёсах? И где эти бездельники и дармоеды – мои телохранители? Мои янычары! Мои преторианцы! Мои гвардейцы! Мать их! Всех уволю! Пойдут улицы мести! Клозеты чистить!

Викентий Аристархович разошёлся. А почему бы и нет? Раз он жив, он опять хозяин положения, а значит – и судьбы. И не только своей:

– Что ты молчишь, как истукан? Отвечай, когда тебя спрашивают! Будешь хорошо себя вести, возьму на работу. Мой лимузин доверю мыть. – И банкир засмеялся, довольный своей шуткой. – Это не автомобиль – дворец! Работать будешь в поте лица. И выведи, наконец, меня из этого мрака на свет божий! Какое-то странное место: ни домов, ни людей, ни звёзд на небе. Как мы здесь оказались?

Незнакомец из всего сказанного услышал только одно:

– Вывести, говоришь, на свет Божий? Это вряд ли. Если бы я знал туда дорогу, сам пошёл бы. Пополз бы. Только поздно уже, раньше об этом надо было думать.

– Что поздно, я и без тебя вижу, раз темень тьмущая, а вот думать никогда не поздно. Поверь человеку, который сам сделал себя и состояние. Пойдём, отыщем какой-нибудь бар, промочим горло. Нам бы только на дорогу выйти. У тебя фонарь есть?

– Ну что ж, – согласился мужчина, – пойдём. А фонарь мне не нужен, я и без него прекрасно знаю путь, потому что для нас открыта только одна дорога, которая ведёт к единственной двери, за которой находится суд.

Магнат глянул на крепко сложенную фигуру:

– Ты что, мне угрожаешь? Какой суд? Я куплю любой суд! Вместе с судьёй, прокурором, судебными заседателями, зрительным залом и зданием, где всё это находится!

Незнакомец вежливо возразил:

– Не хотелось лишний раз огорчать, но здесь это не прокатит. Наш судья уже давно, как кристально честный человек, а прокурор… о-о-о, с ним вообще не договоришься. Сущий зверь к подобным типам.

Банкир недоверчиво глянул собеседнику в глаза и криво усмехнулся:

– А, я всё понял, – и в подтверждение он понимающе закивал головой. – Ты бандит. Террорист. Ты специально меня сюда затащил, чтобы потребовать выкуп. Я, правда, не знаю, как тебе это удалось сделать, не убив всю мою охрану, но… Я зря ругал своих верных псов. Их, значит, перестреляли, меня оглушили – вероятно, кирпичом – запихнули в машину, привезли на этот пустырь, оттащили в самую глубь, чтобы легче было запугать?! Ну что, я прав? Конечно прав! Всё стало на свои места. Сколько хочешь, сволочь?

«Хиппи» на оскорбление не обиделся, а лишь с грустью ответил:

– То, чего хочу я, у тебя нет, а то, что у тебя было и есть, тебе за него отчитываться и отвечать. Такого добра и даром не надо.

– Что ты мелешь, бестолочь?! Каждый бродяга из себя философа корчит! Ты жил червяком, червяком и сдохнешь! О добре он рассуждает! Тебе, дураку, и за сто жизней не добыть столько добра, сколько у меня! Так и вытянешь ноги в своих рваных джинсах!

– Уже.

Викентий Аристархович ждал продолжения, но его не было. Мужчина смотрел на него и добродушно улыбался, не выказывая ни крохи обиды, ни даже раздражения. Олигарх не любил неясностей, поэтому с издёвкой спросил:

– Что, уже? Краткость – сестра таланта? Ха! Краткость – привилегия авторитетов!

– Краткость – дочь мудрости, хотя, конечно, и не всегда, – ответил незнакомец, и, чуть помолчав, добавил. – Давно вытянул. И ты тоже, только недавно. Но это не имеет никакого значения, потому что время здесь – понятие абстрактное. Оно как бы есть, и в то же время, этого времени как бы и нету.

– У тебя с головой всё в порядке?

– Голова здесь тоже не имеет никакого значения.

Дерзкий «хиппи» говорил спокойно и уверенно, что шло вразрез с представлениями магната о сумасшедших людях. Тот вёл себя слишком уравновешенно, не повышал голоса, не шёл на конфликт, да и вообще, было ощущение, что его данная ситуация волновала как-то не очень близко. Странно для бандита?! А манера говорить?! Ни слова о деле, а какая-то белиберда. Играет роль мафиозного философа. А место-то подобрано со вкусом. Очень странное место?! Никакой видимости вокруг, только они двое, и никаких посторонних звуков. То есть, – абсолютно. Будто всё умерло в тот момент, когда олигарха ударили по голове. Он был в этом уверен. Уверен в том, что его оглушили, а в том, что всё после этого умерло, он ещё сомневался. А вот то, что он жив, в чём его глупо пытались переубедить, Баксов нисколько не сомневался, впрочем, как и стоявший перед ним охламон. Здесь что-то другое. Но что? Попахивает заговором. Точно – заговор! Международный!

– На кого работаешь? Какие структуры представляешь, шестёрка? И отвечай без идиотского выпендрёжа. – Викентий Аристархович в бизнесе, как и в жизни, что, впрочем, для него было одно и то же, признавал два метода: сила и компромисс, если сила вдруг оказывалась бессильна. – От этого зависит твоё будущее. Я думаю, умные люди всегда могут договориться.

– Безусловно, – незнакомец неожиданно быстро согласился. – Умные люди просто обязаны договариваться, но… если при договоре не приходится поступаться совестью и честью. Только в конкретном случае договариваться бесполезно. Поздно. Тут тебя даже никто слушать не будет. В одном ты прав – я действительно здесь мелкая сошка, но моё будущее, как

и твоё, от нашего разговора совершенно не зависит. И скрыть что-либо здесь не представляется возможным. Даже самую малюсенькую мелочь. Как, например, кражу в детстве у отца денег и ловкий перевод стрелок на соседа, с которым тот выпивал. Ну что, было такое? Ты с детства подавал блестящие способности будущего уважаемого человека, и уже тогда было понятно – вырастет либо крупный коммерсант, либо большой политик, либо криминальный авторитет. Ты переплюнул все ожидания, соединив в себе все три компонента.

Банкир молчал. Он был ошеломлён и растерян, потому что этого не мог знать никто. Он не то что никому не заикался о первой своей финансовой афере, но этот случай Баксов вообще попытался стереть из своей памяти. И ведь почти удалось.

– Откуда ты про это знаешь? – пролепетал он дрогнувшим голосом.

– Мне сообщили эту подробность на случай твоей упёртости. Чтобы вернуть, так сказать, из твоей прошлой богатой фантазии в бедную реальность. Мираж рассеялся, начнутся трудовые будни. Ты, дорогой товарищ, или господин, если хочешь, действительно был убит из снайперской винтовки человеком, который вскоре тоже здесь появится. Так что, пока мы будем в пути, я могу на некоторые вопросы ответить.

– Кто меня заказал? – зло спросил магнат.

– А разве это так важно?

– А тебя не учили, что отвечать вопросом на вопрос не вежливо. Обещал – отвечай!

– Хорошо. Заказал тебя Евров, твой друг, если в вашей сфере вообще могут быть друзья. Или, хотя бы товарищи. Вряд ли. Но можешь не волноваться, в субботу тебя похоронят по самому высокому разряду.

Банкир скрипнул зубами:

– Опередил, сволочь! Мне давно шептали, что он строит козни и плетёт за моей спиной интриги, а я всё сомневался. Тут, как на дуэли, надо стрелять первым, а я, дурак, замешкался. – Но вдруг, передумав, толстосум в отчаянии закричал. – Но ведь я же жив, чёрт возьми!

В то же мгновение олигарх был тихо, но резко остановлен:

– Тсс. Здесь не принято его упоминать. Хватит того, что там эти особи окружали тебя толпами. Да и здесь, я думаю, тебе с ними ещё предстоит встретиться. Потом. А сейчас мы должны идти. Впереди ещё две точки.

Сказав это, незнакомец отогнул рукав куртки и посмотрел на свои «Командирские» часы. Бизнесмен не удержался и тоже глянул – те тикали и показывали один час двадцать минут дня. Потом он согнул в локте свою руку, на запястье блеснул золотой «Ролекс», на котором замерли цифры – 13.13.

Бродяга тоже посмотрел.

– Это время твоей смерти, – констатировал он. – Замечательные цифры. Будь ещё там, уже глупо плевался бы и стучал бы по дереву. Идиотизм! В главное верить отказываемся, а в бесноватую чушь – с удовольствием! Ты хоть понимаешь, куда ты плюёшь? Цифра тринадцать – это Иисус Христос и двенадцать его учеников.

Викентий Аристархович оторвал взгляд от циферблата, посмотрел на собеседника, потом окинул окружающую пустоту и горестно выдохнул:

– Неужели это правда?

На что получил исчерпывающий ответ:

– Я понимаю, к правде ты не привык, но лжи здесь нет. Совсем. Голая, мрачная правда.

– Какой кошмар! Ужас!

Незнакомец и тут его успокоил:

– Это всего лишь прелюдия. Увертюра. А сама кошмарная и ужасная опера впереди. Но сначала – суд.

– Ты нарочно меня пугаешь? Заладил: суд! суд! Что я, на суде ни разу не был?! – Вдруг успокоился. – Только было это очень давно. Отвык. Не думал, что вновь придётся. Адвоката дадут?

Но ответа получить не успел. Раздался шум, свист и, буквально, в метре над ними пронеслись с ураганной скоростью то ли три, то ли четыре расплывчатые тени.

– Вот, дурак, – заключил мужчина в джинсах.

– А кто это? – нерешительно и тихо спросил Баксов.

– Беглец. Дурашка, решил смыться.

– От кого?

– От сопровождающего. Только зря. Видел, как за ним погналась служба безопасности?!

– Догонят?

– Запросто! Хотя, некоторым, правда, удаётся затеряться в коридорах времени. Но это, во-первых, ему надо случайно попасть в определённую точку в момент её активации, а во-вторых, он обрекает себя на вечное скитание в бесконечных пространственно-временных норах. Без очищения и прощения. Потом сам будет не рад.

– Почему?

Мужчина усмехнулся:

– Ишь, какой ты стал любопытный, когда помер?! Тебе бы подобными вопросами надо было заинтересоваться ещё там, когда был в теле. Ну, ладно, не переживай, таких здесь большинство. Всё образуется. Ты в привидения, конечно, никогда по-настоящему не верил? – Магнат угрюмо и отрицательно покачал головой. – А зря. Среди беглецов, правда, привидений мало, – редко кому удаётся сбежать, – а вот среди грешников есть такие. Это очень страшное наказание.

– Значит, ты мой сопровождающий?

– Да, своего рода Харон в подземном царстве. А проще – проводник.

Олигарх очень заинтересовался. Он даже как-то забыл, что умер, а просто идёт с человеком, который рассказывает очень интересные вещи. Но интересными они стали именно после того, как он умер. Вопросы, рождающиеся уже неизвестно где, прыгали один на другого, отталкивали друг дружку, цеплялись между собою своими вопросительными знаками. Баксов ощутил неодолимую тягу к знаниям. Ведь это не идёт ни в какое сравнение со знанием биржевого курса акций, со статистическими сводками о ежемесячной прибыли, которая оказалась вещью совершенно бесполезной, с изучением компромата на своих заклятых друзей – известнейших бизнесменов и политиков. Хотя, честно сказать, последнее занятие – дело весьма и весьма увлекательное.

И вдруг он стал очень серьёзным и сосредоточенным, будто пытался вспомнить что-то неимоверно важное.

– Минуточку! – воскликнул просиявший магнат, вспомнив то, что давно было сокрыто в глубинах подсознания. – Я что, похож на идиота? А где же яркий свет? Блаженное состояние? Я тебе не какой-нибудь неуч! Лет тридцать назад я впервые летел на самолёте, и мне было очень страшно, и вот кто-то из сопровождающих шутников сунул мне книгу Раймонда Моуди «Жизнь после смерти». Или «Жизнь после жизни»? Точно не помню, но помню, что за время полёта прочёл её от корки до корки, и даже не заметил, как мы приземлились.

– Вот видишь, у тебя была склонность к постижению непостижимого, а ты променял её на фанатичное накопление денежной массы.

– Да при чём тут это! Я хочу сказать, что там был яркий, можно сказать, ослепительный свет, радостное душевное состояние, и встречали клинически умерших добрые и светлые личности, а не всякие бродяги, вроде тебя.

Харон и на этот раз нисколько не обиделся. Видно, приходилось выслушивать и не такое. Лишь кривая усмешка появилась на его лице:

– А бурных аплодисментов, переходящих в овацию, не организовать? А молоденьких девиц с цветами и хлебом-солью не вызвать? А потом вместе с ними в баньку! – Бизнесмен заулыбался, представив нарисованную картину. – Девушки отпадают, а вот банька будет.

– Да?

– В обязательном порядке. Там тебе зададут жару! От этой процедуры ещё никто не отвертелся. Процесс прожарки обязателен для всех сюда прибывших, только установка таймера для каждого отдельная. Банька эта – чистилищем зовётся!

– А-а…

– Стоп. Тихо. Пришли.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Проводник остановился, следом замер и Викентий Аристархович, глупо блуждая взглядом по всё той же окружающей темноте.

– Странное ощущение, мы как будто шли, а вроде и не двигались?! Всё как-то легко и воздушно, – сказал он.

– Безвоздушно. Наши движения, как и наши тела с одеждой, всё это иллюзия, дабы не шокировать преждевременно только что умерших своей ужасной сутью.

– Ты это серьёзно?

– Абсолютно. Я всегда очень серьёзен.

– А… когда мы увидим эту самую суть?

– После суда.

Магнат уже собирался задать очередной вопрос, как вдруг темнота растворилась, и они оказались посреди трассы, по которой оживлённо сновали автомобили, им, впрочем, не причиняя никакого вреда. Он был сильно удивлён, но не тем, что они проезжали сквозь них, а тем, что ему не было страшно. Ну, ни капельки, ни граммулечки, а, смешно сказать, стало даже весело. Так и хотелось выкинуть какую-нибудь озорную шутку. Но тут они подошли к обочине, где склонились люди в форме и белых халатах.

– А что мы здесь делаем? – шёпотом спросил банкир.

– Ждём клиента, – нарочито громко ответил Харон.

– Они нас не слышат? – Викентий Аристархович из осторожности, на всякий случай, голос решил не повышать.

– Они – нет. И не видят. Он нас слышит, только боится. Мы, то есть я, должен помочь ему преодолеть чувство страха.

И проводник направился в самую гущу толпы. Бизнесмен, строго следуя за спиной сопровождающего, осторожно выглядывал из-за его плеча.

– Помогать ты умеешь, я в этом убедился, – как оказалось, представителям крупного капитала также не чужда бывает тонкая ирония. – Быстро меня из кокона вытряхнул. Ты случайно до смерти не психологом работал?

– В этом одна из проблем личности, что многие работают в своей профессии случайно, не найдя себя, по разным причинам, в своём предназначении. Филологом, – ответил Харон, после абстрактного замечания. Потом добавил. – Мог бы работать. С деканом разошлись во мнении относительно нравственной составляющей не только в творчестве писателя, но и в его личной жизни. Он утверждал, что это абсолютно разные вещи, и не следует подгонять гения под общечеловеческие критерии. Сам, не будучи не то что гением, а даже сколько-нибудь значимым талантом, но упорно мня себя им, страстно защищал две страсти, которым был страстно подвержен – деньги и девочки. За что однажды поплатился.

Остальное не глупый банкир додумал сам:

– Однажды ты вступился за поруганную честь, и тебя безжалостно вытурили из университета. По закону земной справедливости. И в итоге – поплатился ты.

– Я рад, что мне попался не примитивный бандит-миллиардер. Так оно приблизительно и вышло.

Они стояли возле автомобиля и разговаривали. По всему было видно, что проводник и сам не прочь поболтать на эту тему. Трудно отделаться от воспоминаний до тех пор, пока их не сотрут. И Харон продолжил:

– В конечном итоге, всё-таки, поплатился и он. Очень алчный ценитель литературы оказался. Выше всего ценил трилогию Теодора Драйзера – «Финансист», «Титан» и «Стоик». Восхищался Фрэнком Каупервудом, а погорел на мелочной взятке. Смешная сумма – пять тысяч долларов. Тьфу и растереть. Так что, в конечном итоге моральную победу одержал я, чему был безмерно рад. А вот этого делать как раз-таки и нельзя было.

– Чего – этого?

– Радоваться. Крайне отрицательная радость.

– Ну и что с ним случилось дальше? Жив ещё?

– Не знаю, но мне не попадался. Может другим лабиринтом прошёл. Нас, проводников, очень много, и каждый идёт своим тоннелем. Ладно, пора делом заняться. Так, что тут у нас?

Чёрный «мерседес» был здорово сплюснут и покоился на крыше. К верху лапками. Водителя достали, он был жив, но без сознания, а вот пассажира извлекали с помощью технических средств.

– Ну, и долго я буду ждать? – приступил к своим прямым обязанностям проводник, нивелируя страх смерти тонкой и чуткой беседой. – Что ты прилип к своему позвоночнику? Он же сломан в трёх местах! Зачем нужна тебе эта рухлядь?! Выходи на свободу, насладись ощущением безмятежности и невесомости.

Ответа не последовало. Викентий Аристархович выдвинул свою версию:

– Может, он жив, поэтому нас и не слышит?

Из автомобиля послышался писклявый голосок:

– Да, я жив. И меня вот-вот спасут.

Олигарх обречённо махнул рукой:

– Всё-таки умер, раз отвечает. Правильно?

Харон угрюмо согласился:

– Правильно, правильно, – и вновь обратился к клиенту. – О спасении надо было думать при жизни, а теперь тебя не спасут, а вытащат и отвезут твоё никому уже ненужное тело в морг. Через два дня вот это, – он ткнул пальцем в сторону изуродованного тела, – закопают. И что ты дальше будешь делать? – Тишина. – Всё, хватит капризничать, как маленький ребёнок! Хоть сейчас пора набраться храбрости и посмотреть правде в… лицо, глаза, куда угодно, потому что здесь твоя правда, это я. Не задерживай, у нас ещё одна точка.

Умерший оказался не просто капризным, а каким-то зловредным субъектом. Он категорически не хотел слушаться:

– Не вылезу! Сейчас меня достанут и врачи приведут в чувство. И я слышу, как стучит моё сердце!

Харон не терял терпения и самообладания:

– Дурень! Это эмчеэсники молотками по автомобилю колотят. А чувство у тебя должно быть одно – смирение с произошедшим. Надо при физической жизни мементо мори.

– Мори, мори. Вы не понимаете! – в голосе погибшего слышались горечь и отчаяние. – У меня назначена деловая встреча. Я заместитель министра, и мне там обязательно надо быть. Что скажет министр, когда я на неё не явлюсь и не выполню его поручение?

Проводник улыбнулся:

– Назовёт тебя идиотом, но в последнем слове на кладбище красиво, но лицемерно, нарисует тебя красками яркими и светлыми. Чего ты, как сам должен понимать, ни в коей мере не заслуживаешь. Так что, всё будет хорошо, и на твоё место придёт другой ценный кадр. Или ты думаешь, что всё без тебя рухнет?

– Я, конечно, так не думаю. Я не дурак, и у меня есть голова на плечах. – Из осторожности и чувства такта никто возражать не стал. – Но обидно! Трудный вопрос уладили, и мне оставалось только забрать деньги. Министр ждёт с нетерпением.

В банкире проснулся бизнесмен. Или, наоборот?!

– Сколько? – спросил он твёрдым, деловым тоном.

Привычка к скрытности впиталась у чиновника в кровь. И пусть таковой уже не было, но та просочилась куда-то ещё, поразив неуемной жаждой стяжательства все его сущности. Все хотят жить, особенно наши пороки, которые не желают умирать даже тогда, когда умирает надежда.

Помедлив с минуту, он ответил:

– Много. Очень много.

Баксов расхохотался:

– Вы посмотрите на него! Много! О-о-очень много! – посмотреть, правда, не представлялось возможным. Клиент из убежища не выползал. Видимо, вместе с пороками, жила ещё кроха надежды. – Что ты тут из себя цел… – магнат вспомнил предостережение проводника относительно некрасивых ругательств. – Кокетку строишь?! Жеманницу! – Харон был поражён словарным запасом человека сугубо коммерческих дел. – Я за свою жизнь насмотрелся на вашего брата. Через мою кассу прошло столько чиновников и политиков, что моя чёрная бухгалтерия покраснела от стыда! Вы же самые настоящие проститутки! От рублёвых до валютных! Небось, миллион-два, не больше? Я имею в виду конечно доллары. Баксы!

В ответ послышался шёпот:

– Полтора.

Очередной смешок, только злобный:

– И это он называет большими деньгами! Я ежегодно тратил на таких вот подонков от десяти до двадцати миллионов! А вот теперь оставил на растерзание мародёрам и стервятникам восемь миллиардов! А он тут…

Следующая поправка чиновника из раскурёженного автомобиля окончательно уничтожила магната:

– Рублей.

От неожиданности и последующего негодования, Баксов раскрыл рот, чтобы дать самую точную характеристику этому ничтожному бюрократу народным фольклором, но вновь вовремя вспомнил, что упоминание кое-кого и прочие ругательства массового употребления там, здесь категорически не приветствуются. И он яростно крикнул:

– Выползай, червяк!

Приказ такого значимого индивида, как мировой финансовый туз Баксов, послушный и раболепный чиновник проигнорировать был не в силах. Карьерная субординация и благоговение перед вышестоящими в нём сформировалась, видимо, ещё в пионерском возрасте. И вскоре ожидающие услышали сопение и кряхтение, затем несколько тяжёлых вздохов, и вот уже через днище перевёрнутого «мерседеса» показался силуэт тучного мужчины пятидесяти лет.

– А ты психолог лучше меня, – несостоявшийся филолог не скрывал своего восхищения. – Умеешь веско и аргументированно убеждать. Не ожидал, что и здесь твой авторитет сможет пригодиться.

Магнат был польщён:

– А с ними иначе нельзя. Где пряником, где криком, ну, а где и пинка хорошего следует поддать, для ускорения принятия правильного решения. Они признают только такие стимулы. Их надо убеждать не беседой, а страхом или выгодой.

Как только чиновник покинул место гибели своего тела, всё исчезло: и искорёженный автомобиль, и трасса, и суетящиеся люди. Остались они втроём, да окружающий их полумрак. Новый клиент испуганно завертел головой.

– Вы меня обманули! – закричал он. – Вы меня выманили хитростью и силой! Это нечестно, подло и низко. Вы меня убили. Где моё тело?

И высокопоставленный чиновник по-детски заплакал. Магнат, уже открывший рот чтобы съязвить, неожиданно скромно промолчал. Наступила тягостная минута всеобщего молчания, выждав которую, Харон попытался утешить несчастного:

– Всё относительно, мой друг, ты умер, но остался для многих, не близко тебя знавших, честным и порядочным человеком. И если тебя это хоть немножко утешит, то я поделюсь информацией, которой меня снабдили на всякий случай, но которую открывать вам вовсе не обязан. Так вот, твой начальник, господин министр, через неделю, на этой же сделке, будет пойман с поличным и арестован. Это подстава, которая очень наглядно продемонстрировала степень вашей чиновничьей алчности.

Он перевёл взгляд на олигарха. Тот, в знак полного согласия, медленно прикрыл веки и склонил голову. Проводник продолжил:

– Резюмирую: как это ни печально, господа-товарищи, но обратного пути уже нет, только вперёд – через тернии к звёздам! Только, боюсь, огорчу вас ещё раз. Звёзд вам не видать очень долго. Казалось бы, сущий пустяк, безделица и глупость – наблюдать звёзды. Мы же не астрономы. Или просто любоваться природой: лесом, горами, реками, озёрами, травой. Но ведь нам некогда?! Нас ежедневно ждут великие дела и заботы по добыванию денежной массы, добыв которую, проводим свой досуг в трёх культурных местах из трёх букв «Б». И это не Большой театр, Библиотека или Быт семейный. Это Бар, Бордель и Баня с девочками. Но вот наступил момент, когда кончились дела, кончился досуг, а вместе с ними: леса, горы, реки, озёра, трава. Вы их видели постоянно, но не замечали, вы их наблюдали, но не проникались их духом, не сливались в единое целое. А теперь впереди…

Тут Харон понял, что речь его была преждевременной. Они ещё не созрели для глубинного понимания произошедшего. Он тяжело вздохнул и махнул рукой, приглашая следовать за ним. И два земных туза послушно поплелись следом.

– А что нас ждёт впереди? – шмыгая носом, спросил окончательно убитый горем коррупционер.

– Честное слово, не знаю, – откровенно ответил Харон. И тут же спохватился. – Да, кстати, я чуть было не оплошал. Пустая формальность. Ты – Волосолапов Игнатий Петрович, 1965 года рождения?

– Да, – всё ещё всхлипывая, ответил тот. – Я ещё очень молод. Мне бы ещё пожить немножко?!

После этих слов вмешался финансовый воротила:

– Эх, и мне бы хоть на денёк-другой обратно! А там…

– И что бы ты сделал? – с нескрываемым сарказмом спросил проводник.

Баксов на интонацию даже не обратил внимания.

– Я бы, – задумчиво ответил он, – все свои капиталы, которые здесь, и которые там, вернул бы на Родину и распределил бы по детским фондам и больницам. И чтобы неимущим делали сложные операции бесплатно.

– А ты делаешь успехи! – сарказма в голосе Харона не убавилось. – Как-то ты очень быстро смирился и перестроился?! Неужели пришло откровение и покаяние? Я хочу тебе кое-

что сказать. Прежде, чем отвечать, ты должен уяснить одну простую истину – здесь невозможно укрыть ни одной потаенной мыслишки. Вы все здесь, как на ладони. Ну так как?

Магнат усмехнулся:

– Чего там скрывать, в первую очередь, очень хотелось бы досадить всем родственникам и партнёрам. Ну а потом, конечно, раз я уже знаю то, чего не знал там, естественно, хотел бы помочь обездоленным.

– Даже если и так, то твой поступок исходит не от сердца, а от разума. И рассчитывать на снисхождение за лукавые деяния никак не получится. Как говорится, поздно каяться, сын мой. Получишь по полной!

Чиновник, утирая слёзы вместе с соплями, идиотски захихикал. Олигарх коварно оскалился и, повернувшись к тому, зло сказал:

– А ты-то чего ржёшь? Взяточник-неудачник! Думаешь, своими соплями разжалобить Бога? Думаешь, Его проймут твои лживые слёзы? Не получится!

Проводник вытянул руки вперёд, раскрыв ладони:

– Стоп-стоп-стоп. Вас, господа, занесло чересчур. Это же надо такое придумать – к Богу на аудиенцию захотели?! Уймите дерзость и гордыню.

Баксов резко повернул голову к говорившему:

– Не понял? Ты же сам меня всё время пугал – на суд, на суд! Что, не было такого?

– Суд будет, не переживайте. Всё чин-чинарём: и суд, и судья, и прокурор, и адвокат. Всё как положено. Последний атрибут аналогичности с земной жизнью для большей восприимчивости конечной справедливости.

Бывшие злоумышленники переглянулись. Заговорил чиновник, после смерти ставший скромным и стеснительным, как первоклассник в советское время:

– Вы меня извините, уважаемый господин… простите, не имею чести знать вашего имени и занимаемой должности?

– Харон. Это и имя, и должность, – подсказал собрат по несчастью. – Легенды и мифы древней Греции помнишь? – Тот неловко замялся и отвёл глаза в сторону. – А, двоечник, короче, он наш проводник. В прошлом филолог-студент. Вечный.

В голосе слышалась не злобная издёвка. Филолог-студент, вечный, на это лишь вежливо склонил голову, скрыв проскользнувшую снисходительную улыбку.

– В прошлой жизни меня называли Алексеем, – сказал он. – А здесь проводник под номером 192429697092.

– Мне столько цифр не запомнить, – опечалился Волосолапов.

Олигарх быстренько вставил свою реплику:

– Конечно! Ты запоминаешь одну-две, а потом только количество нулей. Хотя, если бы это была сумма взятки, ты бы на ходу зафиксировал в своей памяти каждую циферку.

Чиновник обиделся. Он уже начал адаптироваться к новой обстановке.

– Я на хамские выпады не отвечаю, – довольно смело заявил он тому, на кого при прошлой жизни не смел бы даже косо глянуть. И демонстративно обратился к проводнику. – Так вот, уважаемый Алексей, я, с вашего разрешения, буду называть вас по имени. Можно? – получив утвердительный ответ, он продолжил. – Так вот, насколько я осведомлён, души умерших должны предстать для вынесения им приговора перед Всевышним? Не так ли?

– Не так! – резко ответил Алексей. – Кто вы такие, чтобы вас судил лично Всевышний? Это там вы, может быть, ещё что-то из себя представляли, а здесь вы… Ваше дело дальше первичного суда не пойдёт и кассационных жалоб подавать возможности не будет.

Оба навострили уши. Дотошный государственный крючкотвор приторно продолжил дознание:

– А вот хотелось бы знать, какова судебная градация здесь? Какая иерархия судебных органов и общая конъюктура уголовно-процессуального права? Кто определяет ранжир рассматриваемых дел и каковы критерии всех правонарушений?

Проводник остановился.

– Ты это брось, – сказал он строго. – Выпытываешь, как шпион какой-то. Вопросов много, а понятно мало. Привык там у себя словоблудием заниматься. – После нагоняя Алексей смягчился. – Да, честно скажу, я тоже знаю не много. Видите ли, я проводник почти самой низшей категории. Сопровождаю всяких подлецов, сволочей и гадов, вроде вас. А более тяжкими преступниками занимается служба безопасности нашего уровня. Там приходится и силу применить, чтобы доставить клиента к месту назначения.

– А кто же, позвольте спросить, сопровождает э-э-э, как бы это точнее выразиться, добропорядочных граждан? – не унимался Волосолапов. – Такие же хорошие люди, только раньше умершие? И если сопровождаете нас вы, то, значит, вы тоже в той жизни… характеризовались далеко не с положительной стороны? Значит, вы тоже были…

Пока он подыскивал нужное слово, Баксов оказался более находчивым.

– Порядочная сволочь! – рявкнул он и тут же отвёл глаза от колючего взгляда Харона.

– К вашему сведению, сволочь не может быть порядочной. Сволочь… она везде сволочь. Правильно?

Это чиновник быстренько вступился за своего проводника, чтобы хоть немножко заслужить его благосклонность. Но сказал верно, с чем Алексей и согласился. Магнат, видя, что не последовало никаких карательных санкций, осмелел и взял на вооружение язвительную сатиру.

– Но ты же не станешь отрицать, что будь иначе, ты бы находился в совершенно другом месте? Например, вёл беседы за рюмочкой кагора с нищими философами, богословами-отшельниками, странниками – искателями истины, и прочими отщепенцами нашего мира? – Подумав, олигарх последнюю фразу изменил. – Того мира.

Проводник не стал уходить от темы:

– Это было бы большим счастьем, хотя бы находиться где-то рядом, но я действительно этого не заслужил. Тем не менее, я надеюсь когда-нибудь на повышение по служебной лестнице. А насчёт сливок общества и отщепенцев оного, по эту сторону жизни ракурс взгляда совершенно иной. И богатый может стать человеком, если правильно осмыслит суть своего богатства ещё там, и среди бедных полным-полно нелюдей.

Викентий Аристархович из множества вариантов выбирал всегда только нужный ему:

– А, так здесь также предусмотрен карьерный рост?

Харон в очередной раз снисходительно улыбнулся:

– Не обольщайтесь, методы этого роста вам будут в диковинку. Мотайте на ус: лицемерить и подхалимничать бесполезно, интриг плести не получится, потому что отсутствует интрижная паутина, денег нет никаких – ни долларов, ни евро, ни рублей, ни тугриков. Поэтому на лапу дать не представляется возможным. Да и лапы здесь тоже нет, ни лысой, ни волосатой. Понял, Волосолапов?

– А при чём тут я? – опять всхлипнул чиновник.

– Заткнись! – пресёк мокрое дело олигарх. – А что же здесь есть? Рабский труд?

– Есть – служение! Служение тому, кого мы не замечали в той жизни. Путь, через служение, к самосовершенствованию и к гармонии. Не обязательно быть нищим философом, богословом-отшельником или бродягой-странником. Для начала достаточно просто жить по совести. Кто-нибудь из вас помнит, что это такое?

Магнат отмахнулся:

– Вот только не надо из нас делать врагов рода человеческого. Знаю, и что такое совесть, и где ей место быть. Давай это пока оставим. – По всему было видно, что денежного сквалыгу

гложет что-то другое. – Мне вот хотелось бы уточнить некоторые нюансы влияния живущих там на живущих здесь? Например: молебны, панихиды, свечки за упокой?

Проводник любил улыбаться. По всему, он и прошлом не был занудой.

– Всё имеет свой вес. – сказал он с хитрецой. – Только просто свечки за упокой, это что мёртвому припарка. Извините за чёрный юмор. Лучшее лекарство, которое может дать живой человек живой душе, это искренняя ежедневная молитва.

– В таком случае, – печально вздохнув, но голосом циника с интонацией стоика, олигарх заключил, – как там, так и здесь придётся выкручиваться самому. Уж молиться за меня точно никто не станет. – Затем с пренебрежительным сочувствием добавил, глядя на Игнатия Петровича. – Не переживай, уж твоя-то жёнушка будет натурально тебя оплакивать, как потерю единственного кормильца. А вот мои, опасаюсь, как бы не пустились в пляс. Прилюдно.

Все затихли, но не надолго. Волосолапов опять стал хныкать и скулить:

– Как это всё печально. А вот хотелось бы знать, сколько нам могут дать?

Баксов был более стойким.

– О, рифмой заговорил. После смерти проснулся поэтический дар? Ты ещё про явку с повинной спроси! И про конфискацию. И не полагается ли амнистия по случаю каких-нибудь праздников?

Харон ответил всем и сразу:

– Так, заткнитесь оба! Подходим к очередному клиенту.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Все притихли и остановились. Харон посмотрел на свои раритетные часы. Спутники оглядывались и ждали, их распирало любопытство. И вскоре перед ними открылась картина очередной трагической сцены. На проезжей части дороги лежал молодой человек лет 30—35. Участок видимости, имевший в диаметре метров пятьдесят, был локализован невидимым куполом, за которым царил всё тот же мрак.

Магнат настолько освоился, что уже чувствовал себя в новой обстановке довольно вольготно, и поведение его становилось бесцеремонным, и даже нагловатым.

– А ты, вообще, – обратился он к проводнику, – людей, умерших своей смертью, хоть иногда находишь?

– В этом и состоит специфика моей работы, – ответил Алексей серьёзно. – Убийства, самоубийства, несчастные случаи. Сегодня мне с вами ещё повезло. Бывает, погибшие закатывают такие истерики, особенно женщины, что приходится применять всё своё красноречие, чтобы успокоить.

– Да, я заметил, – согласился толстосум, – ты красноречив, как прирождённый филолог. Прямо-таки, оратор! Цицерон! Сенека! Да, кстати, насчёт Сенеки, нельзя ли добиться, чтобы нас, ну, хотя бы меня, защищал на суде он? Насколько я помню, он в своё время был блестящим судебным оратором.

Мгновенно в разговор вмешался чиновник:

– И меня, и меня! Я тоже хочу, чтобы меня защищал Сенека!

Баксов парировал:

– А у тебя денег нет, чтобы заплатить! Взятку не успел получить, а то бы нёс с собою кейс с наличностью и чувствовал бы себя куда увереннее.

В Волосолапове проснулась дерзость:

– А у тебя тоже ни хрена нету! Ни копеечки! Босяк!

– Дурак, я чек выпишу.

Опять вмешался Харон:

– Перестаньте же дурачиться и не мешайте работать. Я, конечно, прекрасно вас понимаю, столько лет в напряжённой роли серьёзных и солидных людей, а здесь уже эту роль играть глупо, вот и хочется порезвиться, пока есть возможность. Но вы должны понять и меня. Учитесь понимать других. Хотя бы после смерти.

– Хорошо, – согласился олигарх. – Босс, можно ещё один вопрос?

Этим новым обращением Баксов, то ли в шутку, то ли всерьёз, признавал в проводнике лидера, что при жизни было бы немыслимо.

– Если не глупость – валяй, – благосклонно позволил Харон.

– А как бывает с детьми, которые погибают? Ты их встречаешь?

– Души маленьких детей, в большинстве своём, ещё не обременены тяжестью непомерной вины, и они попадают на более высокие уровни, где их встречают проводники не чета мне. Вот там может быть яркий свет. Или, хотя бы, просто свет. Но вы уже давно не младенцы, хотя теперь дурачитесь, как дети. Ладно, ближе к делу. Надо осмотреться.

Место происшествия находилось за городом. Человек лежал почти посередине трассы, а на обочине стоял автомобиль с открытыми дверками. Харон приступил к своим обязанностям:

– Молодой человек, не соблаговолите ли покинуть ваше бренное тело, теперь уже совершенно вам не нужное, и присоединиться к нашей, пусть и не совсем честной, но страстно желающей стать на путь исправления, компании? Смею вас уверить, что лежать в этом бездыханном прахе глупо и бесполезно. Давайте будем знакомиться.

Все трое смотрели на лежащее тело, в то время как голос раздался со стороны белого «БМВ»:

– Ребята, я здесь! Провожу осмотр. Да, подчистили всё!

Высокий черноволосый парень, в костюме и при галстуке, подошёл к стоявшим. Осмотрел всех и представился:

– Хватов Андрей, журналист.

Проводник дополнил:

– Игоревич, 1980 года рождения. Репортёр, охотник за сенсациями, за теневыми делами элиты бизнеса, политики и госуправления. – И при этих словах ткнул пальцем в грудь замминистра. – Это гражданин Волосолапов, знаете?

Журналист согласно кивнул и заключил:

– Да, мелкая сошка.

Чиновник недовольно поморщился, но возмутиться в полную меру не дал Алексей, представив следующего спутника:

– А это, как видите, сам господин Баксов, пресытившийся суетным миром и почтивший нас своим не только вниманием, но и присутствием. Ну а я – скромный экспедитор ваших бессмертных, но порядком – у кого больше, у кого меньше – замызганных, заляпанных, запятнанных грязью собственной жизни душ. Несчастный случай?

Парень оживился:

– Вот в этом всё и дело! Это преднамеренное покушение! Я вёз сенсационный материал!

Магнат бесцеремонно перебил:

– У вас другого не бывает, охотник за скальпами. О чём-то хорошем и светлом вам писать не интересно. Вам подавай всё тухлое, вонючее, с гнильцой. Я нисколько не сомневаюсь, я даже знаю наверняка, что за вами стоят более влиятельные персоны, и всё же сильно удивляюсь, почему вы так долго жили? – И тут же сам ответил на свой вопрос. – А потому, что никого серьёзного по-настоящему укусить не могли. Помнится, и на меня несколько раз пролаяли, но вам щёлкнули по носу и вы заткнулись. Вы молодой щенок, которого натаскивали хозяева и иногда давали команду «фас». Вас всех держит на коротком поводке тот или иной хозяин, но если вы с поводка срываетесь, по глупости своей, и начинаете без команды кусать, или, чего

хуже, бросаться на самого хозяина, то вы, как полноценный пёс, обречены. Никто вас не то что кормить, но и держать возле себя не станет. А если вы к тому времени подхватили вирус бешенства, то вам прекрасно известно, как поступают с бешеными собаками – их пристреливают! Что мы и видим перед собой.

И олигарх пренебрежительно указал на труп. Остальные, включая бывшего хозяина сего трупа, инстинктивно посмотрели в указанном направлении. Харон дипломатично переакцентировал разговор:

– Вы как-то странно себя ведёте? Необычно. Вас что, не волнует ваша гибель? Вам ничуть не страшно?

Журналист развёл руками:

– Страшно? Пожалуй, нет. Жалко и обидно конечно, но что уже поделаешь?! Что случилось, то случилось. Меня сейчас беспокоит совершенно другое.

Наконец, подал голосок и молчавший доселе чиновник:

– Да, нас всех беспокоит наша дальнейшая судьба.

Андрей только отмахнулся:

– Да нет, меня беспокоит другое. Весь дубликат компромата: и бумажные документы, естественно, копии, и флэшка похищены. Как будто предчувствовал – оригинал спрятал в надёжном месте.

– И кто о нём знает? – осведомился Алексей.

– В том-то и дело, что никто, кроме меня.

– Вы, я вижу, репортёр до кончиков ногтей, до последнего волосика?! Зачем вам это? Каждый получит то, что ему причитается, а раз вы погибли, значит, не вы являетесь орудием возмездия. Так что, бросьте глупые терзания и подумайте о своей прожитой жизни. Именно она будет основополагающим фактором в вынесении судебного приговора. Помощник министра в некоторой степени прав – надо беспокоиться о своей дальнейшей судьбе, а не беспокоиться о пустяках. Хотя, честно скажу, от вас уже ничего не зависит. Разве что, молитесь, если умеете.

– Постойте-постойте, – вмешался Баксов. – Ладно, взятку дать невозможно, солгать тоже, но ведь каждый поступок можно трактовать по-разному?! И как насчёт адвоката, ты же обещал?

– От меня здесь ничего не зависит, кроме доставки. А адвокат будет, не волнуйтесь, но иллюзий на сей счёт особо не питайте. Роль его в тамошнем судопроизводстве невелика, так, неотъемлемый атрибут равноправия и справедливости, а всё решать будет судья, которого усиленно будет подначивать прокурор. Но всё будет по-честному, все ваши поступки будут трактоваться с той позиции, с какой вы их совершали. Внутреннее побуждение к действию. Там уже давно изучили все ваши жизни и ждут с нетерпением. А прокурор особенно.

Андрей неожиданно погрустнел, и все на это обратили внимание.

– Успокойся, юноша, – поддержал олигарх. – Я не думаю, что ты, за свою короткую журналистскую жизнь, совершил слишком много дурных поступков. Ты никого не довёл до самоубийства, ты даже никого крупного не посадил. Так, некоторым подмочил слегка репутацию, которую, кстати, те быстренько высушили. Ну, некоторых, правда, поснимали с должностей, но и они вскоре заняли другие, не менее прибыльные места. Всё это игра, как в шахматы, где роль любого журналиста – пешка, которая никогда не станет ферзём. Разве нет? Ты же выполнял указание? Признайся! Ведь мы все кому-то служим.

Журналист меланхолично вопрос проигнорировал.

– Моя судьба меня волнует меньше всего, – без намёка на пафос сказал Андрей. – Что заслужил, то получу. У меня четверо детей осталось, да жена домохозяйка. Старшей дочери 12 лет, а младшему Артёму – три годика. Как они без меня будут жить?

Харон успокоил:

– За них не беспокойся. Господь непосильной ноши не даёт.

– И, небось, накопления имеются?! – вновь вмешался в разговор магнат. – На первое время хватит. А там продаст квартиру, машину, дачу, купит в деревне домик, и будут жить-поживать, да добра наживать.

– Заткнись, народный кровопийца! – не выдержал Андрей. – Тебе, вот, кроме своих денег и жалеть-то нечего и некого! Да и тебя никто не пожалеет, а через месяц-другой никто и не вспомнит. Да и на похоронах вряд ли кто всплакнёт. Жена прикроется чёрной вуалью, чтобы скрыть радостный блеск в глазах. Жизнь твоя пуста.

Олигарх в долгу не остался:

– Может она и не насыщена великими и благородными помыслами и деяниями, зато она не была скучна и бедна. А твоя жизнь, думаешь, лучше? Ещё одна проститутская профессия! И мне кажется, древнее древней. Только первая женщина подумала о блуде, как ваш брат, сплетник – будущий журналист, растрезвонил об этом на весь мир. Платит один кровосос, как ты выразился, чтобы прищемить жало другому кровососу. И в чём смысл твоей жизни? В том же, что и моей – зарабатывании денег. Вот кому ты вёз компромат?

В рассуждениях Баксова была и здравая мысль и логика.

– Всё верно, – согласился многодетный отец. – Разница лишь в том, сколько невинных жертв на твоей совести, и сколько виновных на моей?! А каким образом я разоблачал подобных тебе подонков, не так уж и важно.

Магнат в подобных прениях также был поднаторён:

– Подонки изобличают подонков, и за это платят другим подонкам. Ты же брал грязные деньги! Возможно, заработанные на наркотиках! В любом случае, на обмане – точно! Журналисты даже хуже проституток: та продаёт тело, а вы душу!

Журналист от дальнейшей дискуссии уклонился:

– Вот за это я и отвечу.

Вмешался проводник:

– Все за всё ответите и все своё получите. Не надо попусту накалять ситуацию. – Потом добавил, обращаясь ко всем и ни к кому в частности. – Что-то мне сегодня попались весьма беспокойные и принципиальные клиенты. Размахались кулаками после драки. Бой закончен, и гонг о его окончании уже прозвучал. Шли бы тихонько позади, понурив головы, припоминая дурные поступки, вспоминая близких людей, обиженных понапрасну, как и положено кающимся грешникам. А вы развели тут…

Олигарх мгновенно возмутился:

– Где их взять, этих родных и близких, если по-настоящему родные давно умерли, а близкие только потому близкие, что живут рядом. И когда опасаешься не только выстрела с крыши, но и чтобы близкий человек, в порыве любви, не подсыпал яду в стакан с утренним кофе. А дети! Желают спокойной ночи, а в глазах читается надежда, что она окажется для тебя последней!

Опять подал голос переставший хныкать бюрократ:

– И всё время: «Папа, хочу это, папа, купи то». Тут хочешь, не хочешь, а приходится брать, потому что и у самого со временем потребности возрастают. Да и марку надо держать. Потом это становится потребностью, своего рода наркотиком, без которого трудно жить. Как без воздуха. Да и нельзя не брать! Сживут, если не с со свету, то с должности точно. Чиновник, не берущий взяток, подозрителен настолько, насколько излечившийся наркоман или алкоголик. К нему никогда не будет полного доверия. – После непродолжительной паузы заключил. – Вот и сейчас очень захотелось взять. Хоть какую-нибудь мелочь.

– Что, Волосолапов, волосатая лапа зачесалась? – поддел Баксов. – Хочется взять, да нечего?

Но заместитель министра уже перестал бояться магната. Да и чего его бояться, бестелесной сущности?! Без денег и связей. Но дерзить, на всякий случай, не стал, а выдвинул новое желание:

– Жрать очень хочется. Мясо хочу!

Алексей понимающе кивнул:

– Бывает. Подсознательная память ещё даёт о себе знать. Но об этом особо не распространяйтесь, здесь не жалуют бывших ярых мясоедов. И не вздумайте на суде ляпнуть, как приятно журчат на сковородке свиные колбаски. Не поймут. Особенно судья. Неординарная личность.

– А я вот всегда был вегетарианцем, – поддержал тему банкир. Выждав паузу, добавил. – В душе. Но тело постоянно требовало мяса, а слабовольная душа податливо уступала, отчего испытывал дисбаланс и дисгармонию. Всю жизнь страдал раздвоением личности. Но теперь, когда ненасытная оболочка отсутствует, я рад, что наконец стану настоящим вегетарианцем. И, может быть, даже альтруистом!

– Абсолютным, – без эмоций согласился Харон. – Шутите, пока есть возможность, потому что главная шутка впереди. От судьи.

Но слабовольный вегетарианец разошёлся, будто бес толкал его в ребро.

– А вот выпить я бы не отказался. Хоть какого-нибудь «Вермута» хлебнуть. Из прошлого, из студенческих лет.

Но и тут его ждало разочарование.

– А про алкоголь упоминать нежелательно категорически, если не хотите разозлить судью окончательно.

– Неординарную личность? – с долей иронии, но и с не меньшей долей опаски спросил Баксов.

– Именно. Просто не надо наступать на больную мозоль.

– Странный судья?!

– Обычный. Воспринимайте всё как должное, и не болтайте на потусторонние темы.

Некоторое абстрактное время шли молча, следуя за проводником по непонятному мрачному тоннелю. Каждый думал о чём-то своём. О чём думал банкир, все скоро узнали. Он спросил, обращаясь к журналисту:

– На кого компромат-то? В сложившейся ситуации скрывать что-либо глупо, не правда ли?

– Совершенно, – флегматично ответил Андрей. – На вашего собрата по денежному мешку, даже не по мешку – по вагону, Еврова Бориса Анатольевича. Я всей схемы не знаю, моя задача была получить документы, сделать копии, одну опубликовать в нашей газете, а вторую передать репортёру с телевидения. Вот на встрече меня автомобилем и сшибли. И ведь даже не глянули – жив я или умер?

Баксов размышлял.

– Убивать тебя никто не собирался, – сказал он. – Точнее, им было безразлично твоё самочувствие. Нужен был компромат, а не твоя жизнь. Кто знал о копии?

– Точно не могу знать весь круг посвящённых, но я получал инструкции от своего главного редактора. А вот откуда он черпал информацию, меня в известность поставить не соизволили. Вся схема связи законспирирована и локализована, как в шпионских фильмах или книгах.

Лишние рассуждения Андрея магната не интересовали. Он был предельно сконцентрирован, задавая точные вопросы, и отсекая всё лишнее:

– Телевизионщики про копию знали?

– Не думаю. Зачем их загружать лишней информацией? Их задача получить и показать.

– А какого… – Баксов ещё раз вспомнил о предупреждении на запрет упоминаний кое-кого. – рожна ты вылез на дорогу?

– Так было условлено: я выхожу и жду, он, не доезжая, мигает фарами. Когда он медленно проезжает возле меня, я через открытое окно передаю всю документацию. Один экземпляр. У всех инструкции.

Олигарх презрительно усмехнулся:

– Ну что, поиграли в шпионов? Доигрались! Какой канал?

– БАК-ТВ, – пришёл черёд Андрея ехидно оскалиться. – По-моему, вы имеете к нему некоторое отношение?

– А по-моему, имел. Я уже ни к чему не имею отношения, даже к собственному телу, которое будут мыть, одевать красиво, некоторые особи, допускаю такую мысль, будут втихомолку поплёвывать в мою сторону. Но мне-то на это уже совершенно наплевать. Лишь прискорбная мысль о всеобщей продажности угнетает меня. Алчный человек любую профессию и любую должность превратит в ругательное слово. В вашей ситуации всё стало ясно и понятно. Весть о моей смерти уже, естественно, разлетелась, и на телевидении об этом узнали одни из первых. Меня просто списали со счетов на собственном канале, переметнувшись в стан врага. Ничего не поделаешь, это обыденность и повседневность нашей жизни. Это ладно.

Олигарх вздохнул и, незаметно для себя, перешёл с журналистом на «вы»:

– Вы, молодой человек, лучше ответьте на такой вопрос. Как бы вы, лично, распорядились копиями, узнав о моей смерти, и не погибнув сами? Не думаю, чтобы кто-то рискнул взять на себя смелость их обнародования. Это мёртвый груз. Причём, очень и очень опасный. Он у вас в редакции?

– Нет. Я его собирался туда отвезти после встречи. Но теперь я передал бы в совершенно другие руки.

Последнюю фразу Андрей произнёс твёрдо и убеждённо, на что Баксов улыбнулся хоть и иронично, но добродушно.

– И те руки, полагаете, чище остальных? – спросил он.

– Надеюсь. Мой хороший друг работает в спецслужбах, и у меня нет оснований ему не доверять. В любом случае, я выполнил бы свой долг. Может быть, впервые в жизни.

– Красивые слова, красивые фразы, за которыми обычно либо пустота, либо ловушка. Как бы там ни было, – философски подвёл итог магнат, – но всё это в прошлом, которое нас должно интересовать меньше всего. Но я рад, что такой журналист как вы, не утративший ещё окончательно понятий о долге и чести, работал на меня. Жаль, что нашей встречи не произошло раньше. Почему я не приказал привести вас ко мне тогда, когда вы пытались на меня лаять? Возможно, тогда мы вместе и прищущили бы этого гада, Еврова?! А может быть, и живы остались бы?!

– Это вряд ли, джентльмены! – прервал разговор Харон. – От судьбы человек сам уйти не может, только по решению свыше. Внимание! Входим в зал правосудия, которое здесь, как бы вам от этого не было грустно, не продано. Вас ждёт беспристрастный судебный вердикт, а моя миссия на этом закончена.

– Вы нас покидаете? – с льстивым сожалением поинтересовался помощник министра. Видимо, за долгие годы службы лесть впиталась в душу.

– Вы переходите под опеку другой юрисдикции, и с этого мгновения я не несу за вас никакой ответственности. – Харон оглядел своих недавних подопечных. – Но, если не будет срочных вызовов, на заседании я всё же поприсутствую. Из чистого любопытства.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Они вошли в сравнительно небольшое помещение, в котором на столах стояли, а по стенам висели канделябры с горящими свечами. А на потолке, вместо люстры, висел газовый фонарь. Все с интересом завертели головами. Магнат и здесь не удержался от сарказма:

– Вам что, электричество отключили за неуплату?

Проводник ответил утвердительно:

– Да, только не за неуплату. Однажды наш судья, по глупости и неосторожности, схватился за оголённые провода, после чего так здорово пропитался электричеством, что его тёмная аура начала ярко светиться. А это ему по статусу не положено. Теперь, пока весь персонал нашего отдела не пройдёт курс физики по разделу «электротехника», мы вынуждены пользоваться свечами и газовыми рожками.

Это объяснение немного разрядило ситуацию, и все засмеялись. Впрочем, весьма скромно и незаметно. Даже чиновник по-детски захихикал.

Весь судебный консилиум был в сборе и, как видно, ждали именно преступников. Судья привстал, развёл руки в стороны, и неискушённому наблюдателю могло показаться, что он несказанно рад видеть вошедших и желает их обнять. Это был пожилой, тучный мужчина с мясистым, красным лицом и крупным носом, точно такого же цвета с ярко алыми прожилками. Он был облачён в чёрную мантию, а на столе, с горящими свечами, по одну сторону лежал деревянный молоток, а по другую – головной убор, именуемый цилиндром. Судья был стар и, судя по внешней атрибутике, родился ещё в веке девятнадцатом. Впрочем, в нём же, по всей вероятности, и помер.

– Ну, наконец-то! – воскликнул он. – Ты в своём репертуаре, любитель непринуждённых бесед. Тебя только за смертью посылать! И то можно умереть, не дождавшись.

– К счастью, только за результатом её работы, – Харон был скромен. – Она всегда на шаг впереди меня, и я успеваю узреть лишь взмах её чёрного крыла.

– Вот видишь, как она быстра, а подчас – молниеносна, в отличие от тебя. Ты не должен забывать, что заставляешь ждать других! Или ты полагаешь, что у меня нет более интересных занятий?!

Проводник всё так же скромно ответил:

– Я осведомлён, Ваша Честь, о том, как вас сильно притягивает электричество, но если бы вы изучили его взаимодействие с другими энергиями, то…

– К вашему сведению, достопочтенный дальнобойщик, – судья метнул из под густых бровей огненный взор, будто действительно электрический заряд, ранее полученный, не весь ещё был израсходован, – все разделы, связанные с электричеством, я изучил досконально и основательно. – И добавил не без самодовольства. – Теперь перешёл к ядерной физике. Весьма увлекательное чтиво!

– Я рад за вас, господин судья, – и Харон вежливо поклонился, скрыв за поклоном слишком откровенную усмешку. – Только, прошу вас, не спешите переходить к практическим опытам.

Усмешка замечена не была, но поклон не помог. Не надо было давать опрометчивый совет. Судьи не любят, когда им дают советы чины рангом ниже, а в земной практике – до ужаса не любят бесплатных намёков. Даже выработан свой прейскурант: один намёк – прожиточный месячный минимум. Вот почему наши судьи кажутся такими тугодумами.

– Я буду вынужден, – заключил судья, – отметить ваше опоздание в отчёте. Извините, но таковы правила.

– Как вам будет угодно, Ваша Честь, – проводник склонил ещё раз голову и отошёл в сторону.

– Проходите, грешники, присаживайтесь, – с ехидной ухмылкой пригласил прокурор наших новобранцев, которые недоуменно и глупо переглядывались, слушая диалог Харона с судьёй.

Прокурором являлась странная девица в короткой юбке и в бюстгальтере, явно заниженного размера, из которого, при всяком резком движении, норовили выпасть обе женские прелести. Определить возраст сей особы не представлялось возможным из-за омолаживающей маски на лице. Были видны только пухлые губы и большие голубые глаза, в которые, даже не видя всего остального, хотелось влюбиться до беспамятства. Шея, почему-то, была окутана кашемировой шалью. Пока они шли, девушка при исполнении не сводила с них колючего, пронзительного взгляда.

– Сюда-сюда! – приветливо помахал рукой адвокат, приглашая к себе. – Мужайтесь, я вас буду защищать, – сказал он тихо, когда те к нему приблизились.

Олигарх, уже свыкшийся с мыслью о дальнейшем месте жительства в аду, выплёскивал свой сатирический талант, который, оказывается, скрывался за маской серьёзного и жёсткого бизнесмена:

– И судя по тебе, нам этого мужества понадобится больше, чем нашим предкам в Великую Отечественную войну. Хорошо, что в тебе нашлось мужества нас честно об этом предупредить. Мы обещаем быть стойкими и не предъявлять тебе претензий. Тебе можно только посочувствовать.

Адвокат промолчал и опустил голову. Это был молодой, бледный парень лет тридцати, с тонкими дрожащими пальцами, не находящими себе места. Он то барабанил ими по столу, то крутил в них авторучку, которая всё время выпадала, а он нервно хватал её вновь и продолжал прежние операции. То был наркоман, закончивший университет с красным дипломом, но трагично умерший от передозировки.

В помещении присутствовало ещё несколько личностей. Точнее, сидело поодаль от входа, где освещение было наименее доступно, три тёмных силуэта в балахонах с огромными капюшонами. Они представляли те заведения, в которые обязаны были отправиться каждый из осуждённых, и одновременно на них возлагалась ответственность по безопасности и охране, перешедшая от Харона.

Подсудимые медленно присаживались на ожидавшую их скамью, рядом с нервным адвокатом, а журналист успел задать последний вопрос проходящему дальше проводнику:

– Скажите, Алексей, здесь всё так, как описано у Данте в «Божественной комедии» – девять кругов ада?

– Не говорите глупостей. Вы только что покинули один из кругов ада, но даже не поняли этого, – только и успел тот с усмешкой ответить.

Судья грозно посмотрел на Харона.

– А вам, я вижу, заняться нечем? – спросил он не менее сурово. На что проводник лишь развёл руками. – Вон, присядьте в сторонке и сидите тихо.

Затем, насупив брови, фальшивым басом объявил:

– Судебное заседание по делу грешников, – судья перечислил паспортные данные доставленных, – объявляется открытым! Первым рассматривается житие грешника Волосолапова!

Чиновник в то же мгновение испуганно завизжал:

– Гражданин судья, почему же моё дело первым? Я, что ли, самый страшный здесь грешник? У кого больше денег, у того больше грехов! Это они, денежные тузы, – упыри человечества! Изверги рода людского! А я никого не убил, не отравил, не покалечил… физически, даже не обманывал… часто. И вообще, я в душе совсем не злой. А что с некоторыми представителями человеческого сообщества бывал строг и груб, так с ними иначе нельзя. На шею сядут, паразиты! А должность у меня, сами понимаете… И детей я очень люблю.

Баксов презрительно ухмыльнулся.

– Детей он любит?! – рявкнул он. – У которых очень молоденькие мамы? Или детей постарше любишь, педофил ублюдочный? В котёл его, извращенца!

– Я не… он просто… это ложь… – сумбурно оправдывался Волосолапов, не ожидавший такого обвинения, да ещё и от коллеги по несчастью.

Но продолжения склоки не допустил побагровевший судья. Он заорал:

– Кто вам, вообще, давал слово! Немедленно замолчите оба! – И уже чуть спокойнее продолжил. – И впредь прошу помнить одно незыблемое правило: будете говорить только тогда, когда я разрешу вам это делать. Советую привыкать уже на этой скамье вести себя скромно и прилично.

После этого судья вдруг успокоился и, казалось, даже подобрел, потому что заговорил мягким и доверительным тоном:

– Хочу вас успокоить относительно вашего будущего. Провести, так сказать, профилактическую беседу с целью выработки у вас относительной психо-эмоциональной устойчивости перед дальнейшим беспросветным прозябанием. Вот что я вам скажу, дорогие мои, если на вас нет слишком страшных злодеяний, то и в аду жить можно. Невыносимо, но можно. Очень страшно, очень мучительно, но можно.

Всем показалось странной психологическая помощь путём запугивания, но молчали, помня приказ. Судью это обстоятельство удовлетворило, он самодовольно крякнул и продолжил наставлять и успокаивать:

– Но, как и везде, среди сплошных минусов есть один замечательный плюсик. Прошу мне безоговорочно поверить, что там очень приличная компания. По земным, конечно, меркам. И, повторюсь, если только ваши души не отягощены страшными злодеяниями. Я тут бегло просмотрел ваши жизнеописания, и у меня сложилось впечатление, что для вас не всё потеряно. Что вы не безвозвратно падшие сущности, а глубоко заблудшие овцы, способные на исправление и перерождение. А значит, в самую бездну вряд ли попадёте.

После этих слов прокурор громко скрипнула зубами, а судья недовольно на неё посмотрел и покачал головой.

– В тех кругах ада, – продолжал свой занимательный рассказ судья, – как я уже упоминал, весьма замечательная компания. Кого там только нет! И учёные, и философы, и поэты, и артисты, и писатели, и художники, и режиссёры. Не удивляйтесь, если встретите там, до полного обнажения души, сущностей, облачённых в рясы, в сутаны, в мантии. Их там тоже предостаточно. А политиков – вообще пруд пруди! Причём, на всех уровнях, включая саму бездну.

Судья наблюдал за произведённым эффектом, чтобы через паузу его усилить:

– Но, господа-товарищи, есть один маленький нюансик, который из этого плюсика делает два минуса и сводит на нет всю прелесть общения. Как я не единожды уже упоминал, а если не я, то в процессе путешествия проводник вас ставил в известность, что там невозможно ни лицемерить, ни лгать, ни подхалимничать. Там невозможно скрыть ни одной детали своей истинной сущности. Все чувства у всех обнажены и как на ладони, а потому все видят друг друга насквозь в прямом смысле, и от этого злоба и ненависть вспыхивают с умноженной силой.

Грешники окончательно были обескуражены манерой судьи вести разъяснительную психологическую беседу. Он то мягко пугал, то жёстко обнадёживал. И, по всему, это доставляло ему некоторый дискомфорт, что отражалось в плохо скрываемой улыбке.

– Но не огорчайтесь, – вновь обнадёжил добрый судья, – это временное состояние, хотя и довольно продолжительное. Зато потом, милые мои бедолаги, они, злоба и ненависть, выжариваются насухо и остаются только доброта и любовь, которые, в свою очередь, проверяются на прочность уже на другом уровне. – И тут он посмотрел в сторону обвинения. – Не так ли, уважаемый прокурор?

Прокурор пренебрежительно фыркнула, но головой кивнула утвердительно, при этом недобро посмотрев на чиновника. Судья не стал делать ей замечание, а вновь обратился к поникшим душам подсудимых:

– В заключение хочу напомнить и вернуть вас в настоящую действительность, дабы ваши помыслы не печалились понапрасну будущим, а обратились с сожалением и скорбью к прошлому. Прежде, чем вы окажетесь там, по нашему же приговору, вам предстоит болезненная процедура разбирательства вашей земной жизни по всем мелочам. И ещё одна ремарка, которую я должен озвучить. Мы все: и я, и прокурор, и адвокат находимся на уровне испытательного срока, а потому приложим максимум терпения, понимания и объективности. Все готовы?

Трое подсудимых без всяких вопросов понуро склонили головы.

Судья этим фактом остался доволен:

– Ну что ж, прекрасно. Начнём. Перед разбирательством дела Волосолапова, обращаюсь ко всем. Кто из вас на момент смерти находился в алкогольном опьянении?

Бюрократ, надеясь заработать себе небольшой бонус, первым энергично затряс головой, давая понять, что он, в принципе, к алкоголю относится крайне отрицательно. Баксов, помня, что обманывать бесполезно, чистосердечно признался:

– Ну, выпил несколько бокалов «Клико» под жаркое. Вы должны меня понять, в душе я вегетарианец, и без алкоголя кусок мяса мне в горло не лезет.

Судья как-то сразу обмяк, облизнул пересохшие губы и, сглотнув слюну, успокоился окончательно, что было крайне необходимо для беспристрастного ведения дела. Харон, за ним наблюдавший, был немало удивлён стоической реакцией на самый щепетильный и болезненный для того вопрос. В прошлом он реагировал куда как агрессивнее. «Да, – подумал проводник, – старик совершенствуется не только в области физики, но и духовно».

Судья же сухо выдавил:

– Не надо подробностей. Тем более, что в данном, конкретном, случае это к делу не относится. А спросил вас из чистого любопытства и дабы окончательно убедиться в вашем желании быть искренними, а значит, уже сделавшими первый шаг к тернистой дороге исправления и покаяния. Но ещё раз хочу всех попросить, чтобы не встревали в процесс судопроизводства без данного на то мною разрешения. Выслушивать свои неприглядные жизнеописания достойно, как и подобает раскаявшимся грешникам.

Он посмотрел на горящую свечу, стоящую по правую руку, на лежавший по левую руку английский цилиндр, и закончил ответом на вопрос Волосолапова:

– А рассматриваем дело грешника Волосолапова первым, потому что оно лежит у меня сверху. Прокурор мне подала ваши дела таким образом.

Прокурор крутанула бёдрами, грудь подпрыгнула, и она обличительно выкрикнула:

– Да, мне не терпится разобрать по косточкам этого взяточника, крохобора, подхалима, лизоблюда, развратника, который погряз в прелюбодеянии с молоденькими, невинными девушками!

Судья сочувственно и с сожалением покачал головой.

– Для начала, – мягко сказал он, – прошу вас быть спокойнее и помнить о назначенной вам ответственной миссии. А разобрать по косточкам данных граждан не получится, за отсутствием таковых. Но, выражаясь терминами из земных наук – физики и химии, которые я сейчас скрупулёзно изучаю, расчленить их души по атомам, чтобы добраться до ядра и увидеть количество электронов и протонов, то есть, добрых и злых дел, мы постараемся. И всякое, даже незначительное деяние всплывёт перед нашим взором, как дохлая рыба на прозрачную поверхность водоёма.

– Вот-вот! – опять подскочила прокурор, не жаловавшая аллегории и метафоры, но суть улавливавшая фибрами души. – И про многочисленные сауны с несовершеннолетними! Мы всё про тебя знаем, развратник!

И дама погрозила испуганному чиновнику кулаком. При этом шаль съехала и обнажила шею. Подсудимые с ужасом увидели страшный странгуляционный шрам. Она невозмутимо поправила шаль и уселась, глядя в сторону.

Судья ещё раз успокоил прокурора ласковым словом, пообещав тому в своё время предоставить обвинительную речь, посмотрел на подсудимых, мельком прошёлся взглядом по тёмным фигурам в капюшонах, угрюмо молчавших и не выказывавших абсолютно никаких эмоций, и, глядя в дальнюю пустоту зала, скрываемую тьмой, объявил:

– Итак, я начинаю судебный процесс!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Но прежде чем судья приступил к исполнению своих прямых обязанностей, бывший бизнесмен шепнул бывшему журналисту и бывшему крупному чиновнику:

– Хорошо, что не прокурорша здесь главная персона, и не она будет выносить окончательный приговор. А то эта экспансивная девица устроила бы нам такой театр сатиры, в котором чёрный юмор надолго покрыл бы мраком наше будущее, где весело было бы всем, кроме нас. Ох, и натерпимся мы, когда она в мелочах начнёт разбирать наши грехи. Очень не хочется некоторых подробностей.

Без подробностей, правда, не обошлось, но обошлось без злобы, ехидства и издевательств. По крайней мере, со стороны судьи, который сдерживал напор обвинителя, успокаивал и был мягок, добродушен и объективен. Голос его был негромким и монотонным, отчего тягостное впечатление лишь усиливалось. Стыдно было всем: и за себя и за соседа. Все сидели молча, даже у олигарха запас сарказма на это время иссяк. И отнюдь не из-за недостатка острословия, а от боли и сочувствия, неизвестно откуда заполонившим его душу. Ведь именно его земное бытие должно было рассматриваться следующим. Но вдруг все присутствующие заметили, что судья как-то растерялся и не знает что делать. На помощь пришёл прокурор:

– Эй, пан судья! – непривычно и развязно она попыталась привести его в реалии текущего момента. Ей не терпелось требовать самого сурового наказание всем без исключения, а особенно ненавистному, по каким-то причинам, госслужащему.

– Подождите немножко, – проворчал пан судья, и взгляд его стал настолько сосредоточенно отстранённым, будто кто-то его гипнотизировал.

Прокурор хмыкнула, ещё сильнее надула губки, но больше встревать не решилась. Наконец мясистое лицо главы суда дёрнулось, и глаза приняли осмысленное выражение. Он сказал:

– Извините, я немного растерялся от того, что совершенно необычно исчезло дело третьего фигуранта. Я даже предположил невероятное – что, может быть, наш прелестный прокурор, за отсутствием штатной единицы секретаря суда, и возложенные на неё сии обязанности, в спешке забыла положить мне его на стол.

Девушка с повышенными обязанностями молча метнула огненный взор в сторону подсудимых, говорящий более чем красноречиво: «Как бы не так! Такой оплошности я себе никогда не позволю, клянусь вечным огнём ада! Уж я их всех…»

Невозможность такой оказии подтвердил и сам судья, в прошлом мелкопоместный шляхтич Лидского уезда Виленской губернии, встречавшийся в своё время с Калиновским и Врублевским. Испугавшись их идей, а более всего – последствий, он в последний момент отошёл от них и с течением лет стал в тоске спиваться, пока не пропил и не проиграл своё имение. После этого он перебрался в Санкт-Петербург, где добывал чарку водки и кусок хлеба к ней, работая извозчиком. Но однажды, на Рождество, он хватил лишку, упал пьяный в сугроб и замёрз. Банальная ситуация для статистики, но трагична для каждого индивида в отдельности. А для души – тем более.

– Но это не так, – сказал судья, отводя все подозрения от прокурора. – Наш аккуратный и принципиальный прокурор свои обязанности выполняет самым педантичным, в лучшем понимании этого слова, образом. Здесь дело в другом. – Он чуть помедлил, шевеля нижней губой. – Изменились некоторые обстоятельства.

И вдруг, совершенно неожиданно, обратился к Андрею:

– О чём вы всё время думаете? Отвечайте быстро!

Ответ последовал незамедлительно:

– О семье: о детях, о маме, о жене.

– Всё верно. Мне так и казалось, но ваши мысли, в отличии от других, не совсем явственно просвечивались, что являлось мне не понятным. Я должен всех присутствующих попросить соблюдать строжайшую тишину на время моего контакта.

После этого судья закатил глазные яблоки настолько далеко вверх, что они скрылись полностью, и на зал смотрели белые глазницы. Жуткое зрелище. Подсудимые, не выдержав, отвели взгляды в сторону. Они не имели представления, что бы это могло значить. Ну не забавы же ради столь уравновешенный судья решил попугать глупой выходкой грешников?! Он их достаточно напугал, нарисовав вкратце дальнейшее место пребывания. Всё оказалось намного прозаичнее. Он просто с кем-то выходил на связь. Говоря земным языком, начальство экстренно потребовало к себе, но вопрос, в отличии от земных дел, утрясли довольно быстро, и через мгновение судья, вернув глаза на прежнее место, заговорил как ни в чём не бывало:

– Итак, молодой человек, ваши душевные терзания были настолько сильны и глубоки, что они оказались услышаны на самом верху. Мне только что поступила директива, которую спешу довести до вашего сведения. – Выдержав положенную судебную паузу, судья, более громко, чем обычно, огласил. – Хватову Андрею Игоревичу вынесение решающего вердикта откладывается на неопределённый срок. А это значит, мой дорогой, что вам несказанно повезло. Вам предоставляется редкий случай переосмыслить и изменить свою жизнь, а также направить в нужное русло бытие ваших детей. Помните, вы несёте за них ответственность и там и здесь. Грехи отцов падут на плечи не только их детей, но и грехи детей падут на души их отцов. А с этого момента вы…

Но закончить свой спич судья не успел, поскольку был бесцеремонно прерван прорвавшимся возмущением олигарха и писклявым визгом чиновника:

– Это грубое попирание любого законодательства и всей судебной системы в целом! – кричал один. – Я тоже хочу в свой любимый кабинет! – Визжал второй. – Дайте мне шанс лично перерезать глотку этой гадюке Еврову! – Требовал Баксов. – А я хочу получить взятку и передать все деньги детям! – Уверял горячо Волосолапов, но при этом старался никому не глядеть в глаза.

Магнат не удержался от едкого замечания:

– Что же ты мелочишься, мелкая душонка? Отдай все свои запасы, в валюте и рублях, лежащие в банках и спрятанные в закромах и сусеках! Что, небось жалко?

– И ничего мне не жалко. Я готов отдать всё детям, только выпустите меня пожалуйста отсюда!

– И много у тебя детей, любвеобильный ты наш?

Никто, странным образом, их не перебивал и не останавливал. Все с любопытством следили за словесной дуэлью.

– А я не своим хочу отдать! – возопил Волосолапов, не усмотрев в вопросе подвоха. – Чужим! Вот его детям хочу отдать! – И ткнул при этом пальцем в сидящего рядом журналиста. – Но я не хочу, чтобы он от нас уходил! Я желаю, чтобы он остался вместе с нами! – Затем, уже совсем потеряв лицо, стал разбрасывать фигуры из трёх пальцев, приговаривая. – Вот, фиг тебе, дорогая жёнушка Зоя! У-у-у, змея особо ядовитая! Вот, фиг тебе, Анжела! Вот, фиг тебе, Артур! Вот, фиг тебе, Роберт!

Остановил сию неприглядную процедуру опять Баксов:

– У тебя, вообще-то, дети отечественного производства есть? Или все сплошь импортные?

Ответа, ко всеобщему сожалению, услышать не удалось, потому что судья решил вмешаться:

– Вы можете, панове, все разом заткнуться и позволить мне продолжить? – все мгновенно и послушно притихли. – Спасибо. Дзякую. Бардзо дзенкуе. Продолжим. Вот те раз, совершенно потерял нить разговора. Эти капиталистические тиранозавры сбили меня с панталыку. То бишь, выбили из колеи. На чём я там остановился?

И тут, впервые с начала судебного заседания, вскочил адвокат, будто только теперь вспомнил, что и он здесь не последняя персона, и надо успеть хоть что-нибудь сказать, пока все не разошлись по своим делам:

– Вы, господин судья, сказали, что моих подзащитных надо освободить прямо в зале суда и отпустить на все четыре стороны. Они невиновны!

Где витала его душа до сего момента, неизвестно, и если бы судья не знал адвоката как облупленного, то подумал бы, что тот не промах. Ишь как круто повернул дело. Но судья его знал слишком хорошо, чтобы воспринимать всерьёз, поэтому лишь молча посмотрел, с жалостью и участием, и вяло махнул рукой. Адвокат смутился, опустил глаза и сел. А судья, во избежание рецидива, назидательно изрёк:

– Успокойтесь, мой бедный юноша. До сих пор защищали молча, так и продолжайте этим заниматься впредь. Прокурор, на чём я остановился?

Подпрыгнул бюст, придав толчок всему остальному. Из под маски сверкнули глаза, наполненные презрением к адвокату и ненавистью к подсудимым:

– Вы сказали, что этому презренному писаке предоставляется незаслуженная возможность…

– Тише, тише, – упредил дальнейший поток оскорблений судья. – Очень хорошо. Спасибо. Я уже вспомнил. Уважаемый прокурор, по работе у меня к вам нет никаких претензий, но мне хотелось бы вам ещё раз напомнить, что, не изменив своего отношения к грешникам, не сменив ненависть на сочувствие и сострадание, а то и на любовь, вы обрекаете себя на вечное прозябание в этом неуютном, тёмном и сыром месте. Ну, скажите, неужели вам здесь нравится?

Девушка упрямо промолчала, а судья нанёс решающий удар:

– А если, упаси Господи, ещё чего похуже! Вот отправят за несоблюдение духовной этики и злостное уклонение от норм самосовершенствования обратно в преисподнюю?!

На это страшное предостережение девица опять фыркнула, что говорило о нездоровой укоренившейся привычке, села и стала молча смотреть на горящие свечи.

Бывший шляхтич вздохнул, пожал плечами, успев подумать: «Эту кобету, видимо, придушили в целях самообороны», – и, обращаясь исключительно к Андрею, с дружеской улыбкой заключил:

– Одним словом, вы возвращаетесь. Память приказано вам сохранить полностью, что также является редкой привилегией, если, конечно, там вы сами не захотите трактовать сей случай, как посттравматические галлюцинации. В любом случае, вы этого не забудете никогда. И последнее, постарайтесь дальше жить так, чтобы, когда действительно умрёте, оказаться в другом месте, более светлом.

После непродолжительной паузы, олигарх, спокойно, но с горечью, произнёс:

– И всё-таки, этот инцидент не совсем вяжется с понятием о высшей справедливости. Он немногим меньший грешник, чем я. А может быть, и такой же! Почему же ему можно исправить, а нам нельзя?

– Ну что ж, – ответил судья, – я вам отвечу, хотя вовсе не обязан этого делать. Ни я, ни тем более вы, не можете и не имеете права судить о Высшей Справедливости, потому что не имеете о ней ни малейшего представления. Кто же больший грешник, а кто меньший – это уже детали, которые мы здесь и разбираем. А для того, чтобы попасть сюда, иногда достаточно

одного не прощённого поступка, и не обязательно быть убийцей или насильником. Например, совершить предательство, подлость, лжесвидетельство или осудить невиновного. И чем тяжелее последствия данного преступления, тем суровее будет наказание. И даже несмотря на то, что до этого, может быть, он жил вполне порядочным человеком. Ведь в жизни часто всего один шаг отделяет порядочного человека от порядочной сволочи.

Судья остался доволен последней фразой, но потом погрустнел и задумался. Все молчали, даже прокурор. Но вот он тряхнул головой, сбрасывая оцепенение, и вернулся непосредственно к затянувшемуся процессу:

– Так, с вами, Хватов Андрей Игоревич, разобрались. Харон, выведите его из зала и доставьте туда, где лежит тело. Пусть выздоравливает – и повреждённым телом, и травмированной душой. – Считая, что вопрос на этом закрыт окончательно, он переключил внимание на оставшихся несчастных, к которым и обратился. – А с вами, граждане грешники, продолжим. Вы прекрасно слышали ранее мою речь о вашей очень и очень прискорбной жизни, и, в свете моего последнего ответа грешнику Баксову, должны понимать, что вас ждёт…

Неисправимая девица-прокурор, уставшая от долгого молчания, вскочила и неистово выкрикнула:

– Чистилище, все ярусы ада и многочисленные мытарства!

В этот момент Алексей с Андреем как раз покидали помещение. Последнее, что они услышали, были успокаивающие слова не злобного в своей сути судьи:

– Ну, вы, милочка, уж совсем разошлись. Что с вами сегодня? Я очень вас прошу, умерьте свой агрессивный напор. Будьте осторожнее в словах и эмоциях, а то ведь…

Они напоследок обернулись. Тёмные фигуры в балахонах, доселе сидевшие настолько неприметно, что о них все забыли, после выкрика жёсткого прокурора заметно оживились. Они ждали развязки и своих жертв. Это были особы дела, а не слова.

Ещё уходящие увидели страх в глазах олигарха и чиновника, когда те тоже обратили внимание на загадочные и зловещие личности, а затем, с невыносимой тоской и завистью, посмотрели во след помилованному. Но чем был вызван страх и что они узрели в глубинах чёрных одежд, Андрею узнать было не суждено. Пока не суждено. А может – и совсем?!

Алексей подтолкнул его к выходу.

– Уже прошло столько времени, – начал волноваться журналист, когда они покинули страшное заведение, мыслями уже вернувшийся к той, грубо материальной жизни. – Может быть, тело уже нашли и отвезли в морг? И мне предстоит умереть вторично, замёрзнув в холодильной камере?

– О, какой быстрый прогресс! – воскликнул со смехом Харон. – Сразу заволновался о своём бренном прахе? Главное, чтобы ты помнил о душе. А насчёт всего остального не беспокойся. Не для того тебе даровали жизнь, чтобы мгновенно её забрать обратно. И о времени не волнуйся. Бывает, конечно, некоторые души странствуют. Им даётся период для осмысления себя и испытания близких, пока их тело находится в коме. Таким время обратно не возвращают. Некоторые, наиболее светлые души, сами не желают возвращаться. О таких говорят – умер, не приходя в сознание. Но ты вернёшься в тело через несколько минут после наезда.

– Вы управляете временем?

– Не я – выше. Гораздо выше. Там управляют всем. Помни об этом всегда! А время – штука крайне субъективная, даже, я бы сказал, скользкая. Оно вроде и есть, а вроде его и нету. Видал, как бывает?! – А потом весело добавил. – Туда, куда ты возвращаешься, тоже здорово управляют временем, перегоняя стрелки часов!

ЭПИЛОГ

После обеда вновь наползли тучки и начал накрапывать дождик. Четверг – он есть четверг. Всё смутно и неопределённо. И не верьте чересчур диетологам, что четверг – рыбный день. Ещё не известно, кто в этот день рыбак, а кто рыбка, и кто на кого расставил сети.

Двое молодых парней катили на старенькой «Ауди» за город. Перемене погоды они не обрадовались.

– Не унывай, – сказал один другому, который был за рулём. – Это не дождь, это пыль морская! Видишь, с запада солнышко выглядывает и подмигивает нам.

– А я и не унываю, – ответил второй оптимисту-романтику. – Хорошо, что когда приедем, а там уже всё готово: и шашлычки, и водочка, и кое-что другое.

– Ага, – согласился первый, и вдруг, указав пальцем на трассу, крикнул. – Смотри! Что-то на дороге лежит! Большое. А на обочине тачка. Тормози – посмотрим.

– Вижу, не слепой. Кажись, мужик?!

Проехав метров пятьдесят, остановились. Оба подошли к лежавшему на асфальте человеку, который не шевелился и, казалось, не подавал признаков жизни, в виде дыхания.

– Жмурик? – поинтересовался первый.

– А хрен его знает?! – логично ответил второй.

– Ну так посмотри! Что, трудно, что ли?!

Тот наклонился и пощупал, как учили в киношных боевиках, на шее пульс. Через несколько секунд возвестил:

– Вроде как есть… Точно есть, только слабый.

– Ну и что будем делать? – растерянно спросил первый.

– Скорую надо вызывать, – не без сострадания предложил второй.

– Само собой, – поддержал первый гуманный порыв друга. – Только с его мобилы.

– Почему?

– По качану! – глупость и наивность одного удивляла и раздражала второго. – Хочешь остаток дня потратить на допросы и протоколы? Лучше иди, прошманай тачку, видишь, какая навороченная! А я займусь «терпилой». Окажу ему первую помощь.

И он принялся детально ощупывать карманы в поисках, видимо, не только мобильного телефона. Когда его рука нащупала в кармане пиджака приятную пухлость бумажника, рука «жмурика» неожиданно схватила за кисть его шаловливую руку с такой силой и такой мёртвой хваткой сжала, что тот аж взвыл от боли. Затем пострадавший открыл глаза и спокойным, ровным голосом, даже дружелюбно улыбнувшись, сказал:

– Не надо совершать то, о чём впоследствии, пусть не на этом, так на другом следствии, обязательно пожалеешь, но возможности что-либо исправить уже не будет. Если тебе надо на пропитание, я сам выделю из своего бюджета.

– Пусти, – сквозь зубы процедил парень. – Не надо мне от тебя ни хрена! Руку сломаешь, гад!

Андрей отпустил, и вырывавшийся парень, потеряв равновесие, плюхнулся на задницу. Быстренько вскочил, растирая ушибленную руку здоровой, крикнул другу, копошившемуся в салоне:

– Серый, валим отсюда! Видишь, как эти жлобы быстро приходят в чувство, когда дело касается их мошны. Будут подыхать, а своё не отдадут. Будто на тот свет с собой заберут.

Андрей сел и посмотрел вокруг.

Проходивший Серый вежливо спросил:

– Может, скорую всё-таки вызвать?

– Спасибо, ребята, вы и так мне здорово помогли. Дальше уже я сам, – и засмеявшись, добавил. – А на том свете, пацаны, деньги точно не нужны. Уж поверьте тёртому калачу.

Ребята, скорее всего, не поверили, особенно водитель. Он, видимо, был большим скептиком, потому зло и высокомерно согласился:

– Поехали. Делать больше нечего, как под дождём, посередине дороги, с психами базарить. Итак время зря потеряли.

И они уехали. Андрей же, проводив их грустным взглядом, принялся себя ощупывать. Болели рёбра с правой стороны, рука в локтевом суставе и правая нога. Нога больше всего, похоже на перелом. Он отполз к своему автомобилю, ухватившись за руль, втащил себя в салон и достал телефон, чтобы позвонить в «скорую». После позвонил жене и сообщил, что попал в небольшую переделку, и чтобы к ужину его не ждали – он задержится в больнице на неопределённый срок. Шутку не оценили, и ему пришлось успокаивать супругу, рассказывая небылицы. Ещё позвонил матери, поинтересовался её здоровьем, не упомянув ни словом о своём.

Андрей откинулся на спинку сиденья и стал ждать. И первым дождался звонка главного редактора, с которым в эту минуту говорить хотелось меньше всего. Он обрисовал сложившуюся ситуацию, заявив, что похищены и оригинал и копия, и что он полностью пуст. И ему показалось, что он услышал слабый вздох облегчения. Редактора можно было понять.

Окончательного решения относительно имеющихся у него материалов, Андрей ещё не принял. Он рассматривал три варианта. Первый – уничтожает, второй – передаёт другу, третий – инкогнито отправляет в следственный комитет. Но об этом у него будет время подумать на больничной койке.

А редактору, на самый постскриптум разговора, объявил, что после физического восстановления он увольняется и переходит на телевидение в спортивный отдел, куда его давно зовёт друг, чтобы здоровый уже дух имел достойное здоровое тело.

Редактор шутки не оценил и начал что-то мямлить о скоропалительных решениях, необдуманных выводах, о времени подумать, и ещё о массе других вещей, включая естественный страх, но Андрей его уже не слушал.

Андрей смотрел вдаль: смутную и размытую в прошлом, и ясную и отчётливую сегодня. Он мог согласиться с редактором только в одном – в чувстве страха. Да, он был напуган. Сильно напуган, но не олигархами, не политиками и не бандитами. Он был напуган своей прошлой жизнью.

А значит, пришло время её менять!

Рассказы

На повестке времени – Любовь

Была воспета в стихах,
И баллады о ней
Пели менестрели.
Теперь всё впопыхах,
Только б скорей,
И мысли все о постели.

Она стояла, потупив очи и опустив голову. Невыносимо быть без вины виноватой. Ей было стыдно и больно. Стыдно за людей, и больно от ощущения своего бессилия. Когда-то о ней слагали баллады, пели одухотворённые песни, и поэты, в искренних порывах чувств, возносили её на недосягаемую высоту в своих бессмертных стихах.

Те времена канули в Лету. Её имя втоптали в грязь, опошлили и опорочили. Теперь, даже в лучших стихах, посвящённых ей, нет души поэта. Красивый набор зарифмованных фраз. И всё! Внутри пустота.

Владыка смотрел на неприкаянную дочь. Сердце его разрывалось. Но он был мудр и справедлив. Он сказал, и голос его был твёрд:

– Что я могу сказать тебе, дочь моя?! Я всё вижу и всё знаю. Я помню начало, когда было Слово. Я был молод, полон сил и энергии. Когда начинал это грандиозное дело, моя самоуверенность не знала границ. Я был убеждён в своей правоте, что создаю Благо. Не унывал я и в последующие времена. Те семена, которые я заложил в основу мироздания, обязательно должны были дать ростки счастья и благодати. И они были! Всегда! Но непутёвый сын разбросал и сорняк. А он растёт в любых условиях и на любой почве, вытесняя и уничтожая благодатные семена. А на такой почве, которую создал я, этот бурьян достиг невиданных размеров. И, к сожалению, тенденция к росту неумолимо прогрессирует. Мне жаль.

Последняя фраза была произнесена на выдохе. Владыка в горестной задумчивости замолчал. По сторонам послышался робкий шёпот.

– Я еще не закончил! – Владыка, метнув огненный взор, громогласным голосом пресёк бестактный акт непослушания и самоуправства. – Мне жаль, что мои большие планы, в виде любимого отпрыска, на которого я возлагал большие надежды, в итоге не оправдались, а обернулись бедой. Он не присутствует сегодня здесь! Потому что ему здесь не место, и мои очи его видеть не в силах. Мне достаточно наблюдать его потомство – эти наглые и похабные рожи!

Опять раздались голоса, перерастающие в тихий, но сплошной гул, среди которого можно было разобрать некоторые слова: «владыка», «мудрец», «всевидящий», «дедушка».

– Цыц! Я вам не дедушка, а ваш отец мне не сын! Как же вас расплодилось?! Да, демографический кризис им не угрожает. Не всегда, к сожалению, получается так, как того мы желаем. Молчать, отродье! Ишь, как возликовали – мы не унываем. Конечно, вам унывать и причины-то нет! Мои слова обращены к моему потомству. Дети мои! Вы должны бороться, ни в ком случае не сдаваться, и удача придёт. Обязательно придёт! Я в это верю и в этом убеждён. Я закончил.

Владыка устал. Он тяжело вздохнул и закрыл глаза. Все присутствующие были в недоумении. Речь закончилась, а вопрос остался нерешённым. Владыка постарел и начинает терять нить разговора. На это надеялись хитрые и коварные дети изгнанного сына, и ужасались при мысли об этом дети и внуки искренне его любившие и беззаветно ему преданные. Вновь зашу-

шукались. Но старик был не так прост, каким хотел казаться. Он приоткрыл глаза и хитро усмехнулся.

– Я лишь закончил абстрактные рассуждения и выразил надежду в конечную победу добра. – Надежда при этом смущённо опустила веки. – В коей я нисколько не сомневаюсь. И вы, порождение зла, ещё умоетесь горькими слезами, наблюдая гармонию человеческого общества. Теперь переходим к конкретному делу, касающемуся непосредственно моей дочери – Любви. Ты, любимая дочь моя, жалуешься на свою не востребованность у людей? На их чёрствость и лицемерие, на их эгоизм и цинизм, когда они друг другу говорят о тебе? Хочу напомнить, что человек – не идеальное творение, созданное мной для вершения и соблюдения высшего моего закона на Земле – Справедливости, которая достигается через Любовь и Доброту. Точнее, он не захотел им быть и жить в Великой Гармонии, поэтому был мной наказан и отправлен в Ад на духовные скитания. Чтобы через страдания и размышления достичь истинной Любви и Справедливости. Но я не оставил его, и даже там создал самые благоприятные условия, и дал ему выбор. Человек рождается как полый сосуд, лишь частично приобретая генетические качества своих предков. И это справедливо. Или нет? – Возражений не последовало. Последовала плохо скрытая радость в толпе по левую сторону от Владыки, где копошились нерадивые потомки горделивого сына. – И вот, в процессе своего духовно-физиологического роста этот сосуд наполняется. Вот здесь-то и встаёт главный вопрос – чем он наполняется? Если он наполняется любовью, добротой, милосердием, жаждой познания мудрости, значит вы, дети мои, свою работу выполнили на отлично. А если он наполняется всякого рода мерзостями и пакостями, то, увы, ваши конкуренты с задачей справились лучше. Да, да, именно эти, ехидно хихикающие рожи. Поэтому, мы не должны только человека обвинять в его грехах и пороках, но и себя. В своей некомпетентной, непрофессиональной работе. А как вы думали, любезные мои? Вот устрою переаттестацию на профпригодность, и я не уверен, что вы, дети мои, выдержите сию экзекуцию на отлично. Хотя, конечно, основная ответственность лежит на самом человеке. У него всегда есть выбор: что принять, а что отвергнуть. Надеюсь, я ясно выражаюсь? Видишь, дочь моя, как энергично закивали своими уродливыми головами твои соперницы – Ненависть, Хитрость, Коварство! А что это я не вижу вашего лидера? Где Зависть? Ах, на работе! Ей некогда отвлекаться по пустякам? Игнорировать моё собрание, потому что для неё это – пустяк! Каково? Видите, дети мои, какое у зла рвение к работе. Так чему тут удивляться, что они план выполняют, а вы – нет! Вы немножко разленились, голуби мои. Где эта, сонная тетеря?

Медленно, расталкивая нечисть, показалась заспанная, неряшливая, растолстевшая Лень.

– Вот, полюбуйтесь! – Владыка указал посохом на это несуразное существо. – Казалось бы, никаких данных, а бьёт все рекорды по установлению своей гегемонии над человеком. – И уже обратился непосредственно к этому существу. – Сгинь с глаз долой, перхоть человечества! Смотреть противно. Я хочу призвать вас, родненькие мои, побольше трудолюбия и напористости! Нельзя отступать при малейшей неудаче. Видите, как в довольной гримасе обезобразилась физиономия Наглости. Она для своих сородичей всегда дорожку проторит. Я ни в коем случае не призываю вас с них брать пример. Ни за что! Но нельзя блуждать в пространстве и ждать, когда вас позовут. Этого может не произойти. К сожалению. Надо идти самим. Опережая и отталкивая всю эту мерзость. Вы прекрасно знаете, что внутри они трусы, и добиваются успеха только благодаря вашим слабовольным поступкам. Я не призываю вас к насилию, но твёрдость духа попрошу увеличить. Все в курсе моей страсти к человеческому спорту, хоть и не все его разновидности я приемлю, поэтому скажу соответствующим термином – побольше спортивной злости! Да, милая Злость, иногда и тебя будем привлекать на нашу сторону. Вопрос поставлен ребром: либо мы, либо они. Третьего не дано. Ничьей здесь не будет. Мы должны победить! Хотя бы – по пенальти.

Владыка замолчал, и в который раз ветер разнёс по залу недовольный ропот.

– В чём дело? – грозно спросил он. – Что ещё от меня требуется? Кто это занимается демагогией? Какая агитация и пропаганда? Молчать! Я лишь даю психологические и тактические наставления своей команде перед вторым таймом. Правилами это не запрещается. Хорошо, хорошо! Сейчас займёмся Любовью. Что за идиотский смех!? Небольшая оговорка, с кем не бывает. Как же, всё-таки, вы развращённо мыслите?! И однобоко. Как люди, которых вы довели до нравственного маразма. Да, дочь моя, это ужасно, когда примитивные телесные совокупления люди называют твоим именем. Отставить словесные поползновения! Прежде, чем я продолжу, тактично попрошу Подлость и Трусость, со своим мерзопакостным обличьем спрятаться за колонны. У меня от них страшная изжога. Чего ждём? Храбрость, убери их с глаз долой. Так-то лучше. О, как уши из-за колонны растопырили. Слушайте все! Дабы потом не говорили, что не слышали и не упрекали меня во лжи, коей я не приемлю во веки вечные. Исключая, конечно, мелкий обман во имя торжества Справедливости и на благо Человечества. Я прав, Ложь?

– Это так, о Владыка, – неизвестно откуда послышался писклявый голосок. – Вы меня, к сожалению, недолюбливаете.

– Всё, заткнись. Вы, порожденье низменных страстей самой тёмной части души человека, ропщете о нарушении мной Вселенских правил игры?! О моей пристрастности и необъективности?! Я никогда не скрывал своей позиции в этом вопросе, и не отрицал своего редкого, но волевого вмешательства в суть происходящего. Это были вынужденные меры, принятые мной, дабы уравновесить общий баланс сил. Вам только дай волю, и вы уничтожите всё лучшее, что я создал. После первого, самого страшного, предательства, я не раз шёл у вас на поводу, когда испепелял Содом и Гоморру, когда предоставлял своему дерзкому сыну самому управлять всем земным бытием, закрывая глаза на войны, бедствия и опустошения, надеясь, что эти страшные страдания вернут человека в моё лоно. Да, это была крайняя мера, к которой я был вынужден прибегнуть, но в настоящем и будущем прибегать к ней пока не собираюсь. По крайней мере, в глобальном масштабе. И вообще, впредь попрошу, письменно и хронологически заверив, подавать апелляции по всем законам мироздания, а не устраивать хаос на внеплановом собрании. Протест будет принят, пронумерован, рассмотрен, и большинством голосов будет вынесено объективное решение, не подлежащее дальнейшему обжалованию.

Владыка перевёл дух, пронзительно-огненным взором обвёл собравшихся, покорно опустивших головы, и раскрыл было рот для оглашения самой главной части своей речи, как…

– Я очень сильно извиняюсь. Извини и ты, сестробрат. Мы очень сильно извиняемся, – приторно заворковало Подхалимство-Лизоблюдство, гермафродит с одной тушкой и двумя безликими отростками вместо голов. – Мы ни в коей мере не желаем никого здесь обидеть. Более того, мы искренне и незамедлительно желаем признаться в нашей пламенной вселенской любви ко всем присутствующим.

При кощунственном упоминании магического слова, Ненависть вывернуло наизнанку, а Любовь чуть не упала в обморок, вовремя поддержанная Дружбой. Наглость же смотрела на всех, никого не замечая. Младшая сестра Гордыни.

– Ещё одно слово, – грозно, насупив брови, прогрохотал Владыка, – на произношение которого наложен запрет, и я вас удалю на один срок контакта с людьми.

– Только не это, Великий Повелитель! Без людей мы зачахнем. Мы не в состоянии выносить одиночество.

– Вас же двое! – ухмыльнулся Владыка. – Вот и говорите друг дружке ваши тошнотворные сладости.

– Наш Мудрейший Господин, прозорливость ваша простирается далеко за границы всего безграничного мира, но в этом и кроется наше несчастье. Лучше бы мы существовали порознь.

– Лучше бы вы не существовали вовсе. Не думаю, что человечество от этого стало бы хуже. Хотя, в общем, про границы мне понравилось.

– Совершенно с вами согласны.

– Согласны с чем? С первым или со вторым?

– Мы согласны и с тем, и с другим, и с третьим.

– Я знаю. По крайней мере, никогда не спорите.

– Вот именно! Мы просто необходимы людям. Они не любят нас в себе, но обожают в других. При каждом упоминании своего имени Любовь передёргивало. Это заметили все присутствующие, не исключая Подхалимство-Лизоблюдство. И решили загладить вину.

– Ой, ой, прости нас, златокудрая, несравненная, венценосная дочь венценосного отца…

– Довольно, говори по делу! – Владыка стукнул посохом, и под ним в том месте задрожала земля.

– Дело в том, Повелитель, что мы тоже терпеть не можем самих себя в себе, но в людях мы себя любим. Просим прощения – ценим.

Вперед вышла Гордыня, задрав к верху маленький, свиноподобный носик.

– Не пора ли вам заткнуться, если нечего сказать. Или сказать что-то дельное, если таковое имеется в ваших безмозглых обрубках!

– Извини и ты нас, высокочтимая Гордыня, мы осмелились подать свой скромненький голосок для выяснения всех нюансов, дабы впоследствии избежать любых нежелательных недоразумений.

– Говорите же, прах вас возьми! – зарычал Владыка, вновь взметнув посох вверх, но спохватившись, с улыбкой поставил на место.

– Не сочтите это за оскорбление и не примите как обиду, но мы лишь хотели уточнить – на чьё имя подавать апелляции?

Все – и добродетели, и пороки, и сам Владыка – были крайне удивлены, и не самим вопросом, а тем, кем он был задан.

– А вам-то это зачем? Разве у вас могут быть какие-либо претензии? По-моему, вы гармонично приживаетесь со многими другими пороками и, даже, с некоторыми добродетелями. Поразительная лояльность и терпимость.

– Мы стараемся. А знать желаем для общего развития, так сказать.

Владыка обвёл взглядом всех присутствующих. И судя по всему того, кого искал, не нашёл:

– Любопытство! Где эта непоседливая девчонка неопределённого пола? Вечно везде суёт свой нос. Быстро найти и доставить на собрание.

Общими усилиями приказ был выполнен.

– Где это ты блуждаешь, любознательная моя?

Любопытство, шмыгнув длинным тоненьким носиком, плаксиво стало оправдываться:

– О, мой Владыка, когда вы в прошлый раз ударили посохом, мне стало очень любопытно…

– Я бы удивился, если бы этого не случилось. Ха-ха-ха.

– Да, это очень характерно для моего восприимчивого естества. Так вот, мне стало любопытно, не случилось ли чего страшного на земле?

– Узнала?

– Да, Владыка. Небольшое землетрясение, но обошлось без жертв.

– Я рад. Ты вот что скажи – зачем вот эту особь, – перст Владыки уткнулся в скукожевшееся Подхалимство-Лизоблюдство, – наделила частичкой себя?

– Виновата – не устояла против лести.

– Лесть! – усмехаясь, Владыка крикнул в зал. – Неужто, ты настолько сладка?

– Да, Повелитель, – ответила слюнявая, косоглазая Лесть. – А вместе с Подхалимством-Лизоблюдством мы непобедимы!

– Да-а-а, вот так оно всё и получается. Ладно, продолжим заседание. Даю ответ на поставленный вопрос, мои юные симбиозные эрудиты. Все апелляции, жалобы, просьбы, предложения подавать на моё высочайшее имя.

Нервно задёргался пятачок Гордыни, визгливым фальцетом она запищала:

– О каком-же, в таком случае, большинстве голосов может идти речь, если все претензии будете решать единолично?

– Не забывайте, что я многолик и сущностей во мне много. Не сомневайтесь – решение будет справедливым!

– Хотелось бы верить и надеяться, – сухо промямлила Гордыня, отходя в сторону.

Но была услышана:

– Если вы этого действительно хотите, подружитесь с ними. Вам стоит лишь сделать несколько шагов, вежливо поклониться и попросить Дружбу связать вас с Верой и Надеждой узами.

Не желая уязвлять ранимое самолюбие Гордыни, Владыка обращался к ней на «вы». Что, впрочем, не мешало изредка над ней подтрунивать. Так, из чисто спортивного озорства. Конечно, в пределах благоразумия и такта:

– Вы не решаетесь? Вы ни с кем не хотите себя связывать? Да, вы для этого слишком эгоистичны и высокомерны. Это ваше право. В таком случае, попрошу вести себя приличнее. Не надо возмущённо похрюкивать. И вообще, я замечаю за вами странную особенность – от возмущения вы похрюкиваете, от удовольствия – тоже. У вас что – нет других реакций на события? Обиделись? Напрасно. Критику сверху надо принимать благодарно. А вот критику снизу следует произносить шёпотом, а ещё лучше – мысленно. И в самых лучших выражениях. Я пошутил.

Гордыня, сделав вид, что оценила юмор, понимающе кивнула и совершенно непроизвольно хрюкнула. В зале хихикнули. Гордыня огненным взором прошлась по присутствующим, а Владыка мудро переместил акцент внимания:

– Что-то я не вижу ещё некоторых пошлых особ? Либо у меня что-то со зрением, либо они от меня искусно прячутся? Где тошнотворная морщинистая Жадность? Где её младшая сестра, переплюнувшая старшую в усердии, – Алчность? А-а-а, тоже на работе. Вот! Без выходных, без сна, ни минуты бездействия. Вот это трудоголики! Всё им мало! Ладно, сами погрязли в этой трясине, так и другим житья не дают. Уже редко можно встретить человека бескорыстного, готового поделиться последним. Истинного альтруиста. А ведь когда-то сердобольных людей было больше. Вот так, от нейтральной Бережливости ловко заманивают к себе в сети. А уж из её сетей… Та-а-ак, где Бережливость?

Все завертели тем, у кого что было на плечах. Скромно, но с достоинством, которое, кстати, находилось рядом, из-за спины Аккуратности вышла Бережливость с калькулятором в руке:

– Я вся внимание, Владыка.

Владыка заёрзал на своём троне, немного призадумался, но всё же спросил:

– Не кажется ли вам, любезная Бережливость, что в какой-то степени, пусть в самой малой, вы… как бы это точнее выразиться…

– Пособничаете! – рявкнула Подлость, и спряталась за Гордыню. Это ей не помогло. От Владыки скрыться невозможно.

– Это ещё что такое?! Кто тебе, кикимора болотная, позволил перебивать самого меня?

Подлость высунула из-за шпоры сапога Гордыни омерзительную рожицу и пропищала:

– О, Всемогущий, Всезнающий, Всевидящий, извини, прости, пожалей, я больше не буду! Честное слово!

И через мгновение получила сильный пинок под зад от подошедшей Честности и Чести, ещё одного симбиоза, только благородного происхождения. Полный, и духовный и физический, антипод Подхалимства-Лизоблюдства.

Владыка удовлетворённо хмыкнул:

– Будет с неё, слизи. И не забудьте, многоуважаемая Честность-Честь, тщательно вытереть обувь. – И вернулся к прерванному разговору. – Я нашёл подходящее слово. Не кажется ли вам, Бережливость, что вы, может быть непроизвольно, провоцируете людей на последующую ступень, которая и приводит в цепкие лапы Жадности и Алчности?

И тут все увидели, как изменилась скромная Бережливость. Голова взметнулась вверх так, что чуть не упали очки, осанка стала прямой как струна, и все поняли – сейчас что-то произойдёт.

Но взрыва негодования не случилось. Огромным усилием Воли, которая, к сожалению, иногда более лояльна к порокам, нежели к добродетелям, Бережливость подавила Гнев, который гипнотически смотрел на неё, и спокойно аргументированно сказала:

– Мой Господин, на мой счёт, который всегда в полном порядке, вы заблуждаетесь. Или, скорее, вы это сказали сгоряча, не подумав. – Подобные слова не многие из присутствующих посмели бы бросить самому Владыке. А уж от Бережливости этого не ожидал никто. Она же, не смутившись, продолжала. – И я вас прекрасно понимаю. Мне самой больно, стыдно, а иногда и страшно смотреть, как от меня ранее очень хорошие люди слепо идут к ней, а я ничего с этим поделать не могу. Здесь я бессильна. Я лишь экономист. Но хороший экономист, заметьте! Я учу людей правильно распределять материальные ценности, и на мне держится Благополучие. Вы это прекрасно видите. – На плече Бережливости сидело крохотное, зыбкое Благополучие. – Вы также знаете, что по обе стороны от меня находятся две крайности – Жадность и Транжирство. И то и другое ни до чего хорошего человека не доводят. И мне одной очень трудно противостоять этим двум, бесцеремонно тянущим человека на свою сторону. Хотя вы прекрасно знаете, как я стараюсь.

Владыка не перебивал, ему было стыдно за беспочвенное обвинение, пусть и выраженное в мягкой форме.

– Я приношу свои извинения, уважаемая Бережливость, и на этом замнём это недоразумение. Продолжайте в том же духе вашу педантичную, скрупулёзную, нудную, но, всё-таки, нужную работу. На этом всё. С вами.

Бережливость удовлетворённо слегка склонила голову, почтительно на груди крестнакрест сложила руки, сделала два шага назад и уже через мгновение что-то высчитывала на своём стареньком калькуляторе.

Владыка хмуро собирался с мыслями. Густые брови то сходились на переносице, то расходились. Время шло, которое для них особого значения не имело, а вот люди, за промежуток их отсутствия, могли натворить чёрт знает что.

Гнев сжал челюсти так, что желваки выпучились, как две большие груши. Злость, и до того синяя, посинела до невообразимой синевы. А Раздражительность, не в силах совладать сама с собой, страшно дёргалась в конвульсиях, отчего то язык выпадал изо рта, то глаза закатывались под лоб, то ручонки щипали собственное тело. И добродетели и пороки, увидев сию пантомиму, не сумели сдержать свою реакцию на это зрелище. Кто гоготал во всё горло, кто ржал как лошадь, кто звучно хохотал, кто пискливо визжал, кто-то просто смеялся, некоторые снисходительно улыбались, а кому-то было искренне жаль несчастную Раздражительность.

Владыка тоже усмехнулся, но так мимолётно, что никто и не заметил. И тут на авансцену вышла ещё одна особа, ранее лишь эпизодически упомянутая. С крючковатым носом, тонкими, плотно сжатыми и слегка вытянутыми в одну сторону, губами, и махонькими ушками непонятной геометрической формы. То была Наглость.

Очень востребованная у людей и пользующаяся большой популярностью, для которой некий наглец придумал поговорку, что она – второе счастье. Что служило для него первым счастьем, неизвестно, но можно предположить, если учесть при каких обстоятельствах пользуются Наглостью. Всегда неразлучна с Хамством.

– Я требую прекратить этот балаган! – заорала Наглость, хотя по своему статусу требовать что-либо не имела права. Но прекратить это безобразие следовало, и Владыка промолчал. – Мы здесь собираемся, чтобы решать очень серьёзные вопросы. Любителям глупого смеха могу предложить сию минуту спуститься на землю. Там предостаточно идиотских юмористических передач, где они смогут, образно говоря, оттянуться по полной. Мне же некогда, да и противно тратить на это моё драгоценное время.

Подала голос и Гордыня:

– Абсолютно солидарна с Наглостью. Может, это и выглядит несколько забавно, но подобные казусы не должны отвлекать внимание собравшихся, и уж тем более ваше внимание, Владыка, от главного вопроса, по которому мы здесь собрались.

Владыка вновь грозно сдвинул брови:

– Тихо всем! Повеселились и будет. Я вынужден признать правоту, как Наглости, так и Гордыни. Вот ещё одно качество, кроме их собственных, вследствие которого они всегда будут на шаг опережать вас, дети мои. Они прагматики. У них цепкая хватка и деловой подход к любым вопросам. И мелочей у них не бывает. – Печально задумывается. – Хорошо! Сейчас я вынесу свой вердикт и на этом закончим… этот турслёт. А решение моё будет таково.

Но решение ещё зрело. Мудрый Владыка соображал, поскольку с этого момента начиналась дипломатия. Своим решением не обидеть своих, но и не сильно возмутить чужих. Массовые возмущения ведут к хаосу, а это только на руку пороку. Это его стихия. Он заговорил:

– Вы, бестии, требуете полного разграбления и уничтожения столь большой территория на том основании, что там не осталось даже искорки истинной беззаветной Любви? Я правильно истолковал ваш ультиматум?

Вновь раздался сумбурный сонм голосов:

– Именно так, Владыка. – Сказала Наглость, подняв руку вверх, обращённую к собравшимся.

– Сколько раз уже подобное случалось в истории человечества? Сколько гибло невинных людей? Тебе их не жаль, Наглость?

– Это удел Жалости! – цинизма Наглости было не занимать. – У всех свои обязанности в этом мире, не правда ли? И мы должны их выполнять, каковыми они не были. Или я не права?

– Да права, права, – с горечью признал Владыка. – Но какова демагог?! И всё же есть один кардинальный способ избавить вас всех от своих обязанностей. Полное уничтожение!

Он неожиданно резко встал, схватил рядом стоявший посох, и в запале так грохнул им по подножию своего трона, что во многих местах на земле началась сильная гроза, приведшая к многочисленным наводнениям, а кое-где случились новые землетрясения.

Наглость ехидно ухмыльнулась и, с плохо скрытой насмешкой, сказала:

– Спасибо, конечно, за помощь, Владыка, но мы и сами постараемся справиться.

– Заткнись! – в эту минуту Владыка был воистину грозен. – Здесь решаю всё я! И только я! Понятно? А теперь, пока я буду говорить, пусть только хоть кто-нибудь, хоть что-нибудь вякнет… испепелю! Превращу в прах! Разберу на атомы и разбросаю по всей Вселенной!

Установилась, как принято говорить в подобных случаях, мёртвая тишина. Или гробовая, как будет угодно. Даже ветер притих, затаив дыхание.

– Вот моё решение! Любовь, дочь моя, подойди поближе. – Любовь подошла и покорно склонила златокудрую голову. – Не бойся. Никого не бойся! Я тебя в обиду никому не дам. Никогда не обращай внимания на этих тварей, ты их попросту не замечай. А если назойливо начинают путаться под ногами, попросту небрежно отшвыривай их в сторону. К твоим услугам

всегда Доблесть, Храбрость, Благородство. Там, где ты будешь чувствовать себя уверенно, они не посмеют и пикнуть. Не так ли, венцы уродливого творения?

Владыка зол уже не был. Он лишь снисходительно усмехнулся и продолжил:

– Я даю тебе, дочь моя, три земных года на реабилитацию и поиски самой себя в этом заблудшем уголке. В остальных местах Земли, где цветут твои ростки, я и твои друзья проконтролируем, чтобы они не зачахли.

Казалось бы, вопрос решён, но нет.

– Осмелюсь заметить, что это слишком большой срок. Мы намеревались приступить к ликвидации намного раньше.

Конечно же эти слова принадлежали Наглости. У Владыки уже просто не было ни сил, ни желания злиться:

– Меня ваши гнусные планы не интересуют вовсе. Я своё решение озвучил, и оно останется неизменным. А кто недоволен, я уже говорил ранее – как и куда подавать апелляции. И попрошу следить за формой и содержание сих пасквилей. Не понравившиеся мне будут уничтожаться на корню…, вместе с подателем. Ха-ха-ха! На этом всё. Попрошу очистить помещение. Пора отдохнуть и мне. Отправлюсь-ка я в Центр Мироздания – в мой Главный Дворец Гармонии и Блаженства, к своим верным и преданным слугам, ставшими впоследствии друзьями. Но помните! Моё всевидящее око, даже в мгновения отдыха, зорко наблюдает все детали самого разнообразного жития в самых отдалённых уголках моего Царства!

А вы, дети мои, за работу! Ступай, дочь моя, не теряй драгоценного времени. Оно у нас безгранично, а у людей лишь миг. Возьми с собой Милосердие и Терпение, и, конечно, Веру и Надежду, и смелее вперёд. И там, где вы вместе одержите победу, в душе Человека поселится Счастье, лучи которого будут исходить от самого Меня. И ничто земное с ним не сможет сравниться, как не может сравниться электрическая лампочка с Солнцем, пусть даже шестой величины. Если уж сильно будет невмоготу, посылай ко мне гонца.

Любовь летела к Земле с развевающимися золотыми кудрями, горящим взглядом, и с неодолимой уверенностью в себе и в людях. Вместе они не просто выстоят натиску полчища гнуси, но и победят! Обязательно победят! Иначе просто и быть не может. Потому что только Любовь и Доброта – Основной Закон Мироздания.

Мемуары чиновника во фрагментах

Все фрагменты в режиме online

Фрагмент 1

Ну и темень! Ни черта не видно! Ручонками надо поосторожнее махать, чтобы глаз себе не выколоть. Ещё ничего противозаконного не сделал, даже не замышлял, а уже в карцере. Как бы не вошло в привычку? Неохота потом всю жизнь на нарах маяться. А теснота какая! Со всех сторон зажат, как в гробу. Аж жутко. Надо как-то на другой бочок лечь. Какой-то я совсем беспомощный. Ещё каким-то шнурком привязали. Хорошо, не цепью. Чтоб не сбежал, наверное. Куда тут бежать? Ни щёлочки света не видно. Неизвестно в каком направлении копать. Да хрен тут и покопаешь – ручонки, как грабли, не слушаются. Уже который раз себе по физиономии съездил. Надо стучать ногами, – может выпустят? Ага, настучишь тут: ноги не намного лучше рук – какие-то кочерыжки. Бьёшь, бьёшь, а звука никакого. И крикнуть не получается – бульканье какое-то. Ну и каторга! Когда всё это прекратится? Надо немножко поспать – сил набраться. Я упорный – я своего добьюсь. Пробью эту цитадель мрака.

Так, сил набрался, надо приступать к штурму. Ручки и ножки мало пригодные к серьёзным действиям, будем бить самой крепкой частью тела – головой. Главное, не повредить темечко, оно ещё слишком мягкое. Выйти на свободу идиотом – малопривлекательная перспектива. У меня слишком грандиозные планы на будущее. Удар, ещё удар! Тьфу, какая-то вода, чуть не захлебнулся. Никак утопить решили, изверги! Надо быть осторожнее: труп – немногим лучше идиота. Следует беречь свою бесценную жизнь. Надо сразу привыкать заботиться о себе самому. Ещё неизвестно, кто меня там ждёт? А вдруг алкоголики? Упаси Боже! Лучше захлебнуться сейчас, чем хлебать горе потом. О! Вижу лучик светика в тёмненьком погребе. Ура! Вперёд, вперёд: и ручками, и ножками, и головушкой. Ползём-ползём. Лучик становится ярче: надо закрыть глазки, чтоб не ослепнуть с непривычки от Божьего света. Как же я буду деньги считать? Больно-то как! Что за нора такая узкая? Ой! Что за сволочь меня за уши тянет? Жаль, не вижу ни фига. Я бы этого живодёра на всю жизнь запомнил. Скотина! Чуть челюсть не вывернул. Ничего, я потом тебя из под земли достану! Кто это тут так орёт? Что, заткнуть некому? А, это ж я. Правильно. С детства надо командный голос вырабатывать. Ну что ж, первый шаг к цели сделан. Будет и второй.

Фрагмент 2

Как ни странно, родители оказались серьёзные и респектабельные люди. Особенно отец. Он Ленина на будущем Мавзолее видел. Тот стоял и думал. Уже заранее место себе выбирал. Ещё не догадывался, что он будет вечно живым.

Отец всю жизнь возле партийных сапог тёрся. Лучший друг его был – печник, который был в приятельских отношениях с вождём. Тот Ленину печки строил, а батя сапоги чистил. Очень любили, уединившись, поговорить о будущем страны и партии. В то время будущее Родины было важнее своего. Странно, правда? «Куда партия пошлёт!» – были святые слова. Партия посылала по-разному. Печника послала в Сибирь – отца чуть ближе. Я умный юноша. Учусь на ошибках отца – остолопа. Что, не мог молча сапоги чистить? Теперь чистит снег. Его тоже здесь много – работы хватает.

Я ещё не опередил батю по партийной линии, но стремление большое. Если хочешь, чтобы в будущем чистили сапоги тебе, не ленись в настоящем чистить их другим. Я трудолюбивый. Уже комсомольский вожак. Всё увереннее веду молодёжь на строительство будущего – в самые разные и отдалённые уголки страны. У меня всё отчётливее вырисовывается

талант руководителя. Руководить не так просто, как многим может показаться. Прежде, чем научиться красиво и безопасно увлекать народ вперёд себя, мне не раз набивали шишки. Да чего уж там – и не только шишки. Я терпеливый. Терпение и лесть – можно высоко влезть.

Потихоньку готовлюсь к усыновлению. Через год-два, надеюсь, стану достойным сыном Партии. Но и первых родителей не забуду. Заберу к себе. Мама будет обеды готовить и внуков няньчить, а папа приступит к своим непосредственным обязанностям.

Фрагмент 3

Аплодируйте-аплодируйте. Где вы ещё услышите такую блистательную речь?! Столько недель готовился – устал, как собака! Столько литературы переварил! Уже тошнит: от марксизма, ленинизма, пленумов, тезисов, резолюций. Да, труден мой путь. А легко ничего не даётся! Только идиот может прожить всю жизнь в бочке и быть довольным. Главное – не расслабляться. Хозяин области – хорошо, но мало. Пройден первый пролёт карьерной лестницы. Их много в нашей многоэтажке. Надо до Политбюро добраться, до мансарды политического небоскрёба. Там, конечно, тесновато, но в тесноте – не в обиде. Протолкнём, проползём, просочимся. Пододвинем старых мухоморов. Все данные для этого у меня есть. Не стар, энергичен, целеустремлён, идеологически подкован. Подковы, кстати, меняю регулярно. Чтобы идти в ногу со временем. После первых, отцовских, уже раз пять обновлял. Что ещё? С подчинёнными строг, но справедлив. Кто сомневается в моей справедливости, значит, сомневается в справедливости Партии. Они уходят в небытие. Рядом остаются самые преданные. Преданность определяю по глазам и слюновыделению – для мужчин. Для женщин – только по глазам. Не люблю слюнявых баб. Но в глазах должна читаться непоколебимая готовность в любой момент отдать всю себя служению Партии. Которую в данном месте и в данное время представляю я. Значит, отдаваться надо мне.

С начальством я любезен, слащав и услужлив. Где лизнуть, где мяукнуть, куда зайти тыльной стороной и согнувшись. Так устроено наше общество: верхние имеют тебя – нижних имеешь ты. Называется – «вертикальные половые отношения». Не я это придумал, и не мне это менять.

В душе я добрый и семейный человек. Люблю домашний уют. Не злопамятен. Но обиды помню. Нашёл того слесаря-гинеколога, который меня за уши вытянул в этот мир. Они, уши, портят всю партийную серьёзность моего лица. Глаза горят неугасимым пламенем борьбы, подбородок тяжёлый и волевой, нос как у орла, а вот уши – как у чебурашки. Есть, правда, один плюс – слух хороший. Они у меня как радарные установки: улавливают малейший шёпот недовольства. Все попытки интриг и заговоров пресекаю на корню.

Думал, найду того гада – ему совсем уши откручу. Прихожу: Сидит старичок в очках, газету читает, а уши, от старости, завяли и в трубочки скрутились. Торчат две спирали из головы, как у гуманоида. А очки за голову резинкой зацепил. Глянул он на меня и тоже захохотал. А потом сказал гордо: «Моя работа!» Щёлкнул ему по носу и ушёл. Что взять с карикатуры?

О как аплодируют. Ну идиоты! Страшная сила слова! В чём угодно можно убедить дурака. Ну разве не дурак в третьем ряду? Орёт «браво», аж слюной подбородок забрызгал. Осёл! Это серьёзное партийное собрание. Это не «Отелло», а я не мавр. Хотя его с удовольствием придушил бы. Не люблю явных лицемеров. Лицемерить надо уметь. Это искусство! Да и остальные не лучше. Если и молчат, то из скромности. А ладони, поди, в синяках. Теперь, правда, уже не то. При Сталине часами хлопали, аж в ушах звенело. Распустились! Хотя, не все. Не все дураки. Притворяются, как и я. Вон, у лысого какие глазёнки хитрые. Значит, точно дурак! У умного глаза идеологически правильные. Ему в глаза посмотришь, и без слов видишь, что светлое будущее где-то рядом. Надо лучше искать. Он-то знает. Но не скажет. Могут кон-

фисковать. Вот из таких и получаются, как говорил товарищ Ульянов-Ленин, «политические проститутки.» Ему ли их не знать?! Вот это театр! Только для меня уже маленький. Пора выходить на более крупные подмостки. Тамошний ведущий актёр уже сдал… Кого смог. Пора и его – в утиль.

Фрагмент 4

Кресло удобное, но жестковатое. Заменить! Да и кабинетик мрачноватый. После прежнего хозяина грозовые облака не развеялись. Как бы не сверкнула молния и не грянул гром. В лице генерала КГБ. Недельку надо проветривать, чтоб солнышко выглянуло. А с генералом надо подружиться. Быть, так сказать, на короткой ноге. Это будет сделать не трудно. Он и так хромает после ранения. Герой! Кто-то из Политбюро на охоте в Беловежской пуще подстрелил. В оцеплении неловко выдал себя. Потом оказалось – ловко. Был майор – стал сразу полковник! А уже – хромающий генерал. Подстроимся! Похромаем вместе. До поры до времени. Эта станция у меня промежуточная. До конечной ещё далеко.

Надо проветрить. Смрадный запах. Чем-то палёным. Неужели моего бывшего босса прямо здесь утилизировали? Вонючий сукин сын!

И секретаршу заменить. На что мне старая карга? Опыта много – страсти мало. Блеска в глазах нет. Потухшие фонарики души. С такой коммунизм не построишь. Нужны оптимисты! Свято верящие в светлые идеалы. Чтоб на неё глянул, и сразу работать захотелось. Что-нибудь построить, сотворить! Хотя бы с ней. В любых условиях ощущался прилив сил. А на такую глянешь – и полный упадок. Не то, что работать – жить не хочется! Не знаешь, во имя чего?!

Фрагмент 5

Много воды утекло с тех пор. Но мой жизненный сосуд по-прежнему полон. Я несу его осторожно, понапрасну не расплёскиваю. Я уже среди мудрейших, среди аксакалов марксизма-ленинизма. Правда, на вторых ролях, но оно так безопаснее. Тяжело было первое время. Их много – я один. Всем хочется понравиться. От постоянной заискивающей улыбки судорога стягивала лицо. Не помогали даже ежедневные маски на биологической основе из собственного сырья. Снимали напряжение лишь на время. Мышцы лица одеревенели, и требовалось участить процедуры. Но увеличить добычу сырья организм отказывался. Страшный зуд всего тела не давал покоя ни днём, ни ночью. Особенно досаждал тазобедренный сустав, вынуждавший даже на рабочем месте, на стуле, держать его в постоянном движении. Отчего был некоторый убыток – очень быстро протирались штаны. Новые уши, после пластической операции, выглядели солидно, но почему-то краснели в самые неподходящие моменты. И утратился былой слух. Очень опасался заговора. Но постепенно ко всему привык. Врач утешил. Сказал, что все болезни на нервной почве и дал хорошее лекарство. Теперь он мой друг. Лекарство дорогое, но эффективное. Разгладилось лицо, утих зуд, и уши приняли нормальный синеватый оттенок. Теперь я спокоен, как квакша изменчивая в зимний период. Но бдительность не теряю.

Фрагмент 6

Перестройка. Странное слово, несущее в себе массу непонятного и загадочного. А значит сумбурного и трагического. Перестроить всю страну в короткие сроки, это не унитаз в сортире поменять. Все с головой окунулись в мутные воды нового времени.

Самый страшный удар народу мы нанесли неожиданно. Хотя спорные баталии шли ожесточённые. Победил поводырь. Я был категорически против. Сильно возмущался! У себя дома. Молча. Думали, народ бросит пить. Не бросил. Что делать? И давай чесать разные места. Виноградники-то пустили бульдозерами под корень! Мы всегда сжигаем за собой мосты, чтоб

не возвращаться назад. Только вперёд: напролом, расшибая лоб, ломая рога, упираясь копытами. Но ни шагу назад.

И такой страшный зуд у них начался, – хуже, чем у меня в своё время. А я, по-прежнему, квакша изменчивая. Доктор рядом – лекарство тоже.

Начесались всласть и придумали. Увеличили выпуск парфюмерной продукции. Расходилась на ура, не доходя до прямого назначения. Многие жители встречали многие праздники с тройным одеколоном и лосьоном на столе. Очень оригинально. И не накладно. Выпивка и закуска одновременно. И запах приятен – хоть на свидание иди. Более умные и хитрые из нашей среды, а таких большинство, стали более интенсивнее совмещать служебное положение с возможностями, которые даёт это служебное положение. И большинству это удалось, что не удивительно. Школа Партии – самая натасканная школа по специфике выживания в любых условиях. Главное: точно знать куда всунуть своё всасывающее сопло. А потом только смотри, чтобы кто-нибудь его оттуда не вытолкнул. Я и тут не дал маху. Ухватился за хобот одного аксакала мёртвой хваткой и не отпускал. Он свой хобот всунул глубоко, по самые бивни. А я скромненько так, сополко втиснул и посасываю. Немножко тут, немножко там. Главное: не зацепить своим хоботом чужой. Мой аксакал зацепил. Ему его и отрубили, вместе с бивнями. При моём непосредственном участии. Главное: вовремя распознать смертельную болезнь. Я за два месяца до омертвения моего телоносителя, по бледному лицу и тусклому взгляду, понял, что он не жилец. И сразу поменял дислокацию. Теперь я на его месте, но свой хобот глубоко не всовываю. Надо иметь чувство меры, чтобы не подавиться.

Фрагмент 7

И вот теперь, на склоне лет, я вынужден с удовольствием признать, как это мне не трудно, что жизнь-то по большому счёту… удалась. Сопроводив всё это тяжким вздохом. Не всё, конечно сбылось, что я планировал. Не впустили меня в заветные закрома Родины. Больше крутился возле главного амбара. Но, может, оно и к лучшему. Главное: жив-здоров. В то время как многие соратники бесследно канули в вечность. Смутное время. Приватизация. Инфаркты, инсульты. Кому это не помогало – помогали. Применяли огнестрельную эвтаназию.

Я ни кому не мешал, ни у кого на пути лишний раз не становился. Так, бежал рядом, собирал что падало. А падало иногда много, и я не ленился нагнуться и подобрать. И ничего, что бежавший убегал далеко, пока я собирал. Я тут-же хватался за другой хобот другого пробегающего. Все бежали. Главное: успеть ухватиться. Я цепкий. Ещё успевал нагнать предыдущего – побывать на похоронах и отпевании. До самого верха не добрался, зато и не упал на самое дно… болота, с камнем на шее. Сделал всего одну оплошность. Сверху толкнул аксакал, и мой хобот всосал слишком много нефти. Не подавился, но на излёте жизни здорово поперхнулся. Но и сейчас многие помнят и помогают. Живу на полном пансионе, со всеми удобствами, гастрономически ни в чём себе не отказываю. Живу один, не выношу сородичей по племени. Много читаю, размышляю, философствую. Постигаю мудрость тибетских лам, анализирую основные вехи своего жизненного пути. Пишу мемуары: о себе, о других, о нашей эпохе.

Когда одиночество становится совсем в тягость, вызываю к себе в собеседники начальника тюрьмы. Он же, кстати, в отсутствии моего доктора, и снабжает меня необходимым лекарством. Не ощущаю никакой нервозности и дисбаланса. Продолжаю жить квакшей изменчивой. Полное хладнокровие.

Начальник, умнейший человек и кладезь информации, истинный знаток жизни всех слоёв общества. Знает всю подноготную многих воротил бизнеса и политического Олимпа. Тоже пишет философский труд. Называется: «Сокровенные цели цельной в целом личности,

морально обесцененные при анализе бесцельно прожитых лет». Благодатная тема при наличии такого количества фактического материала.

Единственная радость в моей жизни – это дети и внуки. И не только потому, что они у меня есть. Хотя только это уже огромное счастье. И не потому, что их цели не сильно отличаются от моих. Главное: средства достижения этих целей у них противоположны моим.

Когда у людей появляется гордость за себя и за других; когда у них появляется уважение к себе и к другим; и когда они любят не только себя, значит, будущее есть: у них, у общества, у страны, у планеты.

Ну а я, – уже пройденный этап. Назидание потомкам и пища для размышлений. Начал жизнь девятимесячным заключением, как все, а закончу – девятилетним, как заслужил.

Свои мемуары закончу словами Бетховена: «Я не знаю иных признаков превосходства, кроме доброты».

Иммунитет души

Муза посетила неожиданно. И хотя Он к этому был совершенно не готов, но ничуть не растерялся от подобного сюрприза. Случился сей конфуз в четверть четвёртого утра. Взяв из письменного стола авторучку и первую попавшуюся тетрадь, ушёл на кухню и без заминки написал первые семь строк стихотворения. Немного застрял на восьмой строке из-за отсутствия подходящего слова с нужной рифмой. Пока мозг усиленно подыскивал варианты, тело занялось приготовлением кофе. Наливая кипяток в чашку, Он почувствовал, что кто-то, скорее всего муза, дёрнула нужную извилину и рождение концовки второго катрена совершилось. На написание же завершённого стихотворения из семи катренов ушло минут двадцать пять, не больше. Он прочёл его три раза и изумился, не поверив до конца, что это его собственное творение.

Он курил и размышлял над метаморфозами человеческого сознания. Что бы это всё могло значить? Он не то что никогда не писал стихов, Он их никогда не читал, потому что не находил в них живительной влаги для своей души. Он их попросту не понимал. Исключая, конечно, школьный период, когда чтение и заучивание стихов наизусть входило в обязанность учеников. Но это было примитивное вдалбливание в память, без особого осмысления, и, уж тем более, безо всякого восхищения. И вообще, стихосложение Он считал занятием праздным и бесполезным, в отличие от прозы, которую любил с детства и читал много.

Тут Он хлопнул себя по лбу. Да нет же! Однажды нечто подобное на стишок Он всё-таки создал. Как же Он мог забыть? Сын, будучи в классе четвёртом-пятом, пришёл домой и сообщил, что задали небольшое сочинение на зимнюю тему. Либо, как альтернатива, стихотворение на ту же тему – о зиме. И попросил отца, его значит, подсобить в этом нелёгком творческом деле. Легкомысленно посчитав, что написать стишок быстрее, и, почему-то, ни с того ни с сего, ощутив непонятный азарт, Он самонадеянно взялся за «перо». И действительно, к его немалому удивлению, на свет Божий появился небольшой детский, стихотворный экспромт. Назавтра сын с гордостью показал папе дневник, где красовалась залихватская «пятёрка» по литературе. Мол, смотри, папа, твоя! Это и был его стихотворный первенец – хиленький, но не уродец.

Он заулыбался, вспомнив, как глаза сына светились счастьем. Это было уже давно. А что случилось теперь? Не придя к какому-либо определённому заключению, Он ещё раз прочёл написанное, пожал плечами и отнёс тетрадь в книжный шкаф, забросив её на верхнюю полку.

С тех пор прошло два года. Муза, однажды, может быть даже по ошибке, посетив его бессмертную душу, стала приходить регулярно, не давая покоя бренному телу. Стихи стали рождаться в самые неподходящие и неожиданные моменты. Иногда это случалось на даче, при физической работе, иногда в пути, а иногда прямо на совещании у шефа, что вызывало особенный дискомфорт. И Он писал. Всегда и всюду! Он мог забыть ключи, какие-то документы, мобильный телефон, что-то купить, но блокнот и авторучку – никогда! Но чаще всего, почему-то, муза предпочитает предутренние часы, когда самый сон. Когда большинство здравомыслящих и особо рациональных людей получают мозговой отдых, исключая трудяг ночных смен, воров и дельцов ночного бизнеса, она выбирает наименее защищённую душу и без зазрения совести проникает в неё. И всё! Сна как не бывало. И желает человек или не желает, но творить уже обязан. Он уже не может иначе. И новоявленный Поэт пил кофе, курил и творил.

За это время о его пагубном пристрастии узнали не только родные, но и многие коллеги по работе и друзья. И если вначале Он, по скромности своей, стеснялся и сильно смущался, то впоследствии его уверенность в себе росла и крепла, никогда не перешагивая, впрочем, в нагловатую самоуверенность. И насмешки, ехидные и колючие, хоть и не частые, вскоре перестали волновать его вовсе. Он открыл для себя новый мир, которому отдавал приоритет.

Но вот однажды, как это часто бывает с творческими людьми, ему стало тесно. Тесно в его красивом, но слишком уединённом мире. В мире грёз, фантазий, размышлений. Он захотел, чтобы об этом чудесном месте его нового обитания узнали другие. Ему нужно было с кем-то поделиться своим счастьем. А для этого всё им созданное надо было показать человеку грамотному и сведущему в подобных вопросах. Накопившаяся уверенность, перешагнувшая однажды границы скромности и здравомыслия, настойчиво убеждала, что Он очень талантлив, если не сказать больше. И Он решился.

Взяв толстую тетрадь с последними своими стихами, Поэт направился в редакцию одной из газет. По мере приближения к цели, уверенность, как ни странно, стала улетучиваться в неизвестном направлении. Пытаясь напрячь всю имевшуюся в наличии волю, Он с ужасом осознал, что её явно не хватает, хотя всегда считал себя волевым человеком, способным на многое. Менталитет славянского сознания таков, что в любых стрессовых ситуациях заменой всех психотропных транквилизаторов является алкоголь. И это, наверное, не худший вариант. Хотя, конечно, и не оптимальный. Чудесный вариант существует, но к нему прибегают крайне редко. Но, как бы то ни было, алкоголь некоторую частичку уверенности Поэту вернул. Правда, в этом лекарстве, впрочем, как и во многих других, существует побочный эффект, очень коварный. Передозировка сим опасным средством прибавляет к уверенности, случается, ещё и наглость с хамством. Но Поэт всегда знал меру, а вежливость и доброта была у него, что называется, в крови, и не уничтожалась никакими химическими растворами.

Газета была уездного масштаба, и встреча с Редактором, вежливым и обаятельным человеком, состоялась. Узнав о цели посещения незнакомца, Редактор несколько смутился, но рукопись в руки взял. С улыбкой извиняющимся тоном, пояснив при этом:

– Должен вас сразу предупредить, что наша газета содержит большей частью рекламно-информационный материал. А творчество литературного характера печатают специализирующиеся на этом масштабные издания.

Пришло время смутиться посетителю:

– Извините, но позвольте, я и в вашей газете встречал и публикацию стихов, и даже печаталась из номера в номер большая проза.

Лукавая улыбка озарила лицо Редактора, но мгновенно спряталась в уголках губ, и лишь руки разошлись в стороны, поражаясь такой детской наивности.

– Это то самое редкое исключение из правил. И делается оно так же редко, как «Литературная газета» печатает научные доклады или пишет о политике. – Но интеллигентность не позволила цинизму взять над собой верх. – Но тетрадь, пожалуйста, оставьте. В свободное время я с удовольствием прочту и дам, насколько сумею, объективную оценку. Вот вам мои координаты – позвоните через недельку. Я очень рад нашему знакомству. Всего хорошего и творческих успехов!

Последние вежливые пожелания пронеслись холодком возле сердца, больно уколов его тупой иглой, сквозняком обдали лёгкие и комом застряли в горле. А чего он хотел? Что его встретят с распростёртыми объятиями и накроют стол? Кто он такой? А Редактор человек занятой, и если каждому рифмоплёту уделять внимание, то и газетой заниматься некогда будет. Да, наверное, всё правильно?! Но он же не каждый! Хотя, каждый всякий думает, что именно он не каждый всякий. Смешно… и грустно.

Неделя тянулась дольше обычного. Поэт мысленно то торопил её, желая встречи с Редактором, то всячески желал, чтобы эта встреча отодвигалась как можно дальше. Но, в не зависимости от его полярных желаний, срок этот настал.

Утро выдалось солнечным и по-майски тёплым. Лёгкий ветерок обдувал лицо, освежая разгорячённую кровь, шевелил волосы, и, где-то там под ними, в глубинах бело-серого вещества, успокаивал суетливые мысли. Поэт волновался, но в это раз к радикальному средству прибегать не стал. Так недолго и спиться.

– Ну, вот мы и встретились вновь! Доброе утро! – Редактор был настолько обаятелен и прост, что скованность волнение ушли сами собой. – Ну, уважаемый, сегодня у меня имеется достаточно свободного времени, чтобы нам побеседовать, а природа балует нас такой прекрасной погодой, что я предлагаю прогуляться. Не возражаете?

Поэт был только рад уйти из замкнутого пространства. Когда они оба оказались на улице, ему настолько стало хорошо, что Он готов был выслушать любой ответ, даже самый уничижительный. Так ему в эту минуту казалось. Редактор же, держа в руках его тетрадь, собирался с мыслями. Он задумчиво глянул вдаль, вдоль проспекта с движущимся транспортом, и размеренно заговорил:

– Вы знаете, поэзия, вообще, штука тонкая и непонятная. Я бы сказал – непредсказуемая. Иному поэту достаточно одного-двух напечатанных стихотворений и его вознесут до небес. О таких говорят – баловень судьбы. Я сейчас веду речь исключительно о поэтах способных и талантливых, но не более того. Гениальных классиков касаться не будем. Хотя, на мой взгляд, и там не всё так просто. – И речь пошла именно о классиках. – Пожалуй, никто из современников Пушкина или Лермонтова не считал их гениями. Да и отношение к поэзии было другим, нежели, скажем, в начале двадцатого столетия. Офицеру писать стихи считалось зазорным и даже наказуемым. В каждую эпоху свои нравы. Многое зависит от обстоятельств. Взять, хотя бы, Есенина, поэта, несомненно, от Бога. Но сколько времени ушло на метания, шарахания из стороны в сторону в поисках самого себя. И неизвестно, чем закончилось бы дело, не добейся он встречи с Блоком, который стал его протеже. Но поддерживать популярность скандалами пошло, хотя многие этим занимаются и сегодня. Иван Бунин об этом говорил открыто: «Мошенник, который своё хулиганство сделал выгодной профессией». Близкий друг Мариенгоф назвал его «искуснейшим виртуозом по игре на слабых человеческих струнах». И действительно, чего только не делал Есенин ради славы: скандалы, кривлянья, посвящение книг царской семье, подыгрывание большевикам. Даже женился ради славы – Айседора Дункан, Софья Толстая, внучка писателя; одно время строил планы породниться с Шаляпиным, женившись на его дочке. Я нисколько не стремлюсь унизить или очернить поэта с большой буквы. Это факты. И он сам не скрывал этого от своих друзей.

Редактор сделал глубокий вдох носом, затем через рот выдохнул и продолжил:

– А вот случай совсем казусный. В своё время этот поэт покорил всех, был первым «королём поэтов!» А славу, по иронии судьбы, ему подарил Лев Толстой. После долгих просьб допустить к себе представителя прессы, Толстой в интервью с возмущением и гадливостью процитировал прочитанные им в каком-то журнале строки этого поэта:

Воткните штопор в упругость пробки,
И взоры женщин не будут робки.

Ну как вам?

Вопрос был адресован ему. От неожиданности Он встрепенулся, но ответить не смог. Лишь неопределённо пожал плечами. Редактор продолжил:

– Абсолютно с вами согласен. Но самое интересное дальше. Особенно разгневали Толстого такие строки:

Ананасы в шампанском,
ананасы в шампанском.
Весь я в чём-то норвежском,
весь я в чём-то испанском…

Лев Николаевич захлёбывался от негодования: «И такую гнусность смеют считать за стихи! До какого падения дошла русская поэзия!»

– На следующий день слова Толстого были опубликованы. Автор статьи полагал, что классик уничтожил выскочку, раздавил его как клопа. Но случилось обратное: строки, процитированные самим Толстым, прогремели на всю Россию. И вместо позора обрекли сего поэта на неслыханную славу. Весь этот рассказ об Игоре Северянине. Не слышали?

Ему было стыдно, но что Он мог сказать о многих и многих поэтах, которые не попадали по тем или иным причинам в образовательную программу. Да и тех, которых проходили, что Он мог вспомнить, кроме их фамилии? Ничего! Исключение составляли всё те же: Пушкин, Лермонтов, да, пожалуй, Маяковский. А если коснуться конкретнее? Дядя, который был «самых честных правил»; «белеет парус одинокий»; «сижу за решёткой в темнице сырой»; что-то там о демоне; о морозе и солнце, когда день чудесный; а из Маяковского нахально всплывал в памяти паспорт, который тот доставал из широких штанин.

Редактор тем временем продолжал свой монолог:

– Я это всё о капризах судьбы. О её неожиданных и непонятных поворотах. И ещё надо учитывать человеческий фактор, в виде известного критика, наделённого неограниченными полномочиями. В его власти кого-то возвысить, а кого-то втоптать в грязь. Этакая всеядная литературная личинка, так и не выросшая в полноценную высоко художественную особь. А уж про элиту всякого человеческого сообщества я и говорить не хочу. И не важно насколько вы талантливы, или бездарны. Вопрос в другом: допустят они вас к себе, или нет? И ещё – конъюктура поэтического рынка такова, что, по большому счёту, поэзия никому не нужна. Поэтов читают только поэты. И очень большие ценители этого прекрасного искусства. И далеко не факт, что Владимир Высоцкий стал бы легендой, не пой он на свои стихи песни. Такая же история и с другими бардами. Народу нужны песни, желательно весёлые. Зачем ему стихи? Надеюсь, вы меня понимаете?

К нему в горло подкатил непонятный ком невообразимых размеров. Он лишь молча кивнул в ответ. С трудом его проглотив, Он с хрипотцой в голосе спросил:

– А что вы можете сказать о творчестве и судьбе Маяковского?

Зачем Он это спросил? Он сам толком не знал. Редактор удивлённо посмотрел на Поэта, с минуту помолчал, затем сказал:

– Для любого творческого дела человек должен прежде всего созреть духовно. У него обязан быть внутренний стержень, гнущийся, но не ломающийся. Когда этот стержень ломается, человек погибает. И не обязательно физически. Маяковский погиб задолго до рокового выстрела.

Редактор сделал очередную паузу. Посмотрел в глаза Поэту.

– Теперь касательно вашего творчества, – начинался самый важный аспект лекции, иначе этот монолог назвать было нельзя. Он замер, только сердце забилось учащённо.

– Я в своё время закончил журфак. А вы?

Вопрос не по теме. Он растерянно ответил:

– Технологический.

– Во времена своей юности и молодости, признаюсь, я тоже грешил стихосложением. Даже помышлял о поступлении в Литературный институт. Но у меня хватило ума и воли осознать недостаток таланта, чтобы стать известным писателем или поэтом. И я стал скромным журналистом, а не охотником за сенсациями. Теперь, как видите, я имею свою газету. Ну, или почти свою. Я доволен.

Он понял, куда Редактор клонит разговор.

– А при чём здесь Литературный институт? Не думаю, что там прививают каким-нибудь вегетативным способом талант?

Редактор согласился:

– Конечно, талант привить невозможно. Но вы знаете, что писать стихи – целая наука. Да и прозу тоже. Надо правильно выстроить сюжет, композицию, подготовить кульминацию. А стиль! Стиль повествования, как отпечатки пальцев, должен быть уникальным. И только всё это в совокупности может дать положительный результат. А со стихами ещё сложнее. Там столько нюансов!

Он обозлился. И здорово обозлился:

– Насколько я информирован, то все большие писатели, а великие – подавно, никаких Литературных институтов не заканчивали и никакими членами не состояли. Взять хотя бы талантливейшего писателя Валентина Пикуля. У него всего-то пять классов образования – война помешала. А наш современник Задорнов – у него за спиной авиационный, насколько я знаю, и с литературным они летают на разных высотах.

– Он – сатирик-юморист.

В этом кратком ответе Поэта покоробила открытая неприязнь юмора, как высоко-художественного жанра. Он, всегда спокойный и уравновешенный, чуть не вспылил.

– Значит, вы отрицаете таких писателей, как Ильф, Петров, Зощенко, Гашек, О Генри? А Жванецкий? А Горин? Да и многие другие! Неужели вы всех их отвергаете, как великих писателей?

Редактор, видимо, немножко устал, и его ответы становились более краткими и менее красноречивыми:

– Нисколько. Просто это уже другая тема.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.